

Очерки

изъ исторіи

литовско - латышскаго народнаго
творчества.

Параллельные тексты и изслѣдованія

Я. Лаутенбаха.

I.

Народныя пѣсни.

**Библиотека
О-ва Студ. Юристовъ
Юрьевъ,**

Оглавление.

№.....

	Стр.
Предисловіе	IX
Источники. а) Литовскіе	1
б) Латышскіе	7
Тексты.	
I. Пѣсни о пѣвнѣ	14
II. Мнѣическія пѣсни.	
1) Свадьба дочери Солнца	14
2) Роза (вар. бобъ)	19
3) Солнце, заботящееся о сиротахъ	23
4) Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ	25
5) Считаніе звѣздъ	27
6) Лайма и утонувшій братъ	28
7) Вслѣдствіе несчастной любви умершій юноша	32
8) Божественное родство сироты	42
III. Военныя пѣсни.	
1) Два голубя, два брата	43
2) Сестра воина	45
3) Вѣсть о войнѣ	47
4) Освобожденіе воина	51
IV. Пѣсни о похищеніи невѣсты.	
Похищенная сестра	53
V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.	
Дѣвица теряетъ вѣнокъ	60
VI. Объ упавшемъ кольцѣ.	
Объ утонувшей дѣвицѣ	62
VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.	
Три кукушки	66
VIII. О потерянномъ конѣ.	
Предложеніе къ вступленію въ бракъ	69
IX. О сватаніи — о ночевкѣ.	
1) Преимущество дѣвицы передъ вдовою	70
2) Молодая жена	73
3) Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка, у вдовца	74
4) Любовныя размышленія на ночномъ	75
5) Ночлегъ	78
X. Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру.	
Защита обиженной сестры	78

VI

XI.	Сиротскія пѣсни.	Стр.
1)	Могила матери	80
2)	Отвѣтъ матери изъ могилы	81
3)	Строгіе бары	82
XII.	Странное общаніе	82
XIII.	Дорогая семья.	
1)	Примѣты	83
2)	Поиски возлюбленной	86
XIV.	Пьяница.	
	Сидящій на лошади	88
XV.	Свадьба птицъ, волка.	
	Разныя роли гостей	88
XVI.	О козлѣ.	
	Приключенія козла на мельницѣ	93
XVII.	Колыбельныя пѣсенки.	
	Мышка приноситъ сонъ	96
XVIII.	Многokrатный обмѣнъ.	
	Даръ удача и отца	97
XIX.	Служба.	
	Различное вознагражденіе	98
XX.	Прощаніе	
	Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей	100

Изслѣдованія.

Введеніе	102
I. О пѣніи	108
II. Мнѣстическія пѣсни	114
1) Свадьба дочери Солнца	116
2) Роза (var. бобъ)	123
3) Солнце, заботящееся о сиротахъ	130
4) Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ	134
5) Считаніе звѣздъ	142
6) Лайма и утонувшій братъ	144
7) Юноша, умершій вслѣдствіе несчастной любви	155
8) Божественное родство сироты	165
III. Военныя пѣсни	168
1) Два голубя, два брата	170
2) Сестра воина	172
3) Вѣсть о воинѣ	173
4) Освобожденіе воина	177
IV. Пѣсни о похищеніи неvěсты.	
Похищенная сестра	179
V. Объ упавшемъ вѣнцѣ.	
Дѣвица теряетъ вѣнокъ	184
VI. Объ упавшемъ кольцѣ.	
Объ утонувшей дѣвицѣ	186
VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.	
Три кукушки	188

VII

VIII. О потерянномъ конѣ.	Стр
Предложеніе вступить въ бракъ	189
IX. О сватаніи, о ночевкѣ	190
1) Преимущество дѣвицы передъ вдовою	191
2) Молодая жена	192
3) Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка и у вдовца	193
4) Любовныя размышленія на ночномъ	194
5) Ночлеги	195
X. О посѣщеніи братомъ вышедшей замужъ сестры.	
Защита обиженной сестры	196
XI. Сиротскія пѣсни.	
1) Могила матери	198
2) Отвѣтъ матери изъ могилы	199
3) Строгіе бары	200
XII. Странное обѣщаніе	201
XIII. Дорогая семья	202
1) Примѣты	203
2) Поиски возлюбленной	205
XIV. Пьяница.	
Сидящій на лошади	206
XV. Свадьба птицъ, волка.	
Разныя роли гостей	207
XVI. О козлѣ.	
Приключенія козла на мельницѣ	210
XVII. Колыбельныя пѣсенки.	
Мышка приноситъ сонъ	212
XVIII. Многократный обмѣнъ.	
Даръ удача и отца	213
XIX. Служба.	
Различное вознагражденіе	214
XX. Прощаніе.	
Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей	215
Заключеніе	215

Предисловіе.

Уже много лѣтъ тому назадъ поражало меня сходство многихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Подробно изучая ихъ, я нашелъ, что уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Л. И. Реза, профессоръ Кенигсбергскаго университета, первый выдающійся собиратель и критикъ литовскихъ дайнъ (лит. народныхъ пѣсенъ), замѣтилъ сходство между литовскими и латышскими пѣснями и помѣстилъ двѣ такія сходныя съ литовскими латышскія пѣсни въ своемъ объемистомъ изданіи „Dainos oder Litthauische Volkslieder. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte. Königsberg, 1825“ (Ср. *ibid.* стр. 312, 314 и сл.). Я не остановился на однѣхъ дайнахъ, но въ своихъ изслѣдованіяхъ литовскихъ и латышскихъ параллельныхъ текстовъ пошелъ дальше. Я простеръ свои разысканія по всей весьма богатой духовной сокровищницѣ литовскихъ и латышскихъ народныхъ преданій. За дайнами слѣдовали пословицы, заклинанія и загадки. Относительно послѣднихъ я долженъ сказать, что я пришелъ, какъ и Д-ръ А. Биленштейнъ, къ заключенію „объ удивительномъ сходствѣ литовскихъ загадокъ съ латышскими“ (Ср. 1000 Lettische Räthsel. Uebersetzt und erklärt von A. Bielenstein. Mitau 1881, стр. 10, 18 и сл.). Когда почти всѣ собранные мною источники были приведены въ порядокъ, я весьма обрадовался, что нашелъ и у уважаемаго ученаго А. Беценбергера (Litauische Forschungen) сравненіе нѣсколькихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ и загадокъ; то же предпринялъ и я, — только въ большемъ объемѣ. — Выразивши въ своемъ сочиненіи мнѣніе о томъ, что сравненіемъ литовскаго народнаго творчества съ латышскимъ возможно будетъ констатировать большее число древнихъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, А. Беценбергеръ говоритъ: „Ich zweifle nicht, dass manche diese forderung mit

achselzucken aufnehmen werden, sie ist indessen unabweisbar geworden, nachdem Bielenstein (in der gratulationsschrift zum 50jährigen amtsjubiläum des generalsuperintendenten Wilpert, Mitau 1858) die daina „Laiņa šaukē, Laima vērkē“ im Lettischen nachgewiesen, und Mannhardt (Die lettischen Sonnenmythen, Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, s. 73 ff.) andere übereinstimmungen des lettischen mit dem litauischen volksgesang hervorgehoben hat“¹⁾. Указывая затѣмъ на нѣсколько соотвѣтствій, Бецценбергеръ замѣчаетъ: „Es wird nicht schwer fallen, derartige übereinstimmungen, die — trotz des nachweislichen eindringens lettischer lieder in das Litauische — eine weite historische perspective eröffnen, in grösserer zahl nachzuweisen, und es wäre sehr dankenswert, wenn dies einmal geschähe“²⁾. — Моя работа, хотя лишь случайно, соотвѣтствуетъ желанію, выраженному профессоромъ Бецценбергеромъ. Составляя свой трудъ „Needrischu Widwuds“ (Митава, 1891 г.), я замѣтилъ соотвѣтствія также и въ чисто эпической народной поэзіи (въ сказкахъ) литовцевъ и латышей.

На этотъ разъ я ограничусь достаточно богатымъ матеріаломъ, содержащимъ параллельные тексты дайнъ, пословицъ, заклинаній и загадокъ. Я изслѣдовалъ, по возможности, всѣ письменные источники литовскаго и латышскаго народнаго творчества и привожу ниже названія всѣхъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ я взялъ паралл. тексты и ихъ варианты. Такъ какъ я имѣлъ дѣло съ множествомъ сборниковъ, часто совсѣмъ не обработанныхъ или даже вовсе не приведенныхъ въ порядокъ, и такъ какъ я для своей цѣли долженъ былъ просмотрѣть многія тысячи произведеній народной поэзіи, то возможно, что я и проглядѣлъ нѣкоторый годный для меня матеріалъ. На абсолютную полноту не могу здѣсь имѣть претензій и вслѣдствіе того, что собраніе этихъ народныхъ произведеній еще не выполнѣ окончено. Но благосклонный читатель, по сопоставленнымъ мною ниже текстамъ, ихъ параллелямъ и вариантамъ, можетъ убѣдиться, что передъ нимъ находится достаточно исчерпанный матеріалъ, приведеніе въ порядокъ, обработка и изданіе ко-

1) См. его Litauische Forschungen стр. X.

2) Ibid. стр. XI.

того заслуживают того, чтобы обратить на нихъ внимание.

Въ I части помѣщены народныя пѣсни, во II части пословицы, заклинанія и загадки. Ради лучшаго обзора я раздѣлилъ параллельные тексты народныхъ пѣсень на нѣсколько отдѣловъ: I о пѣніи, II мнѣческія пѣсни, III военныя пѣсни и т. д. Впрочемъ, такое дѣленіе есть лишь попытка, такъ какъ литовскія и латышскія народныя пѣсни строго раздѣлить по содержанію очень трудно, даже невозможно. Напр., мнѣологическій элементъ проходитъ почти чрезъ всѣ пѣсни, и я называлъ ихъ военными, спротскими etc. пѣснями потому, что въ нихъ какъ разъ война, спроты и т. д. играютъ главную роль, а мнѣическій элементъ — второстепенную. Въ другихъ пѣсняхъ имѣются иные мотивы дѣленія.

Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ находятся параллельные тексты, помѣщены и разысканія и выводы, состоящіе изъ введенія и заключенія. Для языковѣда всегда важны источники извѣстнаго языка. Въ своемъ сочиненіи я предлагаю такіе источники литовско-латышскаго языка. Такъ какъ эти параллельные тексты представляютъ общее достояніе, общее духовное сокровище литовцевъ и латышей, такъ какъ они, несомнѣнно, вводятъ насъ въ то время, когда латыши и литовцы составляли еще одинъ, нераздѣльный народъ, который говорилъ на одномъ — всѣмъ его членамъ понятномъ — языкѣ, и свои духовныя произведенія создавать и передавалъ еще вмѣстѣ, то мы имѣемъ въ этихъ паралл. текстахъ памятники глубокой древности. Они доставляютъ для лингвиста очень важную часть самыхъ древнихъ источниковъ литовско-латышскаго языка.

Что касается правописанія, то я достигъ единства лишь относительно согласныхъ, употребляя въ литовскихъ текстахъ, по примѣру Юшкевича, вмѣсто польскихъ sz, cz etc., принятыя въ лингвистической транскрипціи Ź, ċ etc., чтобы такимъ образомъ ихъ согласовать съ латышскимъ правописаніемъ, въ которомъ въ новѣйшее время предпочитается послѣднее начертаніе. Касательно гласныхъ я оставилъ, какъ это дѣлалъ и Шлейхеръ, то разнообразіе, которое господствуетъ въ различныхъ изданіяхъ, чтобы не уничтожить діалектическихъ отличковъ, которые болѣею частью выражены гласными. Нѣкоторые лит. тексты имѣютъ удареніе, другіе не имѣютъ. II

XII

въ этомъ отношеніи я строго держался источниковъ. При этомъ, въ дайнахъ можно обойтись безъ обозначенія ударенія, ибо тутъ встрѣчается, какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ языкахъ, отличный отъ ежедневнаго разговорнаго языка акцентъ. Какъ литовець, такъ и латышь различаетъ въ народныхъ пѣсняхъ акцентъ прозы отъ акцента ритма (ср. Nesselmann, *Littauische Volkslieder*, стр. IX и A. Leskien und K. Brugman, *Litauische Volkslieder und Märchen*, стр. 90). Значки ` и ' въ латышскомъ текстѣ не обозначаютъ ударенія, но — протяжныя (*gedehnte*) и толкучія (*gestossene*) гласныя.

Въ заключеніе, прошу благосклоннаго читателя не поставить мнѣ въ особую вину тѣхъ промаховъ противъ русскаго стиля, которые вѣроятно найдутся въ настоящей моей работѣ; нѣкоторымъ извиненіемъ этого можетъ служить то, что предлагаемый трудъ есть первый печатный мой опытъ на русскомъ языкѣ.

Источники.

а) Литовскіе.

Еще въ 1689 г. И. А. Брандъ (профессоръ въ Дуйсбургѣ, † 1691) опубликовалъ два отрывка литовскихъ народныхъ пѣсенъ въ своемъ „Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardten, Tweerien und Moskovien“. Послѣ этого начала первыми напечатанными литовскими народными пѣснями нужно считать три „dainos“ (нар. пѣсни), изданныя въ 1745 г. пасторомъ Ругингомъ (Ruhig, 1708—1749 г. въ Вальтеркемѣ у Гумбины) въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Betrachtung der litthauischen Sprache in ihrem Ursprung, Wesen und Eigenschaften“. Познакомившись съ этими тремя пѣснями, Лессингъ первый въ своемъ тридцать третьемъ письмѣ (въ 1759 г.), въ которомъ онъ касается новѣйшей литературы, обратилъ вниманіе всего литературнаго міра на достоинство литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1778 и 1779 гг. издалъ Гердеръ въ своей книгѣ „Stimmen der Völker in Liedern“ тоже нѣкоторыя литовскія „даины“, хотя только въ нѣмецкомъ переводѣ. Полныя сборники литовскихъ народныхъ пѣсенъ появляются лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи. Въ 1809 и 1824 гг. появились стихотворенія Резы подъ заглавіемъ „Prutena“, между которыми мы находимъ и нѣкоторыя переведенныя литовскія даины, а въ 1825 г. былъ напечатанъ имъ объемистый сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Важнѣйшія изданія литовскихъ народныхъ пѣсенъ, въ хронологическомъ порядкѣ (съ указаніемъ тѣхъ сокращеній, подъ которыми онѣ цитуются) слѣдующія:

1. Rh.: Rhesa L. J. Dainos, oder Litthauische Volkslieder gesammelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext her-

ausgegeben. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte. Königsberg, 1825. Neue Auflage von F. Kur-schat. Berlin, 1843.

Это — самый древній сборникъ, который содержитъ 85 не-метрически на нѣмецкій языкъ переведенныхъ литовскихъ на-родныхъ пѣсенъ и составляетъ, какъ по объему, такъ и по богатству своего содержанія, сдѣланныхъ примѣчаній, наблю-деній и приложенныхъ народныхъ напѣвовъ, надежное осно-вание для сужденія о литовской національной поэзіи. Гёте написалъ одобрительную рецензію объ этомъ сочиненіи, ко-торая начинается словами: „Durch diese Sammlung ist aber-mals einer meiner Wünsche erfüllt.“ Хотя Нессельманъ и ука-зываетъ въ этомъ сборникѣ на погрѣшности противъ раз-мѣра и на недостатки строфическаго построенія, но это имѣ-етъ значеніе только съ чисто эстетической точки зрѣнія и не причиняетъ научному разысканію никакого ущерба. На-противъ, то обстоятельство, что Реза оставилъ свои пѣсни такъ, какъ онъ ихъ слыхалъ въ народѣ, возвышаетъ ихъ поэтическую объективность. Жаль только, что недостаётъ здѣсь дѣленій пѣсенъ по содержанію. Новое изданіе этого сборника заключаетъ въ себѣ несущественныя поправки, касающіяся только нѣкоторыхъ словъ и ихъ ударенія въ ли-товскомъ текстѣ. Кромѣ того, здѣсь отдѣльныя пѣсни озна-чены номерами, чего въ первомъ изданіи не имѣется. Я при-бавилъ, по примѣру Нессельмана, каждой ссылкѣ на Резу двѣ цифры, изъ которыхъ первая означаетъ номеръ пѣсни, а вторая (въ скобкахъ) страницу перваго изданія.

2. Stan.: Stanewicz S. Daynas Žemaycziu surynktas yr iszdutas. Wilniuje, 1829. (Жемайтскія пѣсни. Собраны и изданы С. Станевичемъ. Вильно, 1829.)

Эти пѣсни (числомъ 30) собраны (какъ въ заглавіи ука-зано) въ Жемайтѣи. Нѣкоторыя изъ нихъ совпадаютъ съ пѣснями сборника Резы, представляя лишь варіанты послѣд-нихъ. Это изданіе относительно строфическаго построенія, по мнѣнію Нессельмана, гораздо правильнѣе и лучше, чѣмъ изданіе Резы. Этотъ незначительный сборникъ мало извѣ-стенъ, хотя, по сообщенію Нессельмана, появилось и второе его изданіе. Я пользовался этими пѣснями по сборникамъ Нессельмана и Шлейхера.

3. Brz.: Brzozowski K. M. Pieśni Ludu Nadniemeńskiego

z okolic Aleksoty zebrał i przełożył K. M. B. z dołączeniem niektórych melodyj. Poznań 1844.

Этотъ сборникъ мнѣ извѣстенъ только по Нессельману и Барчу. Тутъ находится метрическій переводъ на польскій языкъ 51 литовской народной пѣсни, но только первыя восемь пѣсенъ приведены въ подлинникѣ, отъ другихъ лишь по двѣ или по три начальныхъ строки. Текстъ упомянутыхъ восьми пѣсенъ, какъ и Нессельманъ говоритъ, очень неправиленъ. Приложены къ этой книжкѣ и нѣкоторыя мелодіи.

4. Dowk.: Dowkont S. Dajnes Žiamajtiū pagal žodiū Dajninikū iszraszytas. Pirmasis Pėdelis. Petropilie, 1846. (Жемайтскія пѣсни, написанныя со словъ пѣсельниковъ. Первый выпускъ. Ст. Петербургъ, 1846.)

Этотъ сборникъ содержитъ 118 на жемайтскомъ говорѣ написанныхъ пѣсенъ, между которыми имѣются многія не чисто народныя и многія заимствованныя изъ сборниковъ Резы и Станевича. Группировка матеріала и редакція исполнены небрежно: случается, напр., много разъ, что одна и та же пѣсня съ незначительными измѣненіями (варіаціями) встрѣчается въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что упомянутый сборникъ доставляетъ менѣе богатую добычу, чѣмъ по числу его пѣсенъ можно было бы ожидать. Эта книга такъ же, какъ и Станевича, безъ перевода и мало извѣстна, такъ что я и его пѣснями могъ воспользоваться только по сборникамъ Нессельмана и Шлейхера.

5. Ness.: Nesselmann, G. H. F., Littauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt. Mit einer Musikbeilage. Berlin, 1853.

Этотъ сборникъ содержитъ 410 номеровъ самого разнообразнаго содержанія и объемистѣе всѣхъ предшествующихъ. Онъ по словамъ гг. Фортунатова и Миллера (см. ниже № 8) „составляетъ какъ бы энциклопедію литовскаго народного творчества по части пѣсенъ въ прусскихъ областяхъ Литвы“. Кромѣ богатыхъ рукописныхъ матеріаловъ и многочисленныхъ пѣсенъ, встрѣчаемыхъ въ изданіи „Neue Preuss. Prov.-Blätter“ (съ 1846 г.), онъ поглотилъ въ себя всѣ вышеупомянутыя пѣсенныя сборники. Хотя въ этой книгѣ произведена группировка по однороднымъ пѣснямъ, но въ ней не имѣется никакихъ наименованій для этихъ группъ, вслѣдствіе чего тутъ довольно трудно читателю ориентироваться.

Нессельманъ подвергнулъ имъ изданныя пѣсни эстетической критикѣ и въ большинствѣ случаевъ вносилъ нѣкоторыя измѣненія на основаніи правилъ, выведенныхъ имъ изъ эстетической оцѣнки, вслѣдствіе чего онѣ приобрѣли большее художественное достоинство, но за то утратили нѣсколько характеръ непосредственности и простоты народного преданія. Кромѣ того всѣ мѣстныя отличія говоровъ имъ стерты и такимъ образомъ вся богатая добыча, драгоценная для филолога, оставлена почти безъ вниманія. Переводъ — метрическаго склада и какъ Нессельманъ самъ признается въ предисловіи „дословный и вполне передающій смыслъ подлинника“. Текстъ сопровождается сравнительными примѣчаніями и музыкальнымъ приложеніемъ.

6. Schl.: Schleicher A., Litauisches Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.

Тутъ находятся всего 63 пѣсни, снабженныя лингвистическими примѣчаніями, частью заимствованныя изъ сборниковъ Резы, Нессельмана, Станевича и Довконта (при чемъ пѣсни Резы сравнены съ пѣснями Нессельмана), частью записанныя самимъ Шлейхеромъ (последнихъ всего 35).

7. Юшк.: Юшкевичъ И. А., Литовскія народныя пѣсни. Съ переводомъ на русскій языкъ. Санктпетербургъ, 1867.

Этотъ маленькій выпускъ, напечатанный русскими литерами, содержитъ предисловіе, трактующее объ опытѣ „примѣненія русской азбуки къ литовскому языку“ и 33 литовскія народныя пѣсни, снабженныя неметрическимъ переводомъ на русскій языкъ.

8. Ф. и М.: Фортунатовъ и Миллеръ, Литовскія народныя пѣсни. Изданіе Императорскаго Московскаго Университета. 1872 г.

Сборникъ этотъ заключаетъ 100 напечатанныхъ русскими буквами пѣсенъ съ предпосланными статьями о литовскихъ народныхъ пѣсняхъ и о людвиновскомъ нарѣчій. Текстъ сопровождается русскимъ прозаическимъ переводомъ и синтаксическими замѣчаніями.

9. Kol.: Kolberg O., Pieśni Ludu Litewskiego. Zebrał O. K. Kraków, 1879.

Тутъ помѣщены 75 пѣсенъ, сопровождаемыхъ напѣвами и

польскимъ переводомъ. Предпослано этимъ пѣснямъ обстоятельное разсмотрѣніе литовской народной поэзіи.

10. Arch.: Archiv für Slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausgegeben von V. Jagić. Vierter Band. Berlin, 1880.

Въ этомъ томѣ опубликованы А. Лескиномъ и снабжены замѣчаніями Г. Веберомъ 28 пѣсень изъ Виликишена.

11. Jušk. Sv. R.: Svatbine Rėda Velūnyėiu Liėtūvui su-rašyta par Antaną Juškėvičę 1870 mėtuse. (Свадебные обряды Велѣнскихъ литовцевъ, записанные Антономъ Юшкевичемъ в 1870 году). Казань, 1880.

Въ сочиненіи этомъ можно найти между разнообразными свадебными обрядами Велѣнскихъ литовцевъ въ разныхъ мѣстахъ и нѣсколько литовскихъ свадебныхъ народныхъ пѣсень.

12. Jušk. L. d.: Liėtūviškos Dajnos užrašytos par Antaną Juškėvičę apigardoje Pušalačiu ir Velūnós iš žodžiu Liėtūviu Dajnininku ir Dajnininkiu ([Pirmà ir] Āntra lājda). — (Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ в окрестностяхъ Пушолат и Велѣны со слов литовскихъ пѣвцев и пѣвиц.) (Приложеніе къ „Ученымъ Запискамъ“ Императорскаго Казанскаго университета. Годъ XLVII.) Казань, 1880.

Āntra knýga. (Trečia ir ketvirtà lājda.) Том второй. (Третій и четвертый выпускъ.) (Издивеніемъ издателя.) Казань, 1881.

Trečia knýga. (Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ в окрестностяхъ Велѣны со слов литовскихъ пѣвцев и вѣвиц и от Ольсядскихъ Жемайтовъ.) Третій томъ. (Издивеніемъ издателя.) Казань, 1882.

Это по нынѣ самый обширный сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсень, числомъ 1569. Хотя въ этотъ трудъ попали и нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, не чисто народныя пѣсни, все-таки онъ представляетъ вообще солидную и надежную работу. Но такъ какъ она, къ сожалѣнію, не имѣетъ почти никакой группировки громаднаго матеріала, то читатель блуждаетъ въ ней какъ въ первобытномъ лѣсу безъ путеводителя.

13. Lesk. u. Brug. Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen, gesammelt von A. Leskien und K. Brugman. Strassburg, 1882.

Въ сочиненіи этомъ помѣщены Лескиномъ 143 пѣсни изъ Вилкишкенской окрестности и Бругманомъ 106 изъ Годлевы, при чемъ и тѣмъ и другимъ предпосланы предварительныя примѣчанія.

14. Bezz. L. F.: Bezzenberger A., Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen, 1882.

Сочиненіе это заключаетъ, между другимъ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, 67 пѣсень, снабженныхъ замѣчаніями и ссылками, и въ концѣ книги находятся ноты къ нѣкоторымъ дайнамъ.

15. Jušk. L. sv. d. Liétuviškos Svatbînės Dájos, užrašytos par Antaną Juškėvičę ir išspaudintos par Joną Juškėvičę. Petropylė, 1883. Литовскія Свадебныя Народныя Пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Санктпетербургъ, 1883.

Это — второй, также весьма объемистый, сборникъ, вмѣщающій 1100 литовскихъ свадебныхъ народныхъ пѣсень, коимъ предпослано предисловіе на русскомъ и литовскомъ языкахъ. Издатель самъ замѣчаетъ, что тутъ „немало встрѣчается свадебныхъ пѣсень, которыя происходятъ изъ глубокой старины, отъ того времени, когда существовали отличные отъ теперешнихъ свадебные обычаи и обряды. Во второй части настоящей книги, въ числѣ обрядовыхъ пѣсень, встрѣчается гораздо болѣе пѣсень приличныхъ совершаемому обряду; онѣ поются на свадьбахъ тѣхъ Велѣнскихъ Литовцевъ, которые придерживаются еще обычаевъ своихъ отцовъ и предковъ. Къ третьей части свадебныхъ пѣсень отнесены тѣ пѣсни, въ которыхъ молодая или молодой хвалить или хулить свою долю. Здѣсь помѣщены тоже тѣ пѣсни, которыя можно бы отнести къ тому или другому обряду.“ Тутъ очень богатый матеріалъ уже довольно обстоятельно группированъ; именно, пѣсни по своему характеру раздѣлены на нѣсколько частей.

16. Mitt.: Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Erster Band. Heidelberg, 1883.

Въ этомъ томѣ опубликовано только незначительное число пѣсень.

17. Bar.: Bartsch Chr., Dainu Balsai. Melodien litau-

scher Volkslieder, gesammelt und mit Textübersetzung, Anmerkungen und Einleitung im Auftrage der Litauischen Litterarischen Gesellschaft herausgegeben. Erster Teil. Heidelberg, 1886. Zweiter Teil. Heidelberg, 1889.

Тутъ помѣщены 392 лит. нар. пѣсни, переведенныя на нѣмецкій языкъ, большею частью уже извѣстныя и снабженныя напѣвами. Каждая изъ этихъ пѣсенъ содержитъ лишь начальную строфу въ литовскомъ подлинникѣ. Сочиненіе это имѣетъ цѣлью ознакомить нѣмецкую публику преимущественно съ литовскою народною музыкою.

б) Латышскіе.

Первыя латышскія народныя пѣсни напечатаны въ латышской грамматикѣ Г. Ф. Стендера (Первое изданіе, Брауншвейгъ, 1761 г.), слѣдовательно — позже литовскихъ народныхъ произведеній. Въ изданіи „Gelehrte Beiträge, Riga 1764“ опубликовано тоже нѣсколько латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Гердеръ былъ первый, который, ознакомившись съ поименованными учеными записками, обратилъ вниманіе въ своей книгѣ „Stimmen der Völker in Liedern“ и на латышскую народную поэзію. Хотя цивилизованный міръ узналъ о латышскихъ пѣсняхъ позже, чѣмъ о литовскихъ, все-таки сборники латышскаго народнаго творчества стали появляться раньше, чѣмъ литовскіе. Здѣсь слѣдуютъ источники въ хронологическомъ порядкѣ съ указаніями тѣхъ сокращеній, подъ которыми они цитуются.

1. St.: Stender G. Fr. Lettische Grammatik, verfasst von Gotthard Friedrich Stender, Probst des Selburgischen Kirchenkreises, Pastor senior zu Selburg und Sonnaxt, und der Königl. deutschen Gesellschaft zu Göttingen Mitglieде. Zweyte Auflage, von dem Verfasser selbst verbessert, vermehret und von neuem umgearbeitet. Mitau, 1783.

„Damit man sich von dem Genio dieser Liederchens nähere Begriffe machen möge, will ich einige derselben mit ihrer wörtlichen Uebersetzung hersetzen“. Такъ говоритъ самъ авторъ въ этой грамматикѣ и приводитъ 14 пѣсенъ, — нѣкоторыя изъ нихъ только въ отрывкахъ, какъ примѣры для трактуемой имъ латышской поэтики.

2. Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen

Gesellschaft. Fünften Bandes erstes und zweites Stück. Mitau, 1835. Тутъ помѣщены:

- Bergm. { (a) (Erste) Sammlung ächt Lettischer Sinngedichte von Gustav von Bergmann. Rujen, 1807.
(b) Zweite Sammlung Lettischer Sinn- oder Stegreifsgedichte von Gustav von Bergmann. Rujen, 1808.
в) Palzmareeschu Dseešmu Krahjums (Lettische und Palzmarsche Lieder und Sinngedichte). Von Fr. Daniel Wahr. 1807.

Тутъ имѣется и изъ первыхъ трехъ латышскихъ сборниковъ множество пѣсень, при чемъ пѣснямъ, собраннымъ Бергманомъ, предпослана англійская рецензія въ нѣмецкомъ переводѣ. Первый изъ этихъ выпусковъ заключаетъ 238 и второй 252, всего 490 пѣсень, которыя Бергманомъ собственноручно были напечатаны въ немногихъ экземплярахъ, никогда не появлявшихся въ продажѣ. Въ введеніи къ этимъ пѣснямъ, записаннымъ въ Лифляндіи и Курляндіи и получившимъ столь малую извѣстность, пасторъ фонъ Бергманъ обратился къ своимъ младшимъ товарищамъ по службѣ съ воззваніемъ, ревностно собирать латышскую народную поэзію. Воззваніе это дало поводъ пастору Вару немедленно выступить съ сборникомъ, содержащимъ 411 народныхъ пѣсень. Вотъ три первые сборника латышскихъ народныхъ произведеній, которые впрочемъ весьма неполны и не имѣли никакого распространенія.

3. Bütn.: G. F. Büttner, Latweeschu lauschu dseešmas un singes. Latweeschu tautai un wiņas draugeem šagahdatas no Latweeschu draugu beedribas. Jelgawā, 1844. (Латышскія народныя пѣсни и романсы. Латышскому народу и его друзьямъ. Изданы Обществомъ Латышскихъ Друзей. Митава, 1844 г.)

Это — первый объемистый сборникъ, который даетъ возможность обстоятельно ознакомиться съ латышскою національною поэзію и составляетъ надежное основаніе для ея изученія. Такъ какъ пасторъ Бютнеръ самъ собралъ болѣе 3400 пѣсень, къ которымъ присоединилъ пѣсни, полученные имъ отъ профессора и ректора Дерптскаго университета Д-ра Ульмана, и три уже упомянутыхъ изданія, то въ его трудъ вошло около 4500 народныхъ пѣсень и 760 ихъ варіантовъ. Но изъ нихъ вошли въ его сборникъ только

2854 пѣсни. Тутъ пѣсни разгруппированы по содержанію и мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ собраны, и показываютъ разнообразныя діалектическія отгѣнки. Въ предисловіи Бютнеръ говоритъ, что онъ этимъ сборникомъ хотѣлъ 1) до сихъ поръ мало извѣстную народную поэзію сдѣлать публикѣ доступною, 2) латышамъ сохранить сокровище ихъ національнаго (духовнаго) произведенія и 3) наконецъ, открыть языковѣдамъ источникъ изученія настоящаго латышскаго языка (Sprachstudium). Все это въ своемъ сборникѣ онъ — этотъ отличный знатокъ и критикъ латышскихъ народныхъ пѣсень — дѣйствительно мастерски исполнилъ. Въ приложеніи встрѣчаются краткія объясненія и замѣчанія.

4. Šeh.: Šehta, dabba, pašauļe. Trešča grahmata. Tehrpatā 1860 gaddā. (Дворъ, природа, міръ. Третья книга. Юрьевъ, 1860 г.)

Этотъ выпускъ включаетъ между прочимъ народныя пѣсни. Если выбросить подтѣльныя, то остается тутъ около 128 чисто народныхъ пѣсень, большею частью четверостишій.

5. Спр.: Памятники латышскаго народнаго творчества, собраны и изданы Иваномъ Спрогисомъ. Вильна 1868.

Эти пѣсни собраны у Западной Двины на границѣ трехъ губерній, Лифляндской, Курляндской и Витебской, именно — въ окрестностяхъ Штокмансгофа и Кокенгузена. Большое достоинство этого почти во всѣхъ отношеніяхъ надежнаго сборника, вмѣщающаго 1857 пѣсень, покоится какъ на многочисленныхъ, интересныхъ вариантахъ къ уже извѣстнымъ пѣснямъ, такъ и на многихъ новыхъ произведеніяхъ. Онъ напечатанъ русскими буквами, снабженъ русскимъ переводомъ и введеніемъ, трактующимъ о латышскомъ народномъ пѣснотворествѣ.

6. Pl. u. M.: Plater Comtesse C. v. u. Mannteuffel-Szoegel Baron G. v. Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. Vierzehnten Bandes zweites Stück. Mitau, 1869. Lettische Volkslieder von Comtesse Celine von Plater und Baron G. von Mannteuffel-Szoegel.

Въ этомъ томѣ встрѣчаются 170 пѣсень, собранныхъ въ Краславской окрестности Витебской губерніи. Эти пѣсни особенно драгоцѣнны вслѣдствіе собственнаго говора Краславской окрестности. Нѣсколько изъ нихъ (съ измѣненіями)

уже напечатано въ „Inflantu ziemes laika gramata“ („Временникъ инфлантской земли“).

7. Zim.: Zimse J., Dseesmu rota jaunekleem un wihreem. Otra daļa. Lauka puķes. Latweeschu tautas-dseesmas. Apgah-datas no J. Zimse, seminara direktora. Leipzija, 1872. Trešča daļa. Rihgā, 1874. Zeturta un peekta daļa. Rihgā, 1875. Šesta daļa. Rihgā, 1879. (Полевые цвѣты. Латышскія народныя пѣсни въ четырехъ выпускахъ.)

Въ этихъ четырехъ выпускахъ и пяти частяхъ находятся переложенные на ноты латышскіе народныя напѣвы съ ихъ текстами. Въ этихъ послѣднихъ иногда разбросаны безъ строгаго разбора чисто народныя пѣсни между искусственными; но все-таки при тщательной критикѣ и тутъ получается богатая добыча чисто народной поэзіи.

8. Брив.; Бривземніаксъ Фр., Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва, 1873.

Въ этомъ сборникѣ мы находимъ 1118 пѣсень, напечатанныхъ русскими буквами и снабженныхъ русскимъ переводомъ. Предпосланы ему предисловіе и статья о народной поэзіи латышей. Сочиненіе сопровождается поясненіями и замѣчаніями къ пѣснямъ, гдѣ этнографъ можетъ найти краткія указанія на нѣкоторыя стороны народнаго быта и характера.

9. Biel.: Bielenstein A., Latweeschu tautas dseesmas. Šameklētas un peeždešmitam beedribas gadam par peemiņu drukā dōtas no Latweeschu draugu beedribas. I. Leipzigā, 1874. II. Leipzigā, 1875. (Латышскіе народныя пѣсни. Собранныя и въ память 50-лѣтней годовщины изданы Обществомъ латышскихъ друзей (подъ редакціею А. Биленштейна). I. Лейпцигъ, 1874. II. Лейпцигъ, 1875.)

Этотъ сборникъ началъ выходить къ 50-лѣтнему юбилею Латышскаго литературнаго общества и долженъ былъ заключать въ себѣ какъ пѣсни, записанныя еще въ молодыхъ годахъ самимъ Биленштейномъ и его товарищами съ устъ народа, такъ и пѣсни, собранныя и напечатанныя Бютнеромъ, потому что его изданіе было распродано. Предположено было въ четырехъ выпускахъ издаваемого сборника напечатать отъ 9000—10000 четырехстишіи. Къ сожалѣнію, до сихъ

поръ появились лишь первые два выпуска съ 4793 пѣснями, расположенными, какъ и въ изданіи Бютнера, по содержанію и мѣстностямъ, гдѣ онѣ собраны.

10. Taut. d.: Tautas dseešmas šalašitas Wentas krastôs Leišmalē. Leerajā, 1876. (Народныя пѣсни. Собранны на берегахъ Виндавы на литовской границѣ. Либава, 1876.)

Какъ сказано въ заглавіи, эти пѣсни, всего 475, собраны у береговъ рѣки Виндавы на литовской границѣ. Въ сборникѣ этомъ въ первый разъ (послѣ Г. Ф. Стендера) справедливо отдѣлены длинныя пѣсни (zinges, dainas или романсы, здѣсь названы dzejoli) отъ краткихъ (dzesmas).

11. Jur.: Jurjanu Andrejs, Latveešu tautas dzeesmu krājums. I. Rīgā, 1884. II. Rīga, 1885. (Латышскія народныя пѣсни, собранныя А. А. Юрьяномъ. Lettische Volkslieder, gesammelt von A. Jurjan.)

Въ этихъ двухъ выпускахъ напечатано всего 20 пѣсень или народныхъ романсовъ съ ихъ мелодіями.

12. Bezz. L. D.: Bezenberger A., Lettische Dialekt-Studien. Göttingen, 1885.

Тутъ между прочимъ помѣщены, какъ діалектическіе примѣры, около 79 пѣсень. За исключеніемъ нѣкоторыхъ не чисто народныхъ произведеній мы и здѣсь имѣемъ возможность познакомиться съ самобытнымъ народнымъ творчествомъ.

13. Ar. M.: Muhšu Tautas dseešmas. Pa tehviņas kalneem un lejālm lašitas un vaiņagā wihtas Aronu Matisa. Rīgā, 1888. (Наши народныя пѣсни. По горамъ и долинамъ отечества собраны Матисомъ Арономъ.)

Сборникъ этотъ содержитъ 2067 пѣсень. Составитель сборника, какъ видно изъ его разныхъ замѣчаній, имѣлъ цѣлью, возбудить и оживить въ народѣ интересъ къ наслѣдованной отъ предковъ поэзіи.

14. R. kr.: Rakstu krajums izdots no Rīgas Latveešu Beedribas Zinību Komisijas. 5. krajums. Latveešu tautas dzeesmas. Jelgavā, 1889. 6. krajums. Jelgavā, 1890. (Сборникъ, изданный научною комиссіею Рижскаго Латышскаго Общества. Выпускъ 5. Латышскія народныя пѣсни. Митава, 1889. Выпускъ 6. Митава, 1890.)

Въ пятомъ выпускѣ находятся 1377 пѣсень, группиро-

ванныхъ такимъ же образомъ, какъ въ вышепоименованномъ сборникѣ Спрогиса. Въ шестомъ выпускѣ встрѣчаются между прочимъ описанія латышскихъ свадебныхъ обрядовъ, гдѣ, какъ и въ вышеупомянутыхъ описаніяхъ свадебныхъ обрядовъ литовцевъ, цитуются множество латышскихъ народныхъ пѣсенъ.

15. R. nod.: Jelgawas Latweešchu Beedribas Rakstneezibas Nodālas Rakstu krahjums. I. Tautas dzeesmu Wirknes. Jelgawā, 1890. II. Jelgawā, 1893. (Сборникъ литературнаго отдѣленія Митавскаго Латышскаго Общества. I выпускъ. Народныя пѣсни. Митава, 1890. II выпускъ. Митава, 1893.)

Первый выпускъ содержитъ 168 большею частью длинныхъ пѣсенъ или народныхъ романсовъ; второй заключаетъ около 127 большею частью четверостишіи, написанныхъ какъ діалектическіе примѣры въ разныхъ говорахъ.

16. Э. В.: Вольтеръ Э. А., Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями Э. А. Вольтеръ. Часть I. Праздники и семейныя пѣсни латышей. Санктпетербургъ, 1890.

Въ этомъ сборникѣ этнографическихъ матеріаловъ помѣщено около 900, частью уже извѣстныхъ, изъ прежнихъ изданій заимствованныхъ, частью до того времени еще не опубликованныхъ, пѣсенъ. Пѣсни сопровождаются русскимъ переводомъ и объясненіями. Эта работа исполнена почти безъ всякой критической оцѣнки. Тутъ, напр., часто встрѣчаются четверостишія съ искаженными и невѣрно переданными мыслями. Кажется, собиратель недостаточно понималъ латышскій языкъ, въ особенности верхнелатышское нарѣчіе, на которомъ эти пѣсни написаны. Этимъ объемистымъ, но весьма ненадежнымъ сочиненіемъ надо пользоваться очень осторожно. Въ предисловіи обѣщена вторая часть этого сборника, но до сихъ поръ еще не появилась.

17. R. B.: Behrsin R., Latwijas wijolites. Tautas romanzas, šakahrtotas un isdotas no R. B. I. wainags. Jelgawā, 1894. (Фіалки латышской земли. Народные романсы, собраны и изданы Р. Берзинемъ. I вѣнокъ. Митава, 1894.)

Тутъ находятся 60 народныхъ романсовъ съ приложеніемъ напѣвовъ для 20 изъ нихъ. Въ предисловіи собиратель обѣщаетъ, послѣ благосклонной встрѣчи его труда, издать и второй томъ.

18. Austr.: Austrums sinibas un rakstnecibas mehnešch-raksts. Jelgawā 1885—1894. (Востокъ, научно-литературный ежемѣсячный журналъ. Митава, 1885—1894.)

Тутъ встрѣчаются, именно въ № 8 1894 г., нѣкоторые годные для моей цѣли народные романы.

19. B. et W.: Baron Kr. et Wissendorff H., Chansons nationales lataviennes. Latwju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorffa isdotas. Jelgawā, 1894.

Этотъ сборникъ началъ лишь недавно выходить и въ настоящее время появились только четыре выпуска, заключающіе, кромѣ очень многочисленныхъ вариантовъ, 2043 пѣсенъ. Упомянутый сборникъ, какъ видно, будетъ далеко превосходить своимъ объемомъ всѣ предшествующіе. Онъ долженъ вмѣстить въ себѣ всѣ прежнія изданія и новыя пѣсни со всѣми вариантами — всего на всего 150,000 произведений, расположенныхъ по новой группировкѣ и классификаціи.

20. L.: Мною собранныя въ Нижней Курляндіи, но еще ненапечатанныя латышскія народныя произведенія.

Библіотека
О-ва Студ. Юристовъ
Юрьевъ,

№ .....

Тексты.

Литовскіе.

Латышскіе.

I. Пѣсни о пѣніи.

Bezz. L. F. 54.
Jušk. L. d. 66; 756.

Ar. M. 143; 144; 145.
B. et W. 26; 758; 759.

Aš išdainoju
Visas dainėles,
Dar vėnos nedainavau.
Aš išdainosu
Pavasarelę
Rutėles rovédama.

Visas dziesmas isdziedaju,
Brāla govis ganidama,
Vienas dziesmas nedziedaju —
To dziedāšu vakarā,
To dziedāšu vakarāi
Mazajai māsīpai.

II. Мифическія пѣсни.

1. Свадьба дочери Солнца.

Rh. 26 (220) Ness. 4.
Schl. 4.

Aušrine svodbą kėle,
Perkuns pro vartus įjojo ¹⁾,
Aužolą žalą ²⁾ parmuše.

L... (Bergm.) Брив. 41; 43; 89.
W. Mannhardt (Zeitschrift für
Ethnologie, Jahrgang 1875. Die
lettischen Sonnenmythen) 72; 73.
K. Ulmann (Lettische Volkslieder,
übertragen im Versmass der
Originale, Riga, 1874) 451; стр.
195, № 16.

Mēness jēma Saules meitu ¹⁾,
Pērkons jāja panākstōs,

1) Ness. jojo.
2) Schl. žalė; Ness. Žal̃ aužolą.

1) Zim. III, 99.
Ausekls pēma Saules meitu,
Pērkons jāja vedejōs.

Aužolo krauj's vervėdams
Apšlakste mano ¹⁾ drabužius,
Apšlakste vainikelį.

Saulės dukryte verkiant
Surinko tris metėlius,
Pavytusius ²⁾ lapėlius.

O kur, mamyte mano,
Drabužius išmazgōsu?
Kur kraują išmazgōsu?

Dukryte, mano jaunoji ³⁾,
Eik pas tą ežerātį,
Kur tėk devynos ⁴⁾ upātes.

O kur, mamyte mano,
Drabužėlius džovīsu? ⁵⁾
Kur vėje išdžovīsu?

Dukryte, tame daržatij',
Kur aug devynos rožates.

O kur, mamyte mano,
Drabužėis apsivīlksu?
Baltosus išnešōsu?

Dukryte, toj' dienėlej',
Kad spīs devynos Saulėles.

Pa vārtiemi iejādāmis,
Nospēr' zelta ozoliņ',
Nošlak manus brūnus svārkus
Ar ozola asinīm.
Saulės meita trīs gad' raudaj',
Zelta zarus lasidam'.
Mīlai Mārai pavaicāju:
Kur es svārkus ismazgāšu?
Mazgā, puisi, tai upēi,
Kur deviņas straumes tek.
Mīlai Mārai pavaicāju:
Kur es svārkus išžāvėšu?
Žāvė, puisi, tai dārzāi,
Kur deviņas rōzes aug.

Pa vārtiemi iebraucoti
Nosper zelta ābelit'.
Saulės meita trīs gad' raudaj',
Zelt' ābolus lasidama. Слячи
ниже (5) второе замѣчаніе.

Taut. d. 9.

— — — — —
Auseklītis aistecejis
Saulės meitu lūkoties.
Mēness jēma Saulės meitu,
Pērkons jāja panākstōs;
Isjādāmis, pārjādāmis
Sasper zelta ozoliņu.
Saulē ¹⁾ raude trīs gadipus
Zelta zarus lasidama;
Trīs gadiņi ceturtā
Usjem pašu galokniti.
Saulės meitas nopīnušas
Zelta zaru vaiņadzīņu,
Nopīnušas, nonesušas
Mīlas Māras baznicā. — — — ²⁾

- 1) Ness. man.
2) Schl. pavýtusius.
3) Ness. jauna.
4) Schl. devýnios.
5) Schl. džovįsiu.

- 1) Брив. 43 Sērdianite gauži
raud — — —
2) См. ниже (5) Var. Taut.
d. 9.

Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kur es svārkus sarullēšu?
 Rullé, puisī, tai rullēi,
 Kur deviņi vilcejiņi.
 Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kur es svārkus paglabāšu?
 Glabā, puisī, tai klētēi,
 Kur deviņas atslēdziņas.
 Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kad es svārkus novalkāšu?
 Valkā, puisī, tai dienāi,
 Kur deviņas Saules spīd.

1. Var. Austr. 1894 r. № 8,
 ctp. 97.

Saki, saki, sakulīti,
 Kādi viesi istabāi?
 Sirmu zirgu mītenieki,
 Jaunu meitu precinieki. —
 Kam tie zirgi, kam tie rati
 Pie Saulītes nama durvu? —
 Dieva zirgi, Laimas rati,
 Saules meitas precenieki.
 Dieva dēli pūru veda
 Auseklīņa-dēliņam,
 Dieva dēli pūru veda
 Meža galus kārstidami:
 Liepai kāra zelta ziedus,
 Priedei mēlu villainīti,
 Mazajama bērziņama
 Zelta griestu gredzentīņu.
 Saules meita isjādama
 Lūdz Pērkonu panākstos;
 Pērkonītis isjādamis
 Nospeš zelta ozoliņu.
 Nošlac manus brūnus svārkus
 Ar ozola asinīm. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus ismazgāšu? —
 Meklē tādu lielupīti,

Kur deviņas straumes tek;
 Devitai straumītei,
 Tur tu viņus ismazgāsi.
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus isžavēšu? —
 Meklē tādu lielu osi,
 Kam deviņas atvasītes;
 Devitai atvasēi etc. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus sarullēšu? —
 Meklē tādu lielu rulli,
 Kam deviņi vilcieniņi;
 Devitai vilcienāi etc. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus paglabāšu? —
 Meklē tādu liepas pūru,
 Kam deviņas atslēdziņas;
 Ais devītas atslēdziņas —
 Tur tu viņus paglabāsi.

2. Var. Брив. 42.

Zirgi zviadz, velni brāuc,
 Tek upīte dzirkstēdam';
 Es stāvēju maliņā
 Ar asūa zuabenīp'.
 Es sacirtu velnam galvu
 Deviņām gabaliem.
 Man apskrēja brūni svārki
 Ar tām velna asinīm.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņus izmazgāšu?
 — Meklē tādu ezerīp'
 Deviņām istekām.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņus izkaltēš'?
 — Meklē tādu uazualip'
 Deviņām žuburiam.
 Es māsīpu pavaicāju:
 Kur es viņu sarullēšu?
 — Meklē tādu ruļļu galdu
 Deviņām vilcējiam.

Es māsīņ' pavaicāju:
Kur es viņu paglabāšu?
— Meklē tādu šķirstu galdu
Deviņām atslégām.

3. Var. Спр. стр. 303 и 304.
K. Ulm. стр. 187, № 13.

Laime gāja baznicā,
Mani līdzī aicināja.
Laime joza zelta jostu,
Man iedēve sudrabiņa.
Ta sacīja iedodama:
„Nes, meitiņ', ar godiņu!“
Apsa-gauži-raudajos¹⁾,
Tos vārdiņus dzirdedama.
Kur es būšu noslaucīt
Savas gaudas asariņas?
Jedod man pate Laime
Savu zīda nazdaudziņ'.
Kur es viņu izmazgašu.
Laimes dotu nazdaudziņu?
Pate Laime parādīja
Zelt-upiti lejiņā.
Kur es viņu izkaltešu,
Laimes dotu nazdaudsiņu?
Pate Laime parādīja
Zelta kārti dārziņā.
Kur es viņu sarullešu,
Laimes dotu nazdaudziņu?
Pate Laime parādīja
Zelta rulli kambarē.
— Izkalte, sarulle,
Liec pūriņa dibinā!
Kad atnāce svēta diena,
Tad iedod arajam, —
Tad iedod arajam
Laimes dotu nazdaudziņu.
Kad iedama tautiņās,
Sedz man baltu vilnaniti!

1) Brīdeto: Gauži apsaraudajos.

2. Poza (var. 6063).

Rh. 84 (300). Schl. стр. 10.

Bergm. II, p. 67, № 237. W.
Mannhardt 83.Žemynėle ¹⁾, žiedeklėle ²⁾,

Kur sodīsu rožū šakėlę?

Ant aukšto kalnėlio,

Prie jurū, prie marėlū ³⁾.

Žemynėle, žiedeklėle,

Kur rašu tėvą, močutę,

Aš prastumta vargdienute?

Eik ant aukšto kalnėlio,

Pri jurū, pri marėlū! ⁴⁾

Iš rožū kelmāčo

Užaugo didis medatis,

Šakos iki debeseliū.

Užkopsu ant debeseliū

Per tas rožū šakėles.

Ir sutikau jauną bernytį

Ant Dievo žirgyčo.

Ay bernyti, raitelyti,

Ar ne regėjai tėvą, močutę?

Mergyte, mano jaunoji,

Eik į pakalnės šalį,

Ten tėvelis, močute

Sesytei svodbą kėla ⁴⁾.

Nuėjus' į pakalnę:

Lab' ryt', laba dien', tetuti,

Lab' ryt', laba dien', močute,

Kam manę mažą prastumėt

Į svetimus žmonėles?

Man bij viena zelta rōze,

Kur mēs to stādīsim?

Tur mēs to stādīsim —

Paša kalna galiņa.

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

Tur usauge garas rōzes

Lidz pašām debesīm.

Es uskāpu debesīs

Par tiem rōžu zariņiem.

Es atradu Dieva dēlu,

Kumeliņu seglojot.

Lab' rit', lab' rit', Dieva dēls,

Voi redzej' tēv' ar māt'?

Tēvs ar māti Vāczemē

Bāluliņam kāzas dzer.

Es nogāju Vāczemē

Pa tiem jūras līčiņiem.

Lab' rit', lab' rit', tēvs ar māt',

Kur jūs mani maz' atstājat?

1) И въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчается эта богиня, какъ-то: Vai, lūdzama, Zemes - māte, — — (Būtn. 238. Спр. стр. 218, № 18 и 21).

2) Schl. žėdkelėle.

3) Schl. prė jūriu, prė marėliu.

4) Schl. kėlie.

Užaugau dide mergāte;
Viena radau lopšytelī,
Kur džaugiaus' kudikele¹⁾).

Var. Ness. 7.

Žemynele, Žēdēklele,
Kur roziū šakā sodīsiu?
Sodīk ant aukšto kalnelio,
Prē jureliū, prē mareliū.

Žemynele, Žēdēklele,
Kur rasiu tėvā, močutē?
Rasi ant aukšto kalnelio,
Prē jureliū, prē mareliū.

Užaugo didis medatis,
Šakos iki debeseliū.
Užkopjau ant debeseliū
Per tas roželiū šakeles.

Sutikau jaunā bernytī
Jojant ant Dēvo žirgyčo.
Ey bernyti, raitelyti,
Ar matai tėvā, močutē?

Mergyte, mano jaunoji,
Eik ī Pakalnes šalelē,
Ten tėvelis, ten močute
Sesitylei svodbā kelia.

Nuėjusi ī Pakalnē:
Lab' ryt', laba dēn', tetuti,
Lab' ryt', laba dēn, močute,
Kam manē jaunā prastumēt?

Prastumēt manē ī žmones.
Užaugau dide mergate.
Vēno radau lopšytelī,
Kur džaugiausi kudikele.

Es usaugu liela meit';
Šūpulit' es vien atradu,
Kur es maziņš ligojos.

1. Var. Брив. 90.

Es dēstiju baltu rūazi
Baltā smilkšu kalniņā;
Man izāuga kupla rūaze
Līdz pašāmi debesīm.
Pa tiam rūažu zariņiam
Es uzkāpu debesīs.
Es redzēju Diava dēlu,
Baltus zirgus segluajuat.
Diavs palidze, Diava dēls!
Vaj redzēj' tėv' ar māti?
— Tēvs ar māti Vāczemē
Bāliņam kāzas dzer.
Es apkalu krauklām kājas,
Es nūajāju Vāczemē.
Vāczemniaki brinejās:
Tavu melnu kumeliņ!

2. Var. R. nod. I, 46.

Es iedēstu baltu rōzi
Baltā smilšu kalniņā.
Ta usauga gara, leela
Līdz pašāmi debesīm.
Es iekāpu debestsi
Pa rōzites zariņiem.
Redzu pašu Dieva dēlu
Sirmu zirgu seglojam.
Dievs palidzi, Dieva dēli,
Vaj redzeji tėv' ar māt' ?
— Tēvs ar māti Vāczemēi
Bāliņami kāzas dzer.

3. Var. Э. Б. стр. 370, а 2.

Es uzkāpu debestīs
Pa rūzejtes lapeņōm,
Es atrodu Dīva dālu

1) Schl. kudikēlis, masc. gen.

Kumēleņu saglūjūt.
 D'ivs paleidž, D'īva dāls,
 Kumēleņu saglūjūt.
 D'ivs paleidž, D'īva dāls,
 Oj redžeji munu moati?
 Tavs tās, tava moate
 Jyuras molā kozas džāf.
 Muns tās, muna moate,
 Kur jyus maņi pamātöt?
 Sydabreņa šyupūli
 Eņģelejšu šyupūjūt.

4. Var. Брѣв. 88.

Es dabuju baltu pupu,
 Stādij' kalna galiņā.
 Ta izāuga liala, gara
 Līdz pašām debesīm.
 Es uzkāpu debesīs
 Pa tiam pupu zariņiam;
 Tur redzēju Diava dēlu
 Kumeliņu sedlūajam.
 „Labdian, labdian, Diava dēls!
 Kur aizgāja tēvs ar māt?“
 — Tēvs ar māt' Vāczemē,
 Saules meitai kāzas dzeņ:
 Saule pate pūru vede
 Mežiam galus veltidama:
 Uazūalam rāibus cimdus,
 Liapai zaļu villāiniti,
 Mazājam kārkliņam —
 Apzeltītu priavitīņu.

5. Var. Чп. ст. 72.

Es dabuju baltu pupu
 Daugaviņas maliņā.
 Teku šurpu, teku turpu,
 Kur es viņu iedēstišu?
 Teku rōžu dārziņā,
 Tur es viņu iedēstiju.

Ta bij man uzaugusi
 Līdz pašām debesīm.
 Es uzkāpu debesis
 Pa pupiņas lapiņām;
 Jeraudziju Dieva dēlu,
 Kumeliņu seglojot.
 — Labritiņ, Dieva dēls!
 Kur jums tēvs, māmaliņa?
 — Tēvs ar māti jūrmalē
 Es paliku šai zemē;
 Es paliku šai zemē
 Zobenīņu kaldināt.
 Es pakalu zobenīņu
 No bitītes dzenoliņa.
 Es sacirtu jōdu (velna) māti
 Deviņiem gabaliem.
 Man apskrēja brūni svārki
 Ar teem jōdu asiniem.
 — Es tev lūdzu, miļa Laime,
 Kur es viņus izmazgašu?
 — Dabu tādu ezerīņu,
 Kur deviņas upes tek.
 — Es tev lūdzu, miļa Laime,
 Kur es viņus izkaltešu?
 — Dabu tādu ozoliņu,
 Kur deviņi žuburiņi.
 — Es tev lūdzu, miļa Laime,
 Kur es viņus izrullešu?
 — Dabu tādu ruļļu koku,
 Kur deviņi vilcejiņi.
 — Es tev lūdzu, miļa Laime,
 Kur es viņus paglabašu?
 — Dabu tādu šķirsta lādi,
 Kur deviņas atslēdziņas.

6. Var. Zim. III, 99.

Stādij' vienu baltu pupu
 Baltā smilšu kalniņā.
 Ta usauga tieva, gara
 Līdz pašām debesīm.

Es uskápu debess virsū
Pa tiem pupu zariņiem.

Es redzeju Dieva dēlus
Kumeliņus seglojoti.

Labrit, labrit, Dieva dēli,
Kur redzejāt tēv' un māt'?

Tēvs un māte Vāczemītē
Saules meitai kāzas dzer.

Ausekls ņēma Saules meitu,
Pērkons jāja vedejōs.

Pa vārtiemi iebraucoti
Nosper zelta ābelīt'.

Saules meita trīs gad' raudaj',
Zelt' ābolus lasidama.

7. Var. Э. В. стр. 371 а 3.

Treis dīnešes, treis naksnešes
Nī putrōm' ās naraudzeju.

Diņš nūsvid'e vīnu pupu,

Tū samynu kōjeņōm;

Tei izauga kupla gara

Da paļim debēsīm.

Ās īkōp debesis

Pa tōs pupēs zařeņīm:

Tur redzēju Dīva dālū

Kumeļēnu sadlojūt.

Diņš paleidž, Dīva dāls,

Redzēj munu tāv' ar mōti?

Paldīs, cīma dzaltaņeite,

Redzēj tavu tāv ar mōtē,

Deviņūs kambarūs,

Aiz deveņ atslēdzeņ!

3. Солнце заботящееся о сиротахъ.

Rh. 78 (282).

Спр. стр. 309, № 2 и 4.

Miela Saulyte, Dievo dukryte,
Kur taip ilgay užtrukei,
Kur taip ilgay gyvėnai,
Nū mus' atstojusi?

Kur, Saulite, kavejies,
Ka tu agri ne izlēci?

— — — — —
— — — — —

Po juriū, po kalneliū
Kavojau sirateles,
Sušildžau piemenāčus.

Miela Saulyte, Dievo dukryte,
Kas rytais, vakarēleis
Prakure tav ugnēlį?
Tav klojo patalēlį?

Aušrine, Vakarine:
Aušrine ugnį prakure,
Vakarine patalą klojo.
Daug mano gimeneles,
Daug mano dovaneliu.

1. Var. Ness. 1.

Saulyte, Dėvo dukte,
Kur taip ilgay užtrukai?
Kur taip ilgay gyvenai,
Nū musū atstojusi?

Po juriū, po kalneliū
Kavojau sirateles,
Sušildau pėmenačus.
Daug mano dūvaneliū.

Saulyte, Dėvo dukte,
Kas rytais, vakareleis
Prakure tav ugneleį?
Tav klojo patalēlį?

Aušrine, Vakarine:
Aušrine ugnuželeį,
Vak'rine patalēlį.
Daug mano gimenelės.

2. Var. Schl. ctp. 3.

Mėlā Saulýtė, Dėvo dukrýtė,
Kūr teip ilgai užtrukaí,
Kūr teip ilgai gyvenaí,
Nū mūs atstójusi?

Mėlā Saulýtė, Dėvo dukrýtė,
Kās rýtais, vakarēleis
Prakūre táv ugnēleį,
Táv klójo patalēlį?

Aiz kalniņa kavejos,
Bāreniti sildidama. --

Ai, Saulit', māmaliņ,
Parādies ganiņam:
Ganiņam gara diena,
Kad Saulites ne redzeja!

1. Var. Biel. 3798.

Kur, Saulite, kavējies,
Ka tik spodri netecēji?
Aiz kalniņa kavējos,
Bārenišu sildidama.
Pulcīņš teka bārenišu
Basājām kājiņām.

2. Var. Zim. VI, 9. Ar. M. 218.

Kas tie tādi, kas dziedāja
Bes Saulites vakarā?
Tie ir visi bāra bērni,
Bārgu kungu klausitaj'.
Kurin' ugun' ¹⁾), silda gaisu,
Slauka gaužas asariņ's ²⁾);
Krimta cietu pelav' maizi,
Avotiņā mērcedam'.

Saulit' vėlu vakarāi
Sėžās zelta laiviņā.
Rītā agri uslēkdama,
Atstāj laivu ligojot.

1) Лучше: Кур уguni.

2) Поправлено вместо непра-
вильного „asaras“.

Aušrinė, Vakarinė;
 Aušrinė ugnį prakūrė,
 Vakarinė pátalą klójo.
 Daug máno gimenėlės,
 Daug máno dovanėliu.

Kam, Saulite, vėlu léci?
 Kur tik ilgi kavejies?
 Ais viñiems kalniñiems,
 Bára bėrnus sildidam'.

3. Var. Biel. 3779.

Kur, Saulite, kavėjies,
 Ka' tu agri neúzlėci?
 Aiz kalnių kavėjos,
 Sėrdienišus sildidama.

4. Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ.

Rh. 27 (92).

Menų Saulužę vede
 Pirma pavasarelį.

Saulužė anksti kelės;
 Menužis atsiskyre.

Herder (Stimm. d. V.) 9.

Gestern nicht, es war schon
 lange¹),
 Da die Sonne Braut noch war;
 Gestern nicht, es war schon
 lange,
 Als der erste Sommer ward.
 — — Rejta agry Saule lacia,
 Vokorą Mieniestianč. — —
 (Pl.-M. 101.)

Var. Zim. II, 38 (I, 1);
 VI, 9. Ar. M. 218.

Menų viens vaikštinejo,
 Aušrinę pamilėjo.

(Saulit' vėlu vakarą
 Sėžās zelta laivina.)
 Ritą agri uslėkdama
 Atstāj laivu ligojot²). — —
 (Спр. стр. 311, № 16.) Saule bára
 Mėnestiņų,
 Kam tas dienu ne spideja;
 Mėnestiņš atbildeja:
 „Tav' dieniņa, man' naksniņa.“

1) Сличи (1.) выше „Mėness
 jėma Saules meitu“ — —

2) См. выше (3.) второй вари-
 антъ.

Perkuns didey supykęs
Jį kardu perdalijo.
Ko Saulužės atsiskyrei?
Aušrinę pamilėlei?
Viens naktij' vaikštinėlei?

1. Var. Ness. 2.

Mėnū Saulužę vede
Pirmą pavasarelį.
Saulužė anksti kėlės,
Mėnužis atsiskyre.
Mėnū vėn's vaikštinėjo,
Aušrinę pamylėjo.
Perkun's didey supykęs
Jį kardu perdalyjo.
Ko Saulės atsiskyrei?
Vėn's naktij' vaikštinėlei?
Aušrinę pamylėlei?
Širdis pilna smutnybės.

2. Var. Schl. ctp. 3.

Mėnū Saulužę vedė,
Pirmą pavasarėlį.
Saulužė anksti kėlės,
Mėnužis atsiskyrė.
Mėnū vėns vaikštinėjo,
Aušrinę pamylėjo.
Perkūns didei supykęs
Ji kardu perdalyjo.
Ko Saulužės atsiskyrėi¹⁾,
Aušrinę pamylėlei,
Vėns naktý vaikštinėlei?
Širdis pilnà smutnybės.

1) БѢЛО: Ko nū Saul. ats.
(Зам. III.)

Var. Zim. II, 38 (II, 3.)

Saulit kūle Mėnesnių
Ar sidraba čakarnių.
Ak, Saulite, nekul mani:
Tev dienių, man naksnių.
(Брив. 94. Cnp. ctp. 313, № 30.
St. ctp. 274. Rh. ctp. 316.
Bergm. ctp. 42.)
Saul' sacirta Mėnestių¹⁾
Ar asaju²⁾ zobentių:
Kam paņēma³⁾ Auseklam
Saderetu⁴⁾ ligavių?

1. Var. Брив. 62.

Saule kūle Mėnesnī
Ar sudrab' pátadzių':
Kam paņēme Auseklam
Saderētu mātes méit'.

2. Var. Cnp. ctp. 311, № 19.

— — Saule laide Mēnešam
Ar sudraba akmentī'.

3. Var. Ar. M. 1934.

Mėnestiņ, vecais brāl,
Kam tu dienu neteceji?
Kam tu nakti maldinaji
Savu smuidru augumiņ?

1) St. и Rh. Saule Mėnesi
sacirte.

2) Cnp. Ar aso.

3) St. и Rh. Kam paņēme —

4) Rh. Suderetu.

5. Считаніе звѣздъ.

Jušk. L. sv. d. 637.	Bütt. 264. Спр. стр. 314, № 4.
1. Užteka Saulūžē, Daulēlu, lēlu ¹⁾ , Aplīnkāj dangūžī, Daulēlu ¹⁾ .	— — — — — — — — — — — — — — — —
2. Apėjki, Saulūžē, Aplīnkāj orūžī.	— — — — — — — —
3. Paskajtyk, Saulūžē, Ar visos žvajgždūžēs?	Mēnesnīpis zvaigznes skaita, Voi ¹⁾ ir visas vakarā.
4. Jau skajtaū, ne skajtaū, Jau viēnós ir nēra.	Visas zvaigznes vakarā, Ausekliņa vien nevaid;
5. Šviēsiāusios žvajgždūžēs, Kur ānkstī užtekēju.	Ausekliņš Vāczemē Saulitei svārkus šuva;
6. Kur ānkstī užtekēju, Ir vēlāj nusilēju.	Vienu stripi zelta lika, Otru tira sudrabiņa.
7. Užteka * Saulūžē, Aplīnkāj Dangūžī.	Var. Taut. d. 9. — — — —
8. Apėjki, matuše, Aplīnkāj dvarūžī.	— — zvaigznes skaitit ²⁾ , Vaj ir visas vakarā.
9. Paskajtyk, matuše, Ar visos dukrūžēs?	Ir gan visas vakarā, Ausekliša vien nevaida.
10. Jau skajtaū, ne skajtaū, Jau viēnós ir nēra.	Auseklītis aistecejis Saules meitu lūkoties.
11. Viriāusiosios dukrūžēs, Kur ānkstī atsikēlē.	Mēness jēma Saules meitu — — ³⁾
12. Kur ānkstī atsikēlē, Ir vēlāj atsīgulē.	1) Спр. Ar'.
13. Linēliu verpējēlēs, Drobēliu audējēlēs.	2) Относительно народной поэ- зии неправильный стихъ.
14. Šienēliu grēbejēlēs Rugēliu pjovējēlēs.	3) Варианты въ нѣмецкомъ пе- реводѣ находятся у В. Мангардта въ его статьѣ „Die lettischen Sonnenmythen“ въ „Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875 стр. 82, № 73; у К. Ульмана въ его книгѣ „Lettische Volkslieder übertragen im Versmass der Originale“. Riga, 1874. Здѣсь № 451 гласятъ: Mond zählt alle goldnen Sterne, Die am Himmel nah' und fern;

1) Повторяется во всѣхъ стро-
фахъ.

6. Лайма и утонувший братъ.

Rh. 75 (272).

Спр. стр. 1.

Laimē šauke, Laimē rēke¹⁾,
 Basi bēgant per kalnēli. —
 Aš užkopusi kalnēli,
 Mačiau tris žvėjačius,
 Kopininkus ant juračū.
 Ar ne matėt mano broleli
 Ant aukštū jureliū?
 Ay mergate, lėlijate,
 Tavo brolytis gul nuskendęs
 Ant juriū dugnelio.
 Smiltas²⁾ jo veidėli grauža,
 Vilnys jo plaukėlius plauja.
 Kopininkai, mieli kumai,
 Ar ištrauksite brolytį
 Iš juriū dugnelio?
 Kągi dūsi, kad ištrauksim?
 Vienam dūsu šilkū josta,
 Antram dūsu aukso žieda,
 Trečiam ne turu ko dūti.
 Tūmi pati suderėsu,
 Jaunu styrininku.
 Styriminkas mudrus vyras,
 Tasai mok' akrotu bėgti,
 Bėgt su vėju, bėgt prieš vėją.
 Kaipgi tu vengtė išvengsi
 Savo nieprietelius? —

Tris māsīpas gauži raud,
 Gar jūrmali staigadamas.
 — Ai, jūs, jūras zveinieci,
 Redzejāt mūs' bālīpus?
 — Ak, jūs, ciema dzeltanites,
 Kādi bija jūs' bālīpi?
 — Ai, jūs, jūras zveinieci,
 Tādi bija mūs' bālīpi:
 Sarkan-baltiem vaidziņiem,
 Dzeltaniem matiņiem.
 — Ak, jūs, ciema dzeltanites,
 Tie gul jūras dibinā!
 — Ai, jūs, jūras zveinieci,
 Velciet vīpus malīpā!
 — Ak, jūs, ciema dzeltanites,
 Ko jūs mums maksasiet?
 — Vienam došu slēšu kreklu,
 Otram — zīda nazdaudziņ'.
 Tam trešam ne ko dot,
 Tam es pate piederēšu:
 Ne vienam, ne otram,
 Kā pašam stūrmaņam!
 Stūrmanītis — gudris vīrs,
 Tas māceja laivu grīest:
 Preti vėju, pret ūdeni,
 Preti savu naidinieku!

1. Var. Ness. 8.

Laimē šauke, Laimē rēke.
 Basi begau per kalnēli,

1. Var. Спр. стр. 2.

Vakar gāja jūrīpā
 Div' bālīpi tiklu mest;

1) Одна лат. нар. пѣсня начинается такъ: „Laimit' kļiedza, Laimit' brēca“ — — — (сличи Zim. III, 79).

2) Въмѣсто Smiltis (един. ч.), smiltys (множ. ч.).

Alle waren hell erschienen,
 Fehlte nur der Morgenstern.
 Morgenstern ist fortgeritten,
 Auf zur Sonne geht sein Flug,
 Sonnentochter will er freien,
 Und Perkunos führt den Zug —
 сл. выше (1) и (2) шестой вариантъ.

Jēškodama broļužyti.

Aš užkopusi kalnelį,
Tai pamačiau trys žvejačius,
Kopininkus ant juračū.

Kopininkai mėli kumai,
Ar ne matėt brolytelį
Ant jurelių, ant marelių?

Ey mergate Pakalnėne,
Tavo brolytis nuskendęs
Gul ant juračū dugnelio.

Gul ant juračū dugnelio,
Smiltys jo veidelį graužia,
Vilnys jo plaukelius plauja

Kopininkai, mėli kumai,
Ar ištrauksit, ar žvejosit
Mano broli iš dugnelio?

Ey mergate Pakalnėne,
Kaigi dūsi, kad ištrauksim?
Kaigi dūsi, kad žvejosim?

Vėnam dūsiu šilkū josta,
Antram dūsiu aukso žėda,
Trečiam ne turiu ką dūti.

Su šiū trečūju žvejačiu,
Su jaunūju styrininku,
Su tū pati suderėsiu.

Styrininkas mudrus vyras,
Tasai mok akrutu bėgti,
Bėgt' su vėju, bėgt' prėš vėją.

2. Var. Schl. ctp. 8.

Laima šaukė, Laima vėrkė;
Basi¹⁾ bėgau pėr kalnelį
Jēškodama broļužyti.

Aš užkopusi kalnelį
Pamačiau tris žvejačius,
Kopininkus ant juračū.

Šodien iet jūrmalė

Tris mūsų skatities.

— Ai, jūs, jūras zveiniečiai,
Redzejāt mūsų baličius?

— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Kādi bija jūs baliči?

— Vienam bija balts seijiņis,
Otram zelta maltu gali.

— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Tie gul jūras dibinā!

— Ai, jūs, jūras zveiniečiai,
Velciet viņus maliņā!

— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Ko jūs mums maksasiet?

— Vienam došu cimdu pāri,
Otram — zīda zēgeliti;

Tam trešam — stūrmaņam,
Tam es pate piederēšu!

Stūrmanitis — gudris vīrs,
Tas māceja laivu griest

Pret rītiem, vakariem:

Pret rītiem laivu grīze,

Pret vak'riem¹⁾ zēgeliti.

2. Var. Jur. II, 17.

K. Ul. ctp. 163²⁾.

Jūra krāca, jūra špāca
Miglaināi rītiņā.

Ejma māsas mēs uz jūru,

Uz jūrmalu pastaigat.

Uz jūrmalu pastaigati,

Bāleliņus apmeklet.

Visi bija mūs baliņi,

Pastariša vien nebij.

1) По Шлейхеру женск. родъ теперь неупотребляемаго „basūs“.

1) Вѣрнѣе: vakariem.

2) Вариантъ въ нѣмецкомъ переводѣ у К. Ульмана въ его книгѣ „Lettische Volkslieder“.

Kópininkai, mēli kūmai,
Ar nemátēt māno brolēlī
Ant júriu, maréliu?

Ei mergātē Pakalnēnē,
Tāvo brólis gūl nuskēndēs
Ant jurāču dugnēlio.

Smiltys jo veidēlī grāužie,
Vilnys jo plaukeliūs plāuje.

Kópininkai, mēli kūmai,
Ar ištáuksit, ar žvejósit
Māno brolytēlī?

Ei mergātē Pakalnēnē,
Kāgi dūsi, kād ištáuksim,
Kāgi dūsi, kād žvejósim?

Vēnām dūsiu šilkú jūstā,
Antrām dūsiu āukso žēdā,
Trečām nēturīu kā dūti.

Sū šīū trecāju žvejāču
Patī suderēsiu,
Sū¹⁾ jānuu stýrininku.

Stýrininkas budrūs výras.
Tasai mok akrútu bēgti,
Bēgt sū vēju, bēgt prēš vējē.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 465.

1 Ējva, sésē,
Ējva, sésē,
Seserēlē,
Júriu-marūžiu } ds.
Pažiurēti.

2 Jūrēs-mārēs,
Jūrēs-mārēs
Sululāvu,
Váriu tiltūžis
Suskāmbēju.

3 Po tūm tiltu,

Dožajami, ložajami,
Meklejami bāleliņa.

Mekledamas bāleliņa,
Uzejm jūras zvejniecīpus.

Zīda tiklis, zelta laiva,
Sudrabiņa zēgelīte.

Ai, jūs jūras zvejniecīpi,
Redzejati mūs bāliņu?

Ai, jūs ciema zeltenites,
Kāds bij jūsu bāleliņš?

Sarkan-baltiem vaidziņiem,
Dzeltaniemi matiņiem.

Ai, jūs ciema zeltenites,
Tāds guļ jūras dibenā!

Ai, ludzami zvejniecīpi,
Velciet viņu maliņa!

Ai, jūs ciema zeltenites,
Mēs par velti nevīlksim.

Ai, jūs jūras zvejniecīpi,
Mēs par velti negribam. —

Vienam devu slēša kreklu,
Otram zīda mutautiņ'.

Tam trešam neko doti —
Devu zelta gredzentiņ'.

Kuram zelta gredzentiņū,
Tam es pate piederej'.

Ne vienami, ne otrami,
Kā pašami stūrmaņam.

Stūrmanītis gudris viris,
Pret vilniti laivu grieza.

Pret vilniti laivu grieza,
Pret vējiņu zēgelit'.

Lai pūš vēji, kur pūsdami,
Neizpūta maliņa.

Kad putisi ziemelītis,
Tad izputis maliņa.

Ziemeļami baltas putas,
Man baltākas zēgelit's.

1) Это „Sū“ прибавлено самим Шлейхеромъ.

3. Var. Zim. II, 41.
1. Vakar gāja div' bāliņi

- Po tām tīltu,
Tiltužēliu,
Te žvejóju
Trys žvejélej.
4 Ej, jus žvéjej,
Ej, jus žvéjej,
Trys žvejélej,
Ar ne mātēt
Mus broléliu?
5 Viēnas tārē,
Viēnas tārē:
Mes ne mātēm,
'Aņtras tārē:
Ne regējūm,
6 O šis trēcīas,
O šis trēcīas
Žvejužēlis:
Kaņ man dūsi?
Pasakýsiu.
7 Viēnām dūsiu,
Viēnām dūsiu
Šilkú kūskā,
Aņtrām dūsiu
Auksu žiedā,
8 O šiam trečīām,
O šiam trečīām
Žvejužēliuļ
Patī tēksiu
Mergužēlē.
9 Jūsu brólis,
Jūsu brólis,
Brolužēlis
Nū žirgēliu
Pasvyrēju.
10 Jis, ijódams,
Jis, ijódams
I juréles,
Nū žirgēliu
Pasvyrēju.
11 Jis, ipúldams,
Jis, ipúldams

- Gar jūriņu spēledami:
Šodien nāca trīs māsiņas
Gar jūriņu raudadam's.
2. Ai, jūs jūras zveinieciņi,
Vai redzejāt mūs' bāliņus?
Ai, Vidzemes zeltenites,
Kādi bija jūs' bāliņ' ?
3. Ai, jūs jūras zveinieciņi,
Tādi bija mūs' bāliņi:
Dzeltaniemi matiņiemi,
Sarkaniemi vaidziņiemi.
4. Ai, Vidzemes zeltenites,
Viņ' guļ jūras dibinājē¹⁾,
Smiltis viņu kaulus bālē,
Udens matus pludina.
5. Ak, jūs jūras zveinieciņi,
Velkat viņus malīnājē¹⁾
Velkat viņus malīnājē¹⁾
Rokat viņus smiltinās.
6. Ai, Vidzemes zeltenites,
Kotad jūs mums maksasieti?
Vienam došu linu kreklū,
Otram zižu nēzdociņ' .
7. Trešam došu sav' rociņu,
Savu zelta gredzeniņu,
Un es pati padošos
Pēc Laimītes likuma²⁾.

4. Var. R. nod. I, 130.

Mēness pēma Saules meitu³⁾,
Pērkons jāja precībās.
Aizjādamis, pārjādamis
Nosper zelta ozoliņu.
Sērdienīte gauži rauda,

1) Обыкновенно: dibināje, ma-
liņāje, или: dibenāi, malīnāi.

2) Единственно правильно: li-
kumiņ' или likumiņa.

3) Въ изданіи неvěрно: Saule
pēma mēness meitu.

- Ī jurēles,
 Aukštýn rānkas
 Iškēldamas: —
 12 Gēbēk māņē,
 Gēlbēk māņē,
 Žvejuzēli,
 Norts ne māņē, —
 Kepurēlē.
 13 Kaņ gēlbēsiu,
 Kaņ gēlbēsiu,
 Broļužēli,
 Mes ne tūrim
 Klēvu īrklu.
 14 Klēvu īrklas,
 Klēvu īrklas
 Išplušōju,
 Šilkú tīnklas
 Sublizgēju.

Zelta zarus lasidama ¹⁾.
 Salasij'si zelta zarus
 Tek ar vienu tecešanu.
 Tacedama uzteceja
 Lejā zelta ābeliti.
 Narauj zelta āboltiņu,
 Tek ar vienu tecešanu.
 Tecedama uzteceja
 Tris zvejniekus jūriņā.
 Labdien, labdien, zvejniecīpi:
 Vaj redzejat man' bāliņ'?
 Paldies, paldies, smukmeitiņa,
 Kāds bij tavis bāleliņš?
 Sarkanbaltiem vaidziņiem,
 Dzelteniemi matiņiem.
 Paldies, paldies, smukmeitiņa,
 Tāds gul jūras dibināi.
 Mīli lūdzu, zvejniecīpi,
 Izzvejojiet maliņā.
 Paldies, paldies, smukmeitiņa,
 Ko dos' mums par izvilksanu?
 Vienam došu ziedu sauju,
 Otram zelta āboltiņu,
 Trešajami, istajam,
 Tam es pati piederešu.

7. Вѣлѣдствіе несчастной любви умершій юноша.

Rh. 85 (304).

Спр. стр. 279. R. nod. II, стр. 149.

Bēgk, bēgk, valtēle,
 Ant greitōs Nēmonēlēs!
 Pribēgk aukštā kalnēlī,
 Kur žalas aužolēlis.
 Ten aukštame kapātij'
 Gul mano tėvātis.
 Pasiskusu mielam tėvėliui,
 Kā patevis man daro.
 Skaudžey manē išbare,
 Iš nameliū išvare — —

—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—

1) Это введение соответствует
 № 4 сего же отдела.

Bēgk, bēgk, valtele,
 Ant greitās Nēmonēlēs!
 Pribēgk žalajī dvaratī!
 Tam' žalamjam' dvaratij'
 Trys viežlības mergates:
 Viena staklužes taisē,
 Antroji plonay verpe,
 Trečoji šilkais raše.
 Ta, kuri šilkais rašo,
 Bus mano mylmoji.
 O jey aš tā ne gausu,
 Numirsu dēl smutnybēs.
 O kur jus manē laidosit,
 Kad mirēs iš smutnybēs?
 Teh lelijū daržatij'
 Po rožu krumaču.

Ir atējo jaunos mergates
 Kas nedēlēs rytužī
 Sav kvētkēles pyti.
 Skinkit, skinkit, mergates,
 Vis kā tikt norit;
 O tikt ne skinkit žiedelī
 Nu to rožu krumēlio.

Ir atējo jauna sesyte
 Šventōs nedelēs rytā,
 Nuskyne rožēs pumpurelī
 Nū tū rožu krumēlio.
 Ay, gražey kvēpja žiedēlis,
 Tas rožu pumpurēlis.
 Atsake močute verkiant:
 Juk tai ne rožu žiedēlis,
 Tai dvase jauno bernēlio,
 Kurs mirēs dēl smutnybēs.

1. Var. Ness. 379.

Bēgk, bēgk, mano valtele,
 Ant greito Nemonelio,
 Pribēgk aukštā kalnelī,
 Kur žalias aužolelis.
 Ten aukštame kapatij
 Gul mano tėvužatis.

Ligo, laiva, uz ūdeņa,
 Uz araja meitiņām!
 Arajam skaistas meitas,
 Zēgelišu audejiņas:
 Viena vērpa, otra auda,
 Treša zidu šķetereja.
 — Do', māmīņ', to meitiņu,
 Kuŗa zidu šķetereja.
 Ja ne dosi tās meitiņas,
 Es nomiršu bēdiņas.
 Kur jūs mani glabāsiet,
 Bēdiņas nomirušu?
 Sarkan' rōžu dārziņā,
 Zam rōzišu lapiņām.
 Tur izauga kupla rōze
 Deviņiem žuburiem.
 Tur teceja trīs meitiņas
 Ikritiņus puškoties,
 Viena saka: Rauj rōziti!
 Otra saka: Ne var raut!
 Treša saka, stāvedama:
 Ta ir puīša dvēselite,
 Ta ir puīša dvēselite
 Meitu bēdās nomiruša!

1. Var. St. стр. 278.

(Стендеръ говоритъ: Въ этой
 длинной пѣснѣ (zingē): Kur
 tu iesi, bāluliņ, Куда ты пой-
 дешь, братецъ? гласить подь
 конецъ):

Nu piejāju lielu ceļu,
 Istek man trīs zeltenites,

Divi mani pašu vede
 Treša manu kumeliņ'.

Jeved mani istabā,
 Kumeliņu stallītē,

Paceļ manim liepu-galdu,

Apklāj baltu gāldautiņ.

Usklājuši gāldautiņ',

Usliek manim sāl' un maiz'.

Pasiskųsiu tėveliui,
Ką patėvis man daro.
Skaudžey manę išbare,
Iš namelių išvare.

Bėgk, bėgk, mano valtele,
Ant greito Nemonelio,
Pribėgk žalią dvaratį.
Tam' žaliamjam' dvaratij'
Trys vėžlybos mergates.
Vėna staklužes taisė,
Antroji plonay verpe,
Trečioji šilkais rašo.
Ta, kuri šilkais rašo,
Bus mana mylimoji.

O jey aš tą ne gausiu,
Numirsiu dėl smutnybės.
O kur manę laidosit?
Ten lėlijų darzatij'
Po roželių krumačiu.
Ir atėjo mergates
Sav kvėtkes nuskirti.
Skinkit, skinkit, mergates,
O tikt ne skinkit žėdą
Nū to rožių krumelio.

Ir atėjo sesyte
Šventôs nedėlės rytą,
Nuskyne pumpurelį
Nū to rožių krumelio.
Ey gražey kvėpja žėdas,
Tas rožių pumpurelis.
Močut' atsake verkiant:
Juk tai ne rožių žėdas!
Tai dvase bernuželio,
Kur's miręs dėl smutnybės.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 18.

1 Vakar dieną
Aukštām svirnė
Trys mergytės
Šilkus sūku.

Nu es iešu lūkoties,
Ko tās ciema meitas dara.
Viena vėrpe, otra ade,
Treša zidu šķetere.
Dod man, māmīņ, to meitiņū,
Kas to zidu šķetere.
Ja ne dosi to meitiņū,
Es nomiršu bēdiņās.
Kur jūs mani apraksiet,
Kad nomiršu bēdiņās? —
Raksim rōžu dārziņā
Apakš rōžu lapiņām.
Tur usauge dailas rōzes
Mana kapa galiņā,
Tur teceja ciema meitas
Svētku rītā pušķoties.

2. Var. Bergm. I, стр. 37 и 38.

Divi dienas mežā gāju,
Ne ka labu ne dabuj.
Nu vėl iešu trešā dienā,
Dabuš' mellu kumeliņ.
Uskāpišu mugurā,
Usjājišu augstu kalnu:
No ta kalna nojājišu,
Jejājišu smukā birzi,
No tās birzes isjājišu,
Nogriezīšu šautru šaujiņ',
Istrūks ciema suniņi¹⁾:
Istek tur trīs skaistas meitas;
Divi mani pašu pēme,
Viena manu kumeliņ.
Kumeliņu stallī vede,
Mani pašu istabā:
Kumeliņam auzas silē,
Man pacēle liepas galdū,
Usklāj baltu galdautiņ,
Ustais' manim sienu vietu,

1) Неправильно оканчивающийся стихъ.

- 2 Viēna vėrpė,
Aņtrā āudė,
O ši trečią
Šīlkus sūku.
- 3 Motynėlė,
Sengalvėlė,
Pažadėk ma
Taņ dukrėlė.
- 4 Pažadėk ma
Taņ dukrėlė,
Kurī vākar
Šīlkus sūku.
- 5 Ja ne lėjsi
Tos dukrėlės,
Aš numīrsiu
Šėn diėnėlė.
- 6 Bernužėli,
Dobilėli,
Kur mes tėvė
Pakavósim?
- 7 Ar stajinėlė
Tarp žirgėliu?
Ar daržėly
Tarp rutėliu?
- 8 Ni stajinėlė
Tarp žirgėliu,
Tik daržėly
Tarp rutėliu.
- 9 Kāj lągėlį
Pavirėsit',
Mānė, jāuną
Paminėsit:
- 10 Benė tas čė
Gul bernýtis,
Katrās mīrė
Dėl mergýtės.

3. Var. Ness. 83.

Lúdze manim, lai es guľu:
Guledams nolūkaju,
Ko dar ciema meitiņas¹⁾.
Viena šuė, otra ade,
Treša tine ziľu diegus,
Cetorta, jaunaka,
Ta cūciņas ėdinaj'.
Dod man, māmīņ, to meitiņų,
Kas cūciņas ėdinaj'.
Ja ne dosi to meitiņų,
Miris' meitas bėdiņas.
Kur jūs mani racisiet?
Racis rōžu dārziņą,
Apakš rōžu saknitėm.
Tur usauge zelta rōzes
Mana kapa galiņą.
Atjāj divi Dieva dėli,
Nolauz' divi zariņų¹⁾,
Aisnes Māras baznicā,
Puško Māras altariti;
Saka Māra sieredama:
Ta puīša dvėselite,
Meitas bėdās nomirusi.

3. Var. Pl.-M. 16.

Isim syla maleniā,
Sausim syla vovierejti;
Nusovuš vovierejti,
Pordusim naudieniā;
Pordavuš naudieniā,
Pierksim siermu kumieleniu;
Pierksim siermu kumieleniu,
Brauksim miejtu cimieniā.
Nadabrauksim da vortienia,
Iztak miejtu dzaltoniejta,
Porjam siermu kumieleniu,
Porjam siermu kumieleniu,

1) Неправильно окончиваю-
щийся стихъ.

Dūkit man tada ilsētis
 Ne po kalnu šauru,
 Kasdamu ir bjauru.
 Bet labjaus atsīgulēti
 Po daržo rutelems,
 Apkaišyt's kvētkelēms.
 Jey tada ateis sesytes
 Žalias rutas skinti,
 Man ant galvōs minti,
 Tai manēs jus atsimīsīt,
 Man apērā dējant,
 Ašaras pralējant.

Ivad mani pogolmā,
 Ivad mani ustobā,
 Ajzvad mani ajz lipys golda;
 Dud' maņ ēst, dziert',
 Dud' vitu porgulet'
 Tymsajā kaktienā.
 Bieja Diva div daleni,
 Agry brauca laulotus;
 Iraudzieja Morys miejtas,
 Satiecieja rožu dorzā,
 Vina šyva, utra oda,
 Treša roksta ziejžutienies. (?)
 Dud' mamieņ tu miejtieniu,
 Kurej roksta ziejžutienies;
 Ka' nadusi tos miejtienias,
 Kurej roksta ziejžutienies,
 Numiert' maņ biedieniom;
 Numiert' maņ biedieniom,
 Kur jyus mani paglobosit?
 Smolku rožu darzieniā,
 Mogunieniu lapieniōs.

4. Var. Брив. 381.

Man uztāisa dūmu gultu
 Tumšājā kaktipā.
 Gulēdams rāudzijūas,
 Kūa dar ciama dzeltainites:
 Viana vérpa, viana āuda,
 Trešā diagu šķeterēja.
 Dúad, māmīpa, tūa méitiņu,
 Kas tūa diagu šķeterēja.
 Par visām jāunākūa,
 Par visām skāistākūa.
 Ja nedúasi tūa méitiņu,
 Es nūamiršu bēdīpās.
 Kur jūs mani iaraksīt
 Bēdīpās nūamirušu?
 Rúaciet rūožu dārziņā
 Apakš rūožu saknītēm.
 Tur uzāuga kupla liapa

Mana kapa galiņā.
 Tur sanāca ik svēdianas
 Jaunas mēitas krūanus vīt.
 Rāujat, mēitas, pazarītes,
 Nerāujat galūatnītes.
 Lai palika galūatnītes
 Vējiņam vēdināt.

5. Var. Брив. 382.

Arājam skāistas mēitas,
 Zēgelišu vērpējiņas:
 Viana ada, ūatra vērp¹⁾,
 Trešā raksta zīda āut'.
 Dūad manīm tūa meitiņ,
 Kuŗa raksta zīdāutiņ.
 Ja nedūasi tās mēitiņas,
 Es nūamiršu bēdiņas.
 Kur jūs mani glabāsīt
 Žēlabās nūamirušu?
 — Tur mēs tevi glabāsim
 Skāistā rūožu dārziņā.
 Tur izāuga kupla liapa
 Deviņiam žuburiam.
 Ik svēdianas mēitas nāca
 Vaiņadzīpus darināt.
 Nūavījušas vaiņadzīp,
 Aiziat Māras baznīcā.
 Māra prasa rāudādama:
 Kur, mēitiņa, tādu ņēmi?
 — Rīgā pīrku, nāudu devu,
 Vāczemē kaldināju.
 — Kūa jūs, mēitas, molūajat?
 Tā puisīša dvēselīte.

6. Var. Zim. IV, 80.

1. Ligo, laiva, us ūdeņa,
 Us arāja meitiņām!

1) Или: vērpj.

Arajam ir¹⁾ skaistas meitas,
Zēgelišu audejiņ's!

2. Viena ada, otra vērpa,
Treša raksta zidautiņ'.
Dod, māmiņa, to meitiņu,
Kura raksta zidautiņ'!

3. Ja nedosi tās meitiņas,
Es nomiršu žēlabās.
Kur jūs mani glabasietī.
Žēlabās nomiršu?

4. Tur mēs tevi glabasimi:
Skaistā rōžu dārziņā.
Tur isauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem.

5. Ik svētdienas meitas nāca
Vaiņadziņu darināt.
Novijušas vaiņadziņus,
Aisiet Māras baznīcā.

6. Māra prasa raudadama:
Kur, meitiņa, tādu ņēm'?
Rīgā pirku, naudu devu,
Vāczemei²⁾ kaldinaj'.

7. Ko jūs, meitas, melojat i
Ta ir puīša dvēselit';
Ta ir puīša dvēselite,
Žēlabās nomirušā!

7. Var. Bezz. L. D. стр. 34.
Zim. II, 59.

Trīs diņiņas mežā brauču,
Naka lōba nedābū',
Ka izbrauču caturtū,
Dābū' vōsku riteniš'.
Nū ta vōsku ritenīše
Īzakūlu naudīņu,
Nūzēpirku aukstu zirgu,
Uzejāju aukstu kōlnā,

1) Это „ir“ вставлено.

2) Обыкновенно: Vāczemei.

Pilasīju šautru klāpi,
 Nūsvīž' cīma sētmali.
 Sājutuši cīma supi
 Sāka visi čavināt;
 Istek divi ¹⁾ dzeltānites
 Dzeltanām kāņām,
 Īvad zirgu stalītē,
 Īvad pati istabā,
 Pacel baltu ²⁾ lēpas gōldu,
 Usklai bōltu ²⁾ pōladziņu,
 Uzlik baltas ²⁾ biķerites,
 Uzlik bōltu ²⁾ maizes klaipu,
 Līk man āst, līk man dzārt,
 Līk naktiņu pārgulāt.
 As ²⁾ aizgāju, nūzever',
 Kū darija cīma meitas:
 Vīna oda, ūtra ²⁾ šūi,
 Treše zīdu šķeterā.
 Dūd, mamīņ', man tō meitu,
 Kas tō zīdu šķeterā;
 Ja nadūsi tās meitiņas,
 Es ²⁾ nūmiršu bādiņās.
 Kur jus mani glōbāsat,
 Bādu puisī nūmiruš'?
 Zem rōzišu lāpiņām,
 Mōgūniņu dārziņā.
 Tur uzauga lēla lēpa
 Dāviņim žuburim,
 Tur ikrītā meitas gāja
 Pī tās lēpas puškūtīs.
 Rāva vīna, rāva ōtra ²⁾,
 Nenūrāva galvenīka.
 Dajā' divi Dīva dēli,
 Tē nūrāva galvenīku.

---

1) Двойств. число женск. рода.
(Зам. Бецц.)

2) Здѣсь нѣтъ послѣдовательности.

8. Var. Bezz. L. D. стр. 43.

Līgoa laiva us ūden',
 Us arāja meitīnām.
 Arājam bij' skaistes meites,
 Zāgālišu audējīnes;
 Viena āda, oatra šū',
 Treša rakst' zīž' autīn'.
 Doad, mamīna, toe meitīn',
 Kas māk rakstīt zīž' autīn';
 Jā, mamīn', tās nedoes',
 Žēlabās nomirišu.
 Kur jūs mani glabaset,
 Žēlabās nomirušu?
 Roacet¹⁾ mani roež' dārza
 Apakš' roežu saknītem.
 Tur uzaug' kupla liepa
 Devīpiem žuburiem.
 Ik svēdienes meites gāje,
 Vaiņacīnus darināt,
 Noepiņušas vaiņecīnus²⁾
 Aiznes Māres baznīcā.
 Māre pras' raudādam':
 Kur jūs meites tādu ņemat?
 Rīgā³⁾ pirkam, naudu dāvam,
 Vāc(z)emē kaldinām⁴⁾.

1) Sic! Хотя ожидается „Roaciet“.

2) Sic! Хотя ожидается „vaiņacīnus“.

3) Здѣсь Беценберггеръ замѣчаетъ: Ich weiss nicht, ob die Altertumsforscher der Ostseeprovinzen schon beachtet haben, dass der litauische Name Rigas Ringa ist (s. Juškevič Liët. dajņ. № 298, Lit. Forsch. S. 24); sicher ist lett. Rīga hieraus entstanden. Сличи у Юшкевича тамъ же 1169-ую дайну.

4) Или: kaldinājam. (Зам. Бецц.)

Koe, jūs meites, melojet ?
 Ta ir puisiu dvāšālit'
 Žēlabās nomirūša.

9. Var. Austr. 1894 г. № 8,
 стр. 98.

Tautu meita gultu taisa,
 Aicin' mani klāt gulet. —
 Guli viena, tautu meita,
 Es pie tevis negulešu ;
 Es gulešu jūriņai
 Savā niedru laiviņai.
 Niedru laiva viegli teka, —
 Simtu jūdžu naksnīai.
 Tecedama aizteceja
 Saules muižas pagastai,
 Saules muižas pagastai
 Viena veca māmuliņa.
 Tai māmīņi trīs meitiņas,
 Katra savu darbu dara :
 Viena ada, otra raksta,
 Trešā zīdus šķetināja.
 Dod, māmīņa, to meitiņu,
 Kas tos zīdus šķetināja. —
 Ne, puisiti, to nedošu,
 Ta ta visu jaunākā. —
 Ja nedosi to meitiņu,
 Es nomiršu sirdēstās.
 Kur jūs mani glabasita,
 Sirdēstāsa nomirūšu ?
 Rokāt rōžu dārziņai
 Rōžu krūma galiņai.
 Tur uzauga kupla rōze,
 Mana kapa maliņai.
 Tur sanāca svētu rītu
 Jaunas meitas pušku raut. —
 Laužat zarus, pazarītes,
 Galonītes nelaužata !
 Atjāj divi Dieva dēli,
 Tie nolauza galonīti,

Nolauzuši galoniti,
 Nones tautu istabai.
 Meitu mâte brinijasi:
 Kur jums tādi ziedi zied?
 Tie nebija rōžu ziedi,
 Ta bij puīša dvēselite :;
 Sirdēstōsa nomirūša :;
 To meitiņu nedabuj'sa :;
 Kas tos zidus šķetināja.

8. Божественное родство сироты.

Ness. 74. Dowk. 84.
 Lesk. 119. Brug. 50.

Спр. стр. 177, № 1.

— — — —
 — — — —
 — — — —

Saule motuše,
 Saule motuše,
 Saule motuše
 Kraiteliui kloti.

Mēnū tetušis ¹⁾ — — —

Dalelei skirti.

Žvaigžde sesele ¹⁾ — — —

Vainikui pinti.

Sētas ²⁾ brotatis ¹⁾ — — —

Lauku lydēti.

Var. Ness. 81. Bar. 11.

O kur josiu, brolužei,
 Šitā švēsų rytuzi?
 Jēškau, jēškau, mergužē,
 Savo bērą žirgužį.

Be tetužio, mamužēs,

Kai bėdnoji sirata.

Švēsi Saule ant dangaus,

Tai yr' mano močužē.

Nem, bāliņ, bāreniti,
 Bārenite liela rada:
 Dieviņš — tēvs, Laimē — mātē,
 Dieva dēli — bāleliņi.

Var. Ar. M. 295.

Grib bāliņš, sievu ņemt,
 Nevar meitu sataujāt.

— Nem, bāliņ, bāreniti,

Netaujā mātes meitas!

Bārenite, usāugdama,

Visu darbu ieradusi —

Jeradusi riju kult,

I māliti ritināt. —

Nem, bāliņ, bāreniti,

Bārenite liela rada:

Dievis — tēvis, Laima — mātē,

Dieva dēli — bāleliņi.

1) Повторяется тоже три раза.

2) Сито, семизвѣздіе. (Зам.
 Нецц.)

Švēsus Mēnū ant dangaus,
 Tai yr' mano tetužis.
 Švēses žvaigzdes ant dangaus,
 Tai yr' mano seseles.
 Giroj' žali aužolai,
 Tai yr' mano brolelei.
 Švēsi Aušra ant dangaus,
 Tai yr' mano mergužė.

III. Военные пѣсни.

1. Два голубя и два брата.

Dowk. 24. Schl. стр. 29.

Zim. II, 60.

Du balandiu klanī¹⁾ giere,
 Begerdamu sudumoje,
 Ar but gerti, ar negerti,
 Ar sparnelius paplasnoti.

Gerkiau, gerkiau balandeli,
 Kaip pagersiau paplasnosiau
 Ir nulieksiau į girelę
 Ir nutupsiau į pušėlę.
 Pušijs šaka linkterieje,
 Visa gire užterieje.

Du broleliu keliu joje,
 Bejodamu sudumoje,
 Ar but joti, ar nejoti,
 Ar žirgelius nubalnoti.
 Jokiau, jokiau, brotereli,
 Kaip nujosiau, nubalnosiau.

— — — — —
 — — — — —

1. Var. Jušk. L. d. 1566.

1. Du brolėliu keliu jōju,
 Be-jōdamu sudumōju: { ds.
2. Ar vādum jōti, ar ne jōti,
 Ar žirgėlius nubalnōti?

Div' baloži pelti dzėra;
 Ká tas var būt?
 Padžėruši plivinaja;
 Tas gan var notikt.

Div' bālīni kará gāja,
 Ká tas var būt?¹⁾
 Abi gāja dōmadami,
 Tas gan var notikt¹⁾.

Vai būs ieti, vai ne-ieti,
 Vai būs palikt šai zemītė?²⁾

Kas karajė cisas taisa,
 Kas kláj baltu paladziņu?
 Zobins, plinte cisas taisa,
 Skrōšu, lōžu paladzinis.

Us ta lauka zála zále,
 Us tás záles zelta rasa.

Us tás rasas zelta gulta,
 Us tás gultas zida dėkis.

Jesim nu un skatīsimies,
 Kas tai gultá iekša gulej'?

Tur gūl divi kara vīri,
 Sašauditi, sakapati.

1) Этотъ стихъ повторяется въ каждой строфѣ.

2) Правильнѣе: Vai palikti šai zemėi.

1) Или: klanė. (Срав. Шл.)

3. Jókiv, jókiv, broteréli,
Kajp parjósva, nubalnósva,
* * *
4. Du balāndiu klāne gērē,
Be-gérdamu sudumóju:
5. Ar vādum gérti, ar ne gérti,
Ar sparnélius paplasnóti?
6. Gėrkiv, gėrkiv, balandėli,
Kajp pagėrsva, paplasnósva.
* * *
7. Dvi bitėli mėdu nėšė,
Be-nėšdami sudumóju:
8. Ar vādvim nėšti, ar ne nėšti,
Ar rejķ ģe-pat žiėmavóti?
9. Nėškiv, nėškiv, bitelājėtė,
Kajp parnėšva, žiėmavósma.
* * *
10. Dvi sesėli šilkūs siúva,
Be-siúdami sudumóju:
11. Ar vādvim siúti, ar ne siúti,
Ar ne siútus dovanóti?
12. Siúkiv, siúkiv, seserėlė,
Kajp pasiúsva, dovanósva.
13. Į tris kertės šilkūs siúva,
Į ketvīrtą vārdą sáva.
2. Var. Jušk. L. d. 723.
1. Du karvėliu klóny gėre, { ds.
Be-gérdamu suuldávu: { ds.
2. O kur mūdu karvelėliu,
O kur gáusiv nakvynėlė?
3. Viėnas: lėksiv į girėlė,
Į girėlė pas gegėlė.
4. 'Antras: lėksiv į ąnžūlą,
Į ąnžūlą pas genėlį.
5. Bepīg tau, karvelėli,
To girėlė — pas gegėlė.
6. Bėda ma, karvelėliuj,
Tam ąnžūle — pas genėlį.
1. Var. Pl.-M. 46.
Div balužy paltie dziera,
Pidzarušy plejvynava.
Obi dziaria gudodami,
Div broleni karā goja,
Obi goja raudodami.
Div broleni karaviejry dumo-
dami:
Vaj mums jot', vaj na jot',
Vaj palikt' šymā molā?
Isim cimā mosieniom.
2. Var. Cnp. ctp. 98.
Div' baloži paltė dzėre,
Izdzeruši plivineja.
Div' bāliņi karā gāja,
Abi gāja dōmadami,
Abi gāja dōmadami:
Voi būs iet, voi ne iet,
Voi palikt šai zemē?
Šai zemē laba dzīve:
Pašas meitas vietu taisa,
Aicin' mani klāt gulēt.
Kas taisija zoldatam?
Zoldats guļ tirumā,
Zoldats guļ tirumā
Uz peleķa akmentip,
Zobentipš pagalvē.
3. Var. Taut. d. 51.
R. kr. V, 1157.
Divi zili balodiši
Strautā dzēra dūdodami;
Duj brāliši karā jāja,
Abi jāja dōmadami.
Abi jāja dōmadami:
Vaj būs jāte, vaj nejāte,
Vaj būs jāte, vaj nejāte,
Vaj palikte Kurzemē?
Kurzemē laba dzīve,
Sievās, meitas gultu taisa,

7. Du brolėliu laukù jòju, Be-jòdamu sudumóju:	Kas tais' man zaldatam? Zaldats ceļa gājējipš.
8. O kur mūdu, brolužėli, O kur gāusiv nakvynėlė?	Zaldats ceļa gājējipš, Zābaks dubļu bridejipš:
9. Viėnas: jósiv į dvarėli, Į dvarėli pas mergėlė.	Us akmeni galvu lika, Kājas mirka ūdenī ¹⁾ .
10. 'Aūtras: jósiv į kiėmėli, Į kiėmėli pas mergėlė.	4. Var. Zim. VI, 11.
11. Bepīg távej, brolužėli, Tam dvarėly — pas mergėlė.	1. Div' dūjiņas gaisā skrēja, Abas skrēja dūdodam's.
12. Bėda manej, brolužėliuj, Tam kiėmėly — pas mergėlė.	Ai, ai, ai — ja! Abas skrēja dūdodam's ²⁾ .
	2. Div' bāliņi karā jāja, Abi jāja domadam'.
	3. Vai būs jāti, vai nejāti, Vai palikti sėtiņā?
	4. Kur palika mans bālītis, Karodziņa nesajīts?
	5. Tur palika jājejitīs Us tām Leišu robežām.
	6. Tur staigāja Dieva dēli, Dvēselites lasidam'.
	7. Atraduši dvēseliti, Ietin baltā villanē.
	8. Ienes svētā pa-ēnāi, Guldiņ' Dieva šūpulī.
	9. Liek ēngeli šūpotaju; Tas dziedāja aijadams.
	10. Aija, mīla dvēselite! Karā kauta, nemirus'.

2. Сестра воина.

Jušk. L. d. 1074.
Arch. 4.

Брив. 1011; 1012.
Ар. М. 1947 и 1948.

1. Geř bajóraj arelkėlė; Netiėkgėre, kiėk išlājštė.	} ds. Es karā āiziadamis, Atstāj mūsu šūpulī:
2. Išjó brólis karúmenė, Paliėk mážą seserėlė.	
3. Parjó brólis iš karúmenės, Ne pažīnu seserėlės.	1) Въ R. kr. V, 1157: Даугавā. 2) Эти два стиха повторяются въ каждой строфѣ.

4. O, matušē, o, senóji,
Kanó mázas gul vygélē?
5. O, sunýti, o, jaunāsis,
Taj vis távo seserélēs.
6. Dūki kárdā kū ašviāusi
Kīrsiu sesélēs galvélē.
7. Ne kīrsk gálvā subatóje,
Nukīrsk gálvā nedēlióje,
8. Kad daug sviētu pamatýtu,
Kītos tajp ne padarýtu.

Var. Φ. u M. 53, 2.

1. Oj kad aš išjojan
In didē vajnelē,
Palīkau mergelē
Margoje vigelēj.
2. Oj kad aš parjojan
Iš didēs vajnelēs,
Randu mergužēlē
Už nauju stakleliu.
3. Mergužēle mano,
Balta lelijēle,
Oj kas tau padarē
Naujajses stakleles,
O kas tau inredē
Plonajses drobēles?
4. Brolelej padarē
Naujajses stakleles,
Seselēs inredē
Plonajses drobēles.

Atpakaļu atnākdamis,
Atrad' līalu užaugušu.
Paprasīju māmiņai:
Kam tik dāila mātes mēit'?
Māmiņ man atsacīja:
Ko atstāji šūpulī.
Būt zināis tō agrāk,
Ka tik līala man' māsīņa, —
Es tai pirktu vāiņadziņū
Ar sudraba vizuīkam,
Lai tā manis piaminētu
Tāutu galdu galiņā.

1. Var. Jur. I, 8.

Es karāi aizeedams,
Atstaj' māsū šūpulī.
No kariņa atīedams,
Atrod' līelu rakstītaj'.
Māmiņai pavaicāj':
Kas tā līela rakstītaj'?
Ta, delīpi, tav māsīņ,
Ko atstāji šūpulī.
Rakstītaja, man māsīņ',
Norakst' kara karodziņ'.
Raksti zaļu vaj sarkan',
Mūžam vairsi neredzēt.
Būtu manīm brīvestīb'
No tiem kara vedejiem,
Vestu līdsi sav' māsīņ'
Svešu zemi līeveret.
Laj redzētu man' māsīņ',
Kādu nāvi man jamīrst.

2. Var. Bezz. L. D. ctp. 33.

Es karā nūīdams
Atstai' māsū šūpūlī,
Par trīs gadi atnākdams
Nūraug' līelu rakstītajū.
Es te lūdzu, mīle māsē,
Rakst' man kara karūdziņ'.

3. Вѣсть о войнѣ.

Rh. 37 (130). Stan. 24. Kol. 2. Arch. 24. Ness. 341—354. Schl. стр. 14, 25, 38 и 41. Lesk. 90. Bezz. 1; 14. Юшк. 3. Jušk. L. d. 1111; 1133; 1135; 1136; 1137; 1140; 1171. Mitt. стр. 205. Bar. 149; 150.

Спр. стр. 271 и 272. Bergm. I, 47. Pl.-M. 1 и 2. Брив. 1006, 1007, 1009 и 1010. Taut. d. 31 и 52. Bezz. L. D. стр. 36 и 37. R. kr. V, 1152. L — —. K. Ulm. стр. 176, № 8.

Jau ir atlēke gulbjū pulkatis:
O ir pavare ī karā jūti.
Kitū išjājo jauni brolyčei,
O musū niera neygi kam jūti:
Brolyčui jūti, brolui ne jūti;
Eiva tevēlui žirgā žaboti!
Viena sesyte brolytį rēde ¹⁾,
O ši antroji vartelus kēle.
Ai broli, broli, kada parjūsi
Po musū tėvo raudona rože?
Kad ji pražydės, tai aš parjūsu.
O ir pražydo nedelės rytą.
Niera, kai niera mušma brolāčio.
Eiva, sesyte, brolyčio laukti,
Ant ano kalno, pas ūsiēs tvorą!
Ir nustovėjom' kalną ²⁾, dūbatę,
Ir pakilnėjom' ³⁾ ūsiēs tvoratę.
Niera, kai niera muma brolāčio.
Parbėg' žirgatis, rišia ⁴⁾ par-
bėgo ⁵⁾.
Aukso kilpatis šalė kabėjo ⁶⁾.

1) Сличи Ф. и М. 74, стихъ 3 и 4:

— Suskink, sesele,
Man rutu ir meteliu!
Vaj kap suskiosi
Man rutu ir meteliu,
Užkišk, sesele,
Už mano kepureles.

2) Schl. kalne.

3) Варианты: nurýmojom, pér-lipinėjom.

4) Schl. riščė parbėga.

5) Schl. subūje.

Aši, aši zile dzied
Brāla nama pakalā.
— Tec, māsīņ, klausities,
Kādu vēsti zil' atnese?
— Zil' atnese tādu vēsti:
Bāliņam karā iet, —
Bāliņam karā iet
Aizpuškotu cepuriti.
— Tec, māsīņ, dārziņā,
Puško brāla cepurit!
— Dziedadama appuškoju,
Raudadama pavadījū.
— Raud, māsīņ, voi ne raud,
Vairs tu mani ne redzesi!..
Ja tu mani ne sagaid,
Sagaid manu kumeliņ, —
Sagaid manu kumeliņ
Par deviņas vasariņas, —
Par deviņas vasariņas
Ievas ziedu laiciņā,
Vaicajiet no kumēla,
Kur palika jājejiņš?
— Tur palika jājejiņš,
Kur guļ viri, kā ōzoli;
Kur zōbinus sārziem krauj,
Cepurites kaudzēm met...
Tas ne bija stundes laika,
Divi upes asņu tek, —
Divi upes asņu tek,
Treša — gaudu asariņ!..

1. Var. Zim. II, 48. R. kr. V, 1144;
1150. R. nod. I, 70; 162. R. B. 51.

1. Cekulaiņa zile dzied

Eiva, sesyte, žirgą sugaudīt',
Ir jam ¹⁾ sugāvus, išklausinėsim.

Ai žirge, zirge, brolio begune,

O kur tu dejei muma brolytį?

Juma brolytį mušij' nušove,

O mane paleido į visą svieta.

Devynes upes plaukte per-
plaukiau,

O šę dešimtą nerte pernėrau.

Ui, ui Dievuži, Dievulau mano.

Kas mum' ²⁾ padėsi ³⁾ brolio ge-
dėti?

Saulužė tare nusileisdama:

Aš jum' padėsu, brolio gedėti;

Devynes rytus miglužej' temsu,

O ši dešimtą ney ne tekėsu.

1. Var. Ф. и М. LXXIV.

1. O kad aš augau

Pas senąjį tėvelį,

Aš nusišeriau

Zirgelį jūdbėrėlį.

2. O ir atsiuntė

Man marga gromatėlę:

Vaj rajks man, rajks man

In Rigužėlę jotė!

3. Balnok, broleli,

Man žirgą jūdbėrėlį!

Suskink, sesele,

Man rutu ir meteliu!

4. Vaj kap suskinsi

Man rutu ir meteliu,

Užkišk, sesele,

Už mano kepurėlės.

5. Padūk, sesele,

Šikšnini kančiukelį!

Stalla spāres galinā ¹⁾).

Ej, māsije ²⁾), klausities,

Kādu ziņu zil' atnes'?

2. Tādu ziņu zil' atnes':

Būs brāļami karā iet.

Būs brāļami karā iet

Nepuškotu cepurit' ³⁾)

3. Ej, māsije, dārziņā,

Puško brāļa cepurit'!

Dziedadama iegājus',

Raudama rōzes rāv'.

4. Dziedadama nopinus',

Raudadama galvā liek;

Dziedadama vartus vēr',

Raudadama pavadij'.

5. Raud', māsije, vai neraud',

Tu jau manis neredzes'.

Devitājē gadinā

Atnācis mans kumeliņš.

6. Kumelami pavaicāj':

Kur palika jājejiņš?

Tur palika jājejiņš,

Kur zōbini sviaukš un

svaukš.

7. Tur palika jājejiņš,

Kur asinu upe tek,

Kur asinu upe tek,

No kauliemi tiltu tais'.

2. Var. Zim. VI, 12.

1. Zile dzied, zile dzied

Stalla spāres galiņā ⁴⁾).

Ej, māsija, klausities,

Kādu ziņu zil' atnes!

1) Schl. jī.

2) Вapиaнтy: mums, man.

3) Ness. padētu.

1) Рядомъ съ этимъ: galiņa.

2) Обыкновенно: māsija.

3) Творительный падежъ ж. р.

4) L. Vārtu staba galiņa.

Vaj kap padūsi
Šikškninī kančiukelī,
Atkelk, sesele,
Žalio vario vartelius!

6. Vaj kad aš jojau
Tai siaurą uličelę,
Gražej kalbėjau
In žirgą jūdbėrėlį:
7. Vaj žirge, žirge,
Žirgeli jūdbėrėli,
Vaj ar nuneši
Tu manę in Rigelę?
8. Da ne dajojau
Nė in pusę kelelio,
Jau ir suklupo
Žirgelis an kojaliu.
9. Vaj kad žinotu
Mano senas tėvelis,
Jis man atsiustu
Žirgelį jūdbėrėlį.

2. Var. Rh. 47 (170). Ness. 24.
Jušk. L. d. 1085; Bar. 118; 160;
376.

Atlėke jūdas varnas¹⁾,
Atnėše baltą ranką
Ir auksiną žiedėlį.
Klausu tavę, paukštėli,
Tu jūdasis varnėli:
Kur gavai baltą ranką
Ir aukselio žiedėlį?

Aš buvau didžam' kare.
Ten didį mušį muše,
Ten kardu tvorą tvėre,
Pučkėlemis dūbę kase,

1) Слячи Jušk. L. d. 1136:

O ir atlėke
Jūds vabalėlis, —

и выше: gulbjų pulkatis.

2. Tādu žipū zil' atnesa,
Ka bālīpam karā iet.
Kur puškota cepurite,
Kur seglota kumelinš?
3. Ej, māsīpa, dārziņa,
Puško brāla cepurit'!
Puško brāla cepuriti,
Seglo brāla kumelin'!
4. Dziedadama appuškoja,
Raudadama aizvadij¹⁾.
Dziedadama appuškoja,
Raudadama aizvadij¹⁾.
5. Par deviņi pusgadiņi
Pie māsīpas serstu nākš'.
Ja es pats neatnākšu²⁾,
Atnācis³⁾ mans kumelinš.
6. Paprasait kumeļam⁴⁾:
Kur palika jājejiņš? —
Tur palika jājejiņš,
Kur zōbinus zārdā⁵⁾ krauj.
7. Kur cepures kaudzē met,
Kur no kauliem tiltu tais';
Kur no kauliem tiltu taisa,
Kur asinu jūra tek.
8. Pāri gāja mūs' masīpa,
Kā lapiņa drebedam';
Kā lapiņa drebedama,
Kā lapiņa mirdzedam'⁶⁾.
9. Nēm, māsīpa, špudauciņu,
Slauki savas asaras!'⁷⁾
Slauki savas asariņas,
Dziedē savu sirsnīpu!⁸⁾

1) L. pavadij'.

2) L. nepārnākšu.

3) L. Pārtēcēs —

4) L. Paprasaiti kumeļami.

5) L. sārta.

6) L. Kā puķite ziedēdam'.

7) Правильно asariņ's.

8) Неправильный конецъ стиха.

Ten kraujo upė bego ¹⁾;
 Ten gul ne viens sunėlis,
 Ten verkia ne viens tėvėlis.

Ui, ui, tai mano žiedėlis.
 Ne gryš mano bernėlis,
 Krint mano ašareles.

3. Var. Jušk. L. d. 1169.

1. Vidūr lauku   }
     Kryklės ²⁾ ūngu,   } ds.
 Balti žiedaj žydi; } ds.

2. Balti žiedaj,
     Jūdos ūgos
 Ir šakėlės līnku

3. Ir atlėkė
     Jūdas varnas,
 Jūdasis varnėlis,

4. Ir atnėšė
     Baltą rānką
 Su auksu žiedėliu.

5. O, tu, varnaj,
     Jūdvarnėli,
 Jūdasis varnėli,

6. O kur ėmėj
     Baltą rānką
 Su auksu žiedėliu?

7. O Rīngūžės ³⁾
     Miestužėly
 Dīdis kāras būvu;

8. Te nukīrtu
     Brōliu rānką
 Su auksu žiedėliu,

3. Var. Брив. 1006. Zim. II, 84.
 Jur. I, 4. R. kr. V, 1152. Schl.
 стр. 18.

Div' dūdiņas gāisā skrēja,
 Abas skrēja dūdūadamas;
 Div' bāliņi karā jāja,
 Abi jāja dūamadami: —
 Vai būs jāti, vai nejāti,
 Vai palikti šai zemē ¹⁾.

Tec, māsīņa, dārziņa,
 Puškūa brāļa cepuriti,
 Dziadādama appuškūaja,
 Rāudādama pavadija.
 Kāra pulkā brasėdamis,
 Piamin savu ligaviņu;
 Ja tu patsi ²⁾ neatnāksi,
 Atsūt' savu kumeliņu.

Par deviņi vasariņi
 Kumeliņis attecēja.
 Pavaicāju kumeliņu:
 Kur palika jājėjiņis?
 Kur palika jājėjiņis,
 Karūdaziņa nesėjiņis?

— Tur palika jājėjiņis
 Uz tiam Lēišu rūabežiam,
 Kur gul viri kā ūazūali,
 Sārtiam krāuti zūabentiņ';
 Kur asiņu upe tek,
 Nūa kāulīami tiltu tāis'.

Pārbrāuc jāuna ligaviņa
 Kā lapiņa drebėdam'.
 Tur stāigā Diava dēli
 Dvēselītes lasīdami;
 Atraduši dvēselīti,

Iatin baltā villāinē,
 Ianes svētā pa-ēnā,
 Guldin Diava šūpult;

1) Ф. и М. LXXVI, стихъ 5:
 O an kalno vajsкас žusta,
 O po kalnu kraujeis pluksta,
 O nog dumu akis marksta,
 O nog krauju širdis alpsta.

2) Kryklė, jūda slýva, arškė-
 tis, slývu (Зам. Юшк.).

3) Ф.-М. LXXIV: Rigūžėle.

1) Сличи съ № 1 и его вари-
 антами. См. выше.

2) Соотвѣтствует лит. patsai.

9. Te užmušė
Jus broliūką,
Pújkų karejviūką.
10. Aš atnešiau
Báltą ránką
Pas senūs tėvėlius.
11. O ne viėna
Motynėlė
Sunėliu raudóju,
12. O ne viėnas
Tėvužėlis
Sunėliu gedėju,
13. O ne viėna
Seserėlė
Bróliu žėlavóju,
14. O ne viėni
Sunužėlej
Dumėlė dumóju.
15. Sudumóju
Dumužėlė,
Katrám káran jóti?
16. O gražiáusiam,
O jauniáusiam,
Į karėlį jóti.

Liak engeli šúpúatáju,
Kas dziadája šúpúadamis:
Karà káuta dvėselit'
Múžam esi nemirus'.

Ex lib. univ. Tart.

4. Освобождение война.

- Bezz. L. F. 27.
Jušk. L. d. 230. Bar. 53.
1. Šýrau žirgėlį į strajėlį,
Auginau mergėl' per metėl',
O aš jauns ipólau į vargėl'.
2. Sųsčau tarnėl' pas tėtūžę,
Rási manę jaună išvadótui.
3. Tėtūžis máno áteidamas,
Šimtą jūngu jauču átvězda-
mas,
Tik jis manę jaună neišva-
dáva.
4. Sųsčau tarnėlę pas mamūžę,
Rási manę jaună išvadótui.

- Bezz. L. F. 27, примѣчаніе 3.
R. kr. V, 1155.
1. Zvidz, zvidz sirmáis zirdziņš
Īkš staļa,
Ráud, ráud miláis bráliņš
Īkš kara.
2. Pasakáit tam manam tėvam
Nā manīm.
Vái tas zirgu (al. zemi) ne-
pārdeva,
Nā nelaimes nevadūja?
3. Nepārdeva sava zirgu,
Neispirka man nū kara.
4. Zvidz, zvidz etc.

5. Mamūze māno āteidama,
Šimta kāpu drūbu ātneš-
dama,
Tik ji manē jaunā neišva-
dāva.
6. Sūšcau tarnēlē pas broļyti,
Rāsi manē jaunā išvadōtui.
7. Broļytis māna āteidamas,
Šimta bērū žirgu ātvezdams,
Tik jis manē jaunā neišva-
dāva.
8. Sūšcau tarnēli pas sesyťe,
Rāsi manē jaunā išvadōtui.
9. Sesužyťe āteidama,
Aūksa žēdēli ātnešdama,
Tik ji manē jaunā neišva-
dāva.
10. Sūšcau tarnēlē pas mergyťe,
Rāsi manē jaunā išvadōtui.
11. Mergyťe māna āteidama,
Mirtu vainikēli ātnešdama,
Ir ji manē jaunā išvadāva.
5. Pasakāit tāi manāi mātēi
Nū manīm.
Vāi tā gūvis nepārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
6. Nepārdeva sava gūvi,
Neispirka man nū kara.
7. Zvidz, zvidz etc.
8. Pasakāit tāi manāi māsāi
Nū manīm.
Vāi tā āites (al. pūru) neiz-
deve,
Nū nelaimes nevadūja?
9. Māsa pūru gan izdeve,
Man nū kara neispirka.
10. Zvidz, zvidz etc.
11. Pasakāit tāi manāi brūtēi
Nū manīm.
Vāi tā mantas (al. krōni)
nepārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
12. Tā pārdeva sava mantas,
Nū nelaimes izvadūja
(al. Tā izpirka man nū kara).

Var. Ness. 119.

Devynes metus,
Ne vēnā dēnā,
Tralala lala,
Ne vēnā dēnā
Studentijoj' vaikščojau,
Turmužije sēdējau.
Kad ben ateitu
Mano mamuže,
Kad atsineštu
Du trys šimteliūs,
Kad manē išvadotu,
Kojas, rankas liosotu.
O ir atējo
Mano mamuže,
Ir atsineše
Porā šimтелиū,

Var. L — —.

1. Zviedz, zviedz, sirmais zird-
ziņ,
Zviedz, zviedz, zviedz iekš
kara,
Eh, eh, zviedz iekš kar'! } Dz.
2. Raud, raud, jaunais puisit,
Raud, raud, raud iekš kara,
Eh, eh, raud iekš kar'! } Dz.
3. Pasakāiti manam tēvam,
Eh, eh, pasakāit,
Eh, eh, pasakāit!
4. Lai isdeva savu zemi,
Lai ispirka man' no kara.
5. Tēvs isdeva savu zemi,
Neispirka man' no kara.
6. Zviedz, zviedz etc.

Bet manę n'išvadavo,
Ney rankas n'išliosavo.

Kad ben ateitu

Mano sesele,

Ir atsineštu

Du trys šimtelius,

Kad manę išvadotu,

Kojas, rankas liosotu.

O ir atėjo

Mano sesyte,

Ir atsineše

Porą šimtelį,

Bet manę n'išvadavo,

Ney rankas n'išliosavo.

O ir atėjo

Mano mergele

Ir atsineše

Aukso žedelį,

Tai manę išvadavo,

Kojas, rankas liosavo.

7. Raud, raud etc.

8. Pasakáiti manai mâtai etc.

9. Lai isdeva savas goves etc.

10. Mâte goves gan isdeva,
Neispirka man' no kara.

11. Zviedz, zviedz etc.

12. Raud, raud etc.

13. Pasakáiti manam brâlim etc.

14. Lai isdeva savu zirgu etc.

15. Brâlis zirgu gan isdeva etc.

16. Zviedz, zviedz etc.

17. Raud, raud etc.

18. Pasakáiti manai māsai etc.

19. Lai isdeva savu pûru etc.

20. Māsa pûru gan isdeva etc.

21. Zviedz, zviedz etc.

22. Raud, raud etc.

23. Pasakáiti manai brūtei etc.

24. Lai isdeva savu krōni,

Lai ispirka man' no kara.

25. Brūte krōni isdevuse,

Man no kara ispinkuse.

IV. ПѢСНИ О ПОХИЩЕНІИ НЕВѢСТЫ.

Похищенная сестра.

Ness. 206; 204; 205. Dowk. 5.
Rh. 42 (152). Kol. 72. Bezz.
L. F. 41.

Dar gaidelai ne gēdojo,

Kad motuše kēlēs,

A a a a a a a

Kad motuše kēlēs.

Kelkit, kelkit, sunuželei,

Nebēr' seserelēs,

A a a a a a a

Nebēr seserelēs.

Reiks jums joti, reiks vāžiūti,

Seselēs veizdēti,

L. — — (Liga. Rīgā un Tē-
patā. 1880) стр. 137.

Viena pate mūs' māsiņa,

Mēs deviņi bāleliņi;

Viena pate mūs' māsiņa, } Dz.

Mēs deviņi bāleliņ' 1).

Ko liksimi mēs darīti

Tai vienai māsiņai? —

Ik ritipus pa pārami

Tirus rudzus maldināt.

1) См. Jušk. L. d. 146, строфы 1
и Arch. 13, строфы 4.

A a a a a a a
 Seseļs veizdēti¹⁾.
 Eikit, eikit ī staldelī,
 Balnokit žirgelius.
 Motušele, balandele,
 Kuriu keliu josma?
 Kur antjosit vēškelelī,
 Ruteleis barstyta.
 Kur atrasit žales lankas,
 Žaliases lēpeles,
 Tū lēpeliū galunelej'
 Margajē gegeļē.
 Ir antjojem vēškelelī,
 Ruteleis barstyta,
 Ir atradom žales lankas,
 Žaliases lēpeles,
 Tū lēpeliū galunelej'
 Margajē gegeļē.
 Pasakyki, gegužeļē,
 Kur musū sesele?
 Jokit, jokit, bernužeļei,
 Ē nēr' sesereļs.
 Kur antjosit aukštus kalnus,
 Margajī dvareļī,
 Ten atrasit sesereļē
 Užstalij' sēdinčē.
 Ir antjojem aukštus kalnus,
 Margajī dvareļī.
 Ir atradom sesereļē
 Graudžey beverkiančē.
 Ne verk, ne verk, seserele,
 Mes tavē vadosma.
 Nors zirgelius mes padūsma²⁾,
 Tavēs ne padūsma.
 Išvadosma, ne padūsma
 Savo sesereļē.

Eļ, māmiņa, paskatiesi,
 Ko dar' mūsu malejiņa. —
 Ienāk māte raudādama:
 Nav malejas kambarī.
 Ko gaidati, jūs, brālīši,
 Dzenatiesi pēc māsiņas!
 Bēržat piešus, aupat kājas,
 Seglojati kumeliņus!
 Seglojati kumeliņus,
 Velkat lūšu kažociņus!
 Velkat lūšu kažociņus,
 Liekat caunu cepurites!
 Liekat caunu cepurites,
 Dzenatiesi pēc māsiņas!
 Dzenatiesi pēc māsiņas
 Simtu jūdžu naksniņā!
 Simtu jūdžu naksniņā,
 Divi simti dienīņā. —
 Jau simtiņa galiņāi.
 Stāv deviņi spēlmaniši.
 Vai, deviņi spēlmaniši,
 Kam tik daļi spēlejat?
 Tai māsaī spēlejami,
 Ko vakari garam veda;
 Ko vakari garam veda,
 Kam deviņi bāleliņi.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Voi varesim mēs panākt?
 Dzenatiesi otru simtu,
 Tad jūs viņu panāksat. —
 Ūtra simta galiņāi
 Stāv deviņi spēlmaniši.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Kam tik daļi spēlejat?
 Tai māsaī spēlejami,
 Ko vakari garam veda;
 Ko vakari garam veda,
 Kam deviņi bāleliņi.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Voi varesim mēs panākt?
 Dzenatiesi trešo simtu,

1) Такие стихи повторяются во всех строфах.

2) Dowk.adūsma (= atdūsma).

Ui brolelei, kame buyot
 Vakar vakareļi?
 Kad aš buvau mergužele
 Po rutū vainiko?
 Jau šē dēnā, šē dēneļē
 Vyro gulovele.

1. Var. Jušk. L. sv. d. 212; 23;
 88; 151; 180; 209, 210 u 211.

1. Trejļi gajdzēj ne gūddōju, } ds.
 Kajp močūtē kēlē;
2. Atsikēlus, ulavōju,
 Sunēlius kilnōju: —
3. Kēlkiť, kēlkiť, sunytēlej,
 Balnōkiť žirgēlius;
4. Svīrnu dūrys atdarýtos, —
 Jau sesēlēš nēra.
5. Pabalnōkiť šeštūs žirgus,
 Visūs šeštūs širmus,
6. O jus, jōkiť, jus keliāukiť
 Sesēlēš jēškōti.
7. Jōkiť, jōkiť, sunytēlej,
 Ant šešiū kelēliu;
8. Výkiť, výkiť seserēle
 Viēšūju kelēliu.
9. Kur sesēlēš nuvažtūta, —
 Rutēlēš barstýta,
10. Diēverēliu šalē jōta,
 Rasūžē braukýta,
11. Šalē kēliu-viēškelēliu
 Ugnēlē kūrinta,
12. Aplūķ tājņē ugnužēlē
 Jaunimēliu šōkta.
13. Ir prijojūm žaliā lānkā, —
 Žirgēlej ganýti,
14. Ir prijojūm srōvēs ūpi, —
 Žirgēlej gýrdyti,
15. Ir prijojūm žaliā lēpa, —
 Ugnēlē kurinta,
16. Aptē lēpos lēmenēli, —
 Sesēlē šōkdīnta,

Tad jus viņu panāksat. —
 Trešā simta galipāi
 Stāv vartiņi paviruši.
 Isnāk veca māmuliņa
 Sīvus supus sārgādama.
 Sīvus supus sārgādama,
 Ielaiž mani sētiņā.
 Ielaiž mani sētiņai,
 Ieved mani istabā.
 Ieved mani istabai,
 Paceļ mani niedru krēslu.
 Paceļ mani niedru krēslu
 Pie tā balta liepu galda.
 Usliek mani koka sviestu,
 Stērķelētu baltu maizi.
 Ne mēs ēdam, ne mēs dzēram
 Pēc māsīņas dzidamies.
 Es ierāugu sav' māsīņu
 Sēžam galda galipā;
 Sēžam galda galipai,
 Birst man sēras asariņas.
 Māsīņ', zelta drōstaliņa,
 Nāc man līdz us mājīnām.
 Brālīt, vasku ritulīti,
 Es ne-iešu tev vairs līdz.
 Es usgāju labu zemi,
 Labas zemes arajiņu.
 Pārnes manai māmukītei
 Dižus labus vakariņus!
 Kam māmīņa mani lika
 Tanī tumšā kambārī.
 Tanī tumšā kambarejī
 Tirus rudzus maldināt.

1. Var. Cnp. ctp. 261.

Ej, māmip, maltuvē,
 Apraug savas malejiņas.
 — Durvis, logi vaļā stāv,
 Nau ne vienas malejiņas...
 Sukajiet, seglojiet,

17. Ļ lapēlius, Ļ žaliūstus,
Spilgēlēs smajgstýtos,
18. Ļ liēpēlēs viršunēlē
Vajņikas kabīntas,
19. Ļ liēpēlēs šakužēles
Kasnīnkaj vėdinti.
20. Kāj prijójum ūšvės dvārā,
Štaj mūsu sesēlē:
21. Už stalēliu be-sėdinti,
Graūdžej be-vėrkianti.
22. Cit, ne verk, seserēlē,
Mes tāvę vadūsīm:
23. Šešuš žirgus atidūsīm,
Tāvę išvadūsīm.
24. Jau ne čėsas, brolužēlej,
Māņę atvadūti.
25. Būvu atjof, brolužēlej,
Vākar vakarēly,
26. Kāj aš buvaū po vajņiku,
Po šilkū kasnīnku,
27. O jau dabār, brolužēlej, —
Po jūdu gobtūru,
28. Po jūdāju gobturēliu,
Po dýmos rišēliu.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 674;
672; 673. Mitt. I, ctp. 206.

1. Kadā būvu gerī mėtaj,
Gērē bernēlej arelkēlē.
2. Kāj bernēlej pasigērē,
Sau mergēlē parkalbēju,
3. Sau mergēlē parkalbēju,
Ni močiūtē ne žinóju.
4. Vājščio móčia po dvarēli,
Sunytēlius kilūdama: —
5. Kėlkiť, kėlkiť, sunytēlej,
Balnókite žirgužēlius.
6. Pabalnóju ir išjóju
Seserēlēs pajūšškóti.
7. Mes pavýjjām seserēlē
Ānt jurēliu, ānt marēliu, —

Bāleliņi, kumeliņus!
Dzenaties pēc māsīņas! . .
— Jāju, jáju visu dienu,
Uzjāj vienu augstu kalnu;
Augsta kalna galiņā
Ieraudziju lielu ciemu.
Piesalaužu šautru klēpi,
Laižu ciema sėtmalē.
Sasatrūka ciema suņi;
Iztek ciema dzeltanites.
Divas mani pašu veda,
Treša — manu kumeliņ'.
Ieved manu kumeliņu
Zaļu piedru stalitē.
Ieved pašu istabā,
Paceļ man liepas krėslu,
Pavelk man meln' galdiņu,
Uzliek Dieva mielastiņu,
Pasniedz baltas biķerites.
Liek man ēst, liek man dzert,
Liek diendusi padusēt.
Ni es ēdu, ni es dzėru,
Pēc māsīņas dzidamies.
— Ēd un dzer, ne bėda!
Šepat būs jūs' māsīņa . . .
Šai-viņā kambarē
Sėd pie galda rakstidama, —
Sėd pie galda rakstidama,
Balts autiņš galviņā! . .

2. Var. Zim. IV, 20.

1. Ej, bālini, lūkotiesi,
Ko dar' tava malejiņ' ? —
Logi valā, duris valā,
Nedzird rúcot dzirnaviņ'.
2. Iet bālinis lūkotiesi,
Atnāk as'ras slaucidams.
Vēlc, bālini, melnus svarkus,
Seglo savu kumeliņ'!
3. Jāju, jáju vienu simtu,
Usjāj' vienu augstu kaln'.

8. Su lajvūnu be-kālbanti,
Ī lajvēlī be-sēdanti,
9. Ī lajvēlī be-sēdanti,
Labāj graūdžej be-vérkianti.
10. Cit, ne vérki, seserēlē,
Išvadūsim mes brolēlej:
11. Šešūš žirgus atidūsim,
Seserēlē išvadūsim.
12. Jau ne čēsas, brolužēlej,
Jau sudētos bāltos rānkos,
13. Jau sudētos bāltos rānkos
Sumajnyti žvēdužēlej.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 682;
853; 854. Bezz. L. F. 17. Э. В.
стр. 162.

1. Šén naktēlē }
Par naktēlē } ds.
Dvarēlis dūnzgēju }
2. O če būta
Didžu pōnu,
Išvēžta dukrēlē.
3. Ir išēja
Motynēlē
Iš āukštu svirnēliu.
4. Išēju iš
Svirnužēliu
Ne rānda dukrēlēs,
5. Ir ne rānda
Dukružēlēs,
Sāvu lelijēlēs: —
6. Kēlkiť, kēlkiť,
Sunužēlej,
Balnókiť žirgēlius,
7. Pabalnóje
Žirguzēlius,
Výkite sesēlē.
8. Kur sesēlēs
Nuvažiūta, —
Rutēlēs barstýtos;

- Us ta viena augsta kalna
Tris devīpi spēlmaniš'.
4. Labdien, labdien, spēlma-
niši,
Kam jūs šodien spēlejiet?
Tai meitipai spēlejami,
Ko šo dienu garam ved'.
5. Jāju, jāju otru simtu,
Usjāj' otru augstu kaln'.
Us ta otra augsta kalna
Tris devīpi kokletaj'.
6. Labdien, labdien, kokle-
taji,
Kam jūs šodien koklejiet?
Tai meitipai koklejami,
Ko šo dienu garam ved'.
7. Jāju, jāju trešu simtu,
Usjaj' vienu osolmuiž'.
Visapkart ir liepas sēta,
Vārtu priekšā atslēdziņ'.
8. Isnāk trīsi tēva dēli
Dzeltaniemi matiņiem.
Divi mani pašu veda,
Trešais veda kumeliņ'.
9. Liek man ēsti, liek man
dzerti,
Liek apkārti skatities.
Ne es ēdu, ne es dzēru,
Apkārti vien skatijos.
10. Es redzeju sav' māsīņu
Viņā galda galiņā;
Balta mice galviņai,
Alus kannā rocipā.
11. Ed, bālini, dzer, bālini,
Es vairs tava nebūšu:
Patikama šī zemite,
Pa prātam ir arajiņš¹⁾.

---

1) Правильно: Па прātami ara-
jiņ's.

9. Šalē kēliu,
Vieškelēliu,
Ugnēlē kūrīnta;
10. Pas tāt ūgni,
Ugnužēlē,
Jaunimēliu šokta.
11. Jōkim, jōkim,
Brolužēlēj,
Ik žāliaj girēlēj.
12. Kāj prijōjum
Žāliā gīrē, —
Žirgēlēj ganītī.
13. Jōkim, jōkim,
Brolužēlēj,
Ik srōvej upēliu.
14. Kāj prijōjum
Srōvēs ūpī, —
Žirgēlēj gīrdyti.
15. Jōkim, jōkim,
Brolužēlēj,
Ik mārgam dvarēliuj.
16. Kāj prijōjum
Mārgā dvārā, —
Če rādum sesēlē:
17. Tajp jī gražēj
Parēdyta,
Už stālu sodīnta.
18. Grīnžki, grīnžki,
Sesuzēlē,
Grānžina močūtē.
19. Jau ne-tiēsa,
Brolužēlēj,
Ne-viētni žodēlēj;
20. Vākar buvaū
Su vajņīku
Ir su kaspinėlejs,
21. O jau šēndiēn,
Brolužēlēj,
Su šilkū gobtūru.
22. Sudtēv, sudtēv,
Sesuzēlē,

3. Var. Taut. d. 37.

Mēs devīpi bālelīpi,
Viena pate mūs māsīpa,
Viena pate mūs māsīpa
Ira liela malejīpa.
Ta ikrīta pa pūram
Tīrus rudzus maldināja. —
Neŗuc zelta dzirnavīpas,
Nedzird mūsu malejīpas.
Eit, dēlīpi, apraugāt,
Ko dar' mūsu malejīpa!
Neŗuc dzelta dzirnavīpas,
Nav vairs mūsu malejīpas.
Še, dēlīpi, raibi zimdi,
Dzenatiesi sav' māsīpu!
Dzenatiesi sav' māsīpu,
Līdz jūs vīpu panāksit.
Simtu jūdžu galiņā
Spēlē koši spēlmaniši.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Priekš ka koši spēlejat?
Spēlejam tai māsai,
Ko vakari garām veda.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Kur mēs vīpu panāksim?
Dzenatiesi otrū simtu,
Tad jus vīpu panāksit.
Otra simta galiņā
Spēlē koši spēlmaniši.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Priekš ka koši spēlejat?
Spēlejami tai māsai
Ko vakari pārvedām.
Ai, brālīši, mīli, baltī,
Pēc ka jūsi dzenaties?
Ai, māsīpa, mīla, balta,
Mēs pēc tevis dzenamies.

4. Var. 3. B. ctp. 158.

1. Vaļā duris, vaļā lūgi
Nādzērd mōses moltivē.

Baltā lelijēle;
 23. Mes parnēšim
 Motynēlej
 Dīdžē naujnellē.

2. Eij, mamiņ, pasaver¹⁾,
 Ku dor meusu maļejeņa.
3. Atīt mōte raudōdama,
 Asareņas slaucēdama.
4. Celītēs, brōleliņi,
 Aunīti zōbokus,
5. Aunītet zōbokus,
 Sādalojet kumelenš.
6. Sādlojet kumelenš
 Dzenites simt jeudz.
7. Dzenites simt jeudz.
 Muš mōseņ danōcēf.
8. Simta jeudzu galeņa
 Dūdoj pīce dūdmaņīše.
9. Jeus mīfi dūdmaņēsi,
 Kōpec jeus dūdōjet?
10. Tai mōsai dūdōjami,
 Kur šū (šo) nakt cauri veda;
11. Bolta mēla vilnōheite,
 Syrkan rožu vainuciņš.
12. Jōjam, brōli, ūtru simtu,
 Mož mōsiņ(u) danōcēm.
13. Ūtra simta galeņa
 Spelej pīce spālmaņi(ša).
14. Jeus, mīleji spālmaņīši,
 Pēc ko jūs spēlejēt?
15. Tai masai spēlōjam,
 Kur šo nakt cauri veda.
16. = 11.
17. Jōjam brōli trešu simtu,
 Moš(ž) mōseņu danōcēm.
18. Treša simta galeņai
 Doncoj simta dzaltaņīš(u).
19. Jeus, mīlōjes dzaltaņīšes,
 Kōpēc jeus doncōjīt?
20. Tai (toi) mōsai doncōjam
 и т. д. = 15 = 10.
21. = 16 = 11.

1) Вм. нūsaskrej (Зам. Э. В.).

22. Līnam, brōli, ustobā,
Mož mōseņu pazinam.
23. Sād mōseņa aiz galdiņa,
Ols kaniņa rūceņā.
24. Lob reiteņ, meus mōseņa,
Is ar mums apakaļ?
25. Eit ar Dīvu, brōleleņ,
Ās nāgōju apakoļ,
26. Man patyka šei zemeite
Šos zemeites orōjeņ.
27. Eit ar Dīvu, brōleleņ,
Posokōt mōmeņai,
28. Posokīt mōmeņai,
Lai jei mani naraudov.
29. Es nūgōju pavaser,
Kot jeudeņs nūsoskrēj,
30. Kot jeudeņs nūsoskrēj,
Kai kūceņes salopov ¹⁾).

V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.

Дѣвица теряетъ вѣнокъ.

Schl. crp. 33. Rh. 61 (216).

Taut. d. 4.

Stan. 7. Dowk. 40. Ness.

83—91. Arch. 27.

Nusipýniau vainikēli
Vēnū nēgelkācu;
Užsidējau ānt galvélēs,
Ējau vandenāčo.

Ir užkilo vējužēlis ¹⁾),
Šiaurinis vējātis,
Ir nupūtē vainikēli
I srovēs upēlē.

Ir atjōjo trīs bernýčei,
Visi trīs nevēdē;

Smuka meitiņ agri cēlās,
Gāja dārziņā.
Gāja, gāja dārziņā
Ravēt baltas rozēs.

Ravē, ravē baltas rozēs,
Pina vaiņadziņu.
Pina, pina vaiņadziņu,
Lika galviņā.

Lika, lika galviņā,
Gāja gar jūrīņu.

1) Вариантъ: Ir pakīlo šiau-
rēs vējes. (Срав. и III.)

1) Какъ видно, эта пѣсня
плохо записана: въ ней встрѣ-
чаются неправильности въ отно-
шеніи верхнелатышскаго говора.

Kursai būsīt māno mēlas,
Plaūksit vainikēlio?

Iš tū trijū atsirādo
Šis vēns, tās jaunās¹⁾;
Kai jis plaūkdams nepriplaūkē,
Tai jis ir nuskēndo.

Nesakýkit mēlām tēvui,
Kād bernýtis skēndo,
Bēnt sakýkit mēlām tēvui,
Kād zirgýčus girdant.

1. Var. Rh. 6 (20). Ness. 85;
87. Bar. 309.

Kas tai dyvai, didi dyvai!
Rutū sējau, rožes dygo
Pyk, mergyte, vainikēli,
Žalū rutū vainikēli!
Eik, mergyte, vandenēlio!
Aš ir ējau vandinēlio,
Ir užtiko šauras vējas
Ir ipute vainikēli
Ī jurū gilumēli.
Trys bernýčei žaloj' lankoj',
Šēnā pjove žaloj' lankoj'.
Katrās busit' mano mielas?
Katrās plauksit' vainikēlio?
„Ir aš busu tavo mielas,
„Ir aš plauksu vainikēlio
„Ī jurū gilumēli.“ —
Vainikēlis prie krantēlio,
Bernužēlis prie dūgnēlio.
Vainikēlis ant rankēles,
Bernužēlis ant lentēles.

2. Var. Rh. 31 (106). Ness. 144.
Bar. 112.

— — — — —
Pirkit', brolēlei,

1) Вариант: Vēnas tās maži-
āusies. (Зам. III.)

Gāja, gāja gar jūrīņu,
Uspūš rīta vējš.

Uspūš, uspūš rīta vējš,
Nopūš vainadziņu.
Nopūš, nopūš vainadziņu,
Iedzen jūrīnā.

Vīppus jūras es redzeju,
Divus bāleliņus;
Viens brālītis isrunāja
Gudru valodiņu;

Otris saka: Nāc maitiņa,
Patur' kumeliņu!
Patur', patur' kumeliņu,
Peldēs¹⁾ jūrīnā;

Peldēs¹⁾, peldēs¹⁾ jūrīnā
Pēc vainadziņa;
Bet nesaki māmiņai
No vainadziņa,
Sak' no bēra kumeliņa
Ar zelta sedliņiem.

Var. Брив. 414. Спр. стр. 5.
Pl.-M. 18; 19. Зим. II, 38;
III, 3. R. B. 8; 16.

Jūrā gulu lāunadziņu,
Nīadrē kārū vainadziņu;
Atskriān zaļa līdecīņa,
Parāu manu vainadziņu,
Nēm, bāliņi, ūāšu lāivu,
Dzenīas manu vainadziņu!
— Smaga lāiva tā, māsiņa,
Nesadzinu vainadziņu.
Nēm, bāliņi, liāpu lāivu,
Dzenīas manu vainadziņu!
— Vīagla lāiva tā, māsiņa,
Nu sadzinu vainadziņu, —
Nu sadzinu vainadziņu

1) Sic! Хотя ожидается pel-
dēs'.

Man vainikēlī
 Ant gelsvū kaselū!
 Vainikužī devēsu,
 Lankoj' sēnužē grēbsu.
 O ir nupūle
 Mano vainikēlis
 Ī čystā vandenēlī.
 Dabar nuplauksi
 Žaloms lankēlēms,
 Ī jures, Ī marēles.
 Juružems plauksi,
 Mergužē bevirkdīsi.
 Ay tič, ne verkis,
 Mano mergyte!
 Gausi svečią bernytī
 Su žaliaiseis tinklēleis.
 O tu sužvejosi
 Mano vainikēlī
 Iš jurū, iš marēlū.

Simtu jūdžu galiņā . . .
 Es sūaliju simtu mārku,
 Ne galviņas nepacēla;
 Vēl sūaliju ūatru simtu,
 Tad vārdiņu vian attēica, —
 Tad vārdiņu vian attēica:
 Lai nāk pate valkātāja, —
 Lai nāk pate valkātāja,
 Man gultiņas tāisītāja.

VI. Объ упавшемъ кольцѣ.

(Объ утонувшей дѣвицѣ.)

Ness. 378; 93; 94 и 95.
 Rh. 65 (232). Kol. 21.

Trys lēpates paupelij',
 Visos vėnam' keltuželij'.
 Ir atėjo trys mergates
 Pas tōs upužės lēpates.
 Dvi sesyti prė šakeliū
 Pasilaikusios perženge.
 O paskiausia ne galėjo,
 Ta ipūle ĩ upele.
 Upe jeję ne palaike,
 Ir nuneše ĩ Nemoną.
 Nemonas ję ne palaike,
 Ir nuneše ĩ Rusnelę.
 Rusne jeję ne palaike,
 Ir nuneše ĩ mareles.

L. — —. Bergm.¹⁾. Pl.-M 4.
 Taut. d. 56. Zim. II, 53.

Skāit' māmīņa, savas mēitas!
 Ar ir visas vakarā²⁾?
 Ira lielas, ira mazas,
 Pastarites vien navāid.
 Pastarīte āistecēja
 Gar upīti rūdādama,
 Gar upīti rūdādama,
 Ievas ziedus brāucīdama,
 Ievas ziedus brāucīdama —
 Nokrīt zelta gredzentīņš,

1) Livona. 1812. Стр. 187.

2) Bergm. kambarē.

Mares jeję ne palaike,
Ir nuneše į jurates.

Jures jeję ne palaike,
Ir nuplauke pas krantelį.

Če užaugo žalia lėpa
Su devynom's šakuželem's.

Eit brolytis duda pjauti
Iš lėpatės šakuželės.

Gražey skamba mano duda,
Balsas graudžey atsilėpja.

Močute atsake verkiant:
Tai ne balsas iš lėpatės.

Tai sesytės dvaselate
Ant vandenačo plaukianti.

Var. Ness. 92.

Ašėjau į daržą,
Aš pransiau veidelį

Su rutū rasele.

Šlostijau veidelį

Lėlijōs lapeliu,

Lėlijōs baltosės.

Man lenkant lėlija,

Nupūle žėdelis

Nū baltōs rankelės.

Pamečau žėdelį!

Kas matėt, sakykit!

Kas radot, atdūkit!

Ne mano žėdelis!

Bernyčo pirktašis,

Iš meilės dūtašis.

Pēc gredzena sniegdamási,
Iekrīt pate upītē.

Upīt' viņu nepanēsa,
Tā ienēsa Dāugavā¹⁾.

Dāugav' viņu nepanēsa,
Tā ienēsa jūrīnā.

Jūrīn' viņu nepanēsa,
Tā ismeta maliņā.

Tur isāuga kupla liepa
Deviņiemī žuburiem.

Iet brālītis kōkles cirst
Devitāi žuburā.

Sāk brālītis kōkles sist —
Tās kōklites glīti skan.

Sak' māmīņa rūdādama:
Tā dzied mana pastarīte,

Kas iekrita upītē.

1. Var. R. nod. I, 100.

Māte savas meitas sauca,
Vaj ir visas vakarāi.

Iraid visas, iraid visas,

Pastarītes vien nevaid.

Pastarīte aizteceja

Upes malu raudādama,

Upes malu raudādama,

Baltas rokas mazgadama.

Baltas rokas mazgadama,

Udens zīles lasīdama,

Udens ziļu sniedzotiesi,

Iekrīt balta villainīte.

Villainītes sniedzotiesi,

Iekrīt zelta gredzentiņš;

Gredzentiņu sniedzotiesi,

Iekrīt pati upītēi.

Upīt' viņu neuzņēma,

Nesa vilņi jūrīnāi.

1) Bergm. и Брив. Gāujinā.

Jura viņu neuzņēma,
Nesa viņu malīņai.

Tur uzauga kupla lēpa
Deviņiem žuburiem;
Devitajā gadiņai
Tur gāj' brāļi kokļu šķelt.

Tās koklites glīti skanē,
Māmuliņa gauži raud:
Tā dzied mana pastarite,
Kur' iekrita upītē.

2. Var. Спр. стр. 27 и 28.
K. Ulm. стр. 199, № 18.

— — — — —
— Še ir man visi bērni,
Pasterites vien nevaid! . .
— Pasterite aisteceja
Upes malu cierendama,
Upes malu cierendama,
Ievas ziedus braucidama.
Ievas ziediņ i braukot,
Nokrit zelta gredzeniņš;
Gredzeniņu meklējot,
Nokrit mēlu vilnanite;
Vilnanites mekledama,
Iekrit pate upītē.
Ta upite ne panese,
Ta ienese jūriņā;
Ta jūriņa ne panese,
Ta issite malīņā.
Tur izauga kupla lēpa
Deviņiem žuburiem.
Devitā žuburā
Savi brāļi kōkles šķēle.
Saka brāļi kōkledami:
Gauži skan tās kōklites . . .
Tā raud mūsu pasterite,
Svešu zemi staigadama! . .

3. Var. Pl.-M. 5.

Meš biejom trejš mosienias,
 Koladu, koladu! ¹⁾
 Mani trešys nairedzieja,
 Išviž mani upiejtā,
 Tiej upiejta nanasdama,
 Išviž mani azarā;
 Tys azars nanasdams,
 Išviž mani Daugavā;
 Tiej Daugava nanasdama,
 Išviž mani jyureniōs;
 Tos jyurenis nanasdamys,
 Izsyť putu gobolā;
 Ti isauga kupla lipa.
 Na ti bieja kupla lipa,
 Ti bie dorga dviesielejta.

4. Var. Брив. 938.

Kúa tia tēva suņi rej
 Aiz tūa manu rūažu dārz'?
 Tautiats stāv lejipā,
 Gāida rūažu ravētāju.
 Nāca līalas, nāca mazas,
 Nenāk mana ļaudaviņa.
 Aiziat mana ļaudaviņa
 Gar upīti dziadādama, —
 Gar upīti dziadādama,
 Iavas zīadus lasīdama, —
 Iavas zīadus lasīdama —
 Nūakrīt zelta gredzēnīts;
 Pēc gredzena sniagdamās,
 Jakrīt pati upītē.
 Upīt' nesa, nepanesa,
 Tā ianese Gāujiņā;
 Gāujiņ' nesa, nepanesa,
 Tā ianese jūriņā.

---

1) Этот стихъ повторяется во всѣхъ строфахъ.

Jūriņ' nesa, nepanesa,
 Tā izmeta maliņā.
 Tur ūzáuga kupla liapa
 Deviņām žuburiām;
 Devītā žuburā
 Rigas puiši kūakles tāisa.
 Saka paši kūaklétāji:
 Tās kūaklītes gáuži skan, —
 Tās kūaklītes gáuži skan,
 Kā viantule ligaviņa.

5. Var. Zim. IV, 75; III, 52.
 Bezz. L. D. стр. 26, № 3.

Trīs meitiņas lieljāsi
 Par Daugavu pārpeldēt;
 Divas vien pārpeldeja,
 Treša grima dibinā.

Kur ta meita nogrimusi,
 Tur usauga balta liep';
 Tur usauga balta liepa
 Apzeltītām lapiņām.

Jauni puiši garām gāja,
 Nedriksteja zaru laust.
 Vienu zaru nolauzuši,
 Ietin zižu lakatā.

Ietin zižu lakatiņā,
 Ieliek pūra dibinā.
 Cik reiz vāku pacilāja,
 Tik asaras noslaucīj'.

VII. Обѣ упавшемъ съ лошади юношѣ.

(Три кукушки.)

Rh. 29 (98). Ness. 359.
 Jušk. L. d. 1243.

Брив. 458.

Per tiltā jojau,
 Žirg's issibaido,
 Nu žirgužio nupūlau.
 Ay, tai man minkštas,
 Mans patalélis,
 Čystasis vandenélis!

Por tiltu joju,
 Nū zēirga kritu,
 Dublūs tí es voļfjūs.
 Es tí gulēju
 Divi nedēļos,
 Nikos mani navāicāja.

Aš atsikėlęs,
Apsižūrėjęs:
Jau nier' mano draugėlio.

Aš patsai ludnas,
Žirgytis smutnas.
Uj, ką dabar darysu?

O ir atleke
Trys gulbuželes
Iš karalaus darželio.

O ir nutupe
Tos gulbuželes
Ant brolyčio kapėlio.

Gulbe pri kojū,
Gulbe pri galvės,
Gulbe pri šalatiės.

Marti pri kojū,
Sesū pri galvės,
Mamužė pri šalatiės.

Marti gedėjo
Tris nedelates,
Sesū trejus metelus.

O ši mamužė,
Mano garbužele,
Kol jos gyva galvéle.

A trešąja pi man
Nāk trėis dzaguzas,
Vidā tumsos naksnėiņos.

Kūkoja vīna
Pi koju goliņa,
Utra pi golviņas, —
A treša, (rōiba)¹⁾

Rōiba dzaguza,
Kukoj pi sirsnėiņos.
Pi kojam mōrša,
Pi golvas mōsa,
Pi sirsnėiņos mōmulėina.

Žālūja mōrša
Pus mēneša,
Mōsa goda pustreša;

A mōmulėina,
Monis ouklejėina,
Cikom dzėiva, žālūja.

Mōrša polāida
Nū tōs vītas,
Mōsa da baznėicoi;
A mōmulėina,
Monis ouklejėina,
Tei da pošas dzimteines.

Var. Ness. 360. Stan. 28.
Dowk. 20. Kol. 4. Jušk. L. d.
1246. Bar. 116; 313¹⁾; 382.

Per tiltą jojau,
Nū žirgo pūliau,
Purvynelij' gulėjau.

Žirgelis mano,
Bėrasis mano,
Pri šalelės stovėjo.

Minojo mano
Kojas, rankeles,
Ir skaitijį veidelį.

1) Справ. Куршатъ: „Gramma-
tik der Lit. Spr.“ стр. 454.

1) Этого слова нѣтъ у Брив.

Tekėjo mano
Jūdi kraujelei
Kaip bijunū lapelei.
Aš ten gulėjau
Trys nedėleles,
Nėk's manės ne gedavo.
O ir atlėke
Trys gegužėles
Vidur tamsiós naktelės.
Ui kukoj', kukoj'
Trys gegužėles
Pri mano patalėlio.
Vėna kukavo
Kojū galėlij',
Antroji pri galvelės.
O ši trečioji,
Raiba gegele
Pri pat mano širdelės.
Marti pri kojū,
Sesū pri galvós,
Motušė pri širdelės,
Ui sergu, sergu,
Sergu, negaliu,
Ant rankeliū nešamas.
Ui sese, sese,
Sesele mano,
Taisyk man patalėlį.
Šilkū paklotę,
Šilkū apklotę,
Lėlijės pagalvelę.
Gyte ne gysiu,
Jau regiu, mirsiu,
Tai gailesį darysiu.
Verks manės varpai,
Verks vargonelei,
Verks ir sena motušė.
Ne atverks varpai,
Ney vargonelei,
N' atverks sena motušė.
Tikt manę atverks

Jūda žemele,
 Balta grabo lentele.
 Ui eisiu, eisiu
 Į tą žemele,
 Kur busiu be vargelio.
 Toje žemelej'
 Baltos lenteles,
 Ten busiu be vargelio.
 Martei paliksiu
 Berą žirgelį,
 Sesei ¹⁾ branges sukneles.
 O motušelei,
 Augintojelei,
 Meilingūsius žodelius.
 Marti lydėjo
 Lygi varteliū,
 Sesū į puskelelį.
 O motušele,
 Augintojele,
 Į žaliūsius kapelius.
 Marti gailėjos ²⁾
 Trys nedėleles,
 Sesū trejus metelius.
 O motušele,
 Augintojele,
 Visą savo amželį.

VIII. О потерянномъ конѣ.

(Предложеніе къ вступленію въ бракъ.)

Ness. 181. Dowk. 19. Ф.-М. 46. Taut. d. 46; 45. Брив. 764.
 Brug. 49. Jušk. L. sv. d. 34; 115. Austr. 1894 г. стр. 95. R. nod.
 I, 102. R. B. 25.

Ko jėškai, bernuželi,
 Ši miglotą rytelį?

Man pazuda kumelinis
 Celtmotą lėdumą;
 Tris dieniņas, tris naksnįņas
 Meklė savu kumelinu.
 Ceturtą dieniņą
 Atrod savu kumelinu,
 Atrod savu kumelinu
 Tautu meitas laidarą.

1) Въ жамайтскомъ нарѣчій
 иногда склоняется: Sese, seses,
 sesei вмѣсто Sesū, seseres, sese-
 rei. (Зам. Несс.)

2) Варіантъ: raudojo. (Зам.
 Несс.)

Ješkau bēro žirgelio
Ir tymojo balnelio.

Sakyk tēšā, berneli,
Koksai buvo žirgelis?
Jūdbērelis žirgelis,
Sidabritas balnelis.

Ne jēškoki, berneli,
Savo bēro žirgelio!
Tavo yra žirgelis
Mano tėvo staldelij'.

Sakyk tēšā, mergele,
Kam padore iškadą?
Naują žogrį išlauže,
Žalius rutus pamyne.

Sakyk tēšā, mergele,
Sakyk tēša, jaunoji,
Ko tas vertas žogrelis?
Ko yr' verti rutelei?

Penkiū, šešū dorėlių,
Manės jaunės mergelės.
Daber penkis pridėsiu,
Tavę jauną parvesiu.

Lúgšus lúdzu, lai atdeva,
Solu naudū, to nejēma.
Ká lai varu tev atdot,
Liela skāde padarita!
Man ismina rožu dārzu,
Brālītimi rudzu lauku.
Brālis rudzus gan pieciestu,
Es rozites necietīšu;
Apsolies mani jemt,
Tad rozites piecietīšu.
Ká lai varu tevi jemt,
Kad prātami nepatīk;
Ta navaida viena diena,
Viss mūžiņis dzivojāmis;
Ta navaida villainite,
Ussedzama, nosedzama,
Ussedzama, nosedzama
Miglaiņā laiciņā¹⁾.

IX. О сватаніи — о ночевкѣ.

1. Преимущество дѣвицы передъ вдовою.

Ness. 169. Dowk. 14.
Jušk. L. sv. d. 242.

Taut. d. 19. Magazin стр. 22.

1. Kikili, kikili, laibakoji,
Šę tamšę naktelę kur naktvosi?
Žalioje girelej', pušynelij',
Tamkiame berželij' po lapeliū.

1. Kur iesi, puisiti,
Kur pargulesi?
Kur šādu naksniņū
Pavadisi?

2. Ar vesi našlelę, ar mylēsi?
Našlelės patale ar gulėsi?
Meilingus žodelius ar kalbėsi?
Našlelės vaikelius ar lingosi?

2. Vaj jemsi atraiti,
Vaj milesi?

3. Ne vesiu našlelės, ne my-
lēsiu,
Našlelės vaikeliu ne lingosiu;

1) По вариантамъ у Бривзем-
ніака и въ „Ауструмѣ“ соче-
тается такъ же бракомъ, какъ по
лит. дайнамъ. По варианту въ
„Ауструмѣ“ посредницею явля-
ется богиня „Dėkļu-māte“.

Našlētēš patalai išgulēti,
Meilingi žodelei iškalbēti.

* * *

4. Kikili, kikili, laibakoji,
и т. д. = 1.

5. Ar vesi mergele, ar mylēsi?
Mergelēs patale ar gulēsi?
Meilingus žodelius ar kalbēsi?
Mergelēs vainiką ar klastysi?

6. Aš vesi mergele, aš my-
lēsiu,
Mergelēs vainiką aš klastysiu;
Mergelēs patalai n'išgulēti,
Meilingi žodelei n'iškalbēti.

1. Var. Ф.-М. XXXII.

1. Per girę, giružę
Saulė tekėjo,
O musu brolelis
Žirge sėdėjo.
2. „Kur josi, brolukaj,
Sakalukaj?“
Pro višniu sodelį,
Pas našlele.
3. „Ar kęsi našlužę
Dusaujencę
Jos mažus vajkelius
Virkaujencius?“
4. Ne gulsiu našlužės
Patalūse,
Ne kęsiu našlužės
Dusaujencios,
Jos mažu vajkeliu
Virkaujenciu.

2.

1. Per girę, giružę
Saulė tekėjo,
O musu brolelis

Vai dosi maiziti
Atraites bėrniem?

3. Nejemsu atraiti,
Nemilešu,
Nedošu maiziti
Atraites bėrniem!

4. Atraites gultiņa
Sen pieguleta,
Ir miči vārdiņi
Sen isrunati.

5. Vaj jemsi meitiņu,
Vaj milesi?
Vaj meitas vaiņagu
Paglabasi?

6. Ir jemšu meitiņu,
Ir milesu,
Ir meitas vaiņagu
Paglabašu.

Var. Austr. 1894 r. ctp. 97.

Kur gāji, puisiti, kur staigaji?
Kur šādu naksniņu pārguleji?
Vaj šini, vaj tant, vaj krodziņai?
Vaj šint, vaj tant, vaj sētiņai? —
Ne šini, ne tant, ne krodziņai,
Ne šini, ne tant, ne sētiņai:
Augstai kalnāi, jaunai klētī
Pie jaunas, pie daižas, pie zel-
tenites. —

Kur, puisit, nu iesi, kur staigasi?
Kur staigasi, kur domasi?
Vaj sēsi auziņas līdumai?
Vaj jemsi atraitni, vaj milesi?
Vaj dosi maiziti atraitnes bėr-
niem? —

Nei sēšu auziņas līdumai,
Nei jemšu atraitni, nei milešu,
Nei došu maiziti atraitnes bėr-
niem:

Atraitnes gultiņa sen isguleta,

- Žirge sēdējo,
 2. „Kur josi brolukaj,
 Sakalukaj?“
 Po rutu darzeli
 Pas mergele.
 3. „Ar gulsi mergelēs
 Patalūse,
 Ar ķēsi mergele
 Kalbančēja?“
 4. Taj gulsiu mergelēs
 Patalūse,
 Taj ķēsiu mergele
 Kalbanceja.
2. Var. Jušk. L. sv. d. 406.
1. Ej, bijun, bijúnaj, } ds.
 Tu, žaliāsis, }
 Kas tāvē isēju, } ds.
 Nuravēju? }
2. Kas tāvē isēju,
 Nuravēju?
 Kas tāvu šakēles
 Pagenēju?
3. Sesēle isēju,
 Nuravēju,
 Brolēlej šakēles
 Pagenēju.
- * * *
4. Ej, brólau, brolūži,
 Brāngvardūži,
 Ar vēsi našlūžē,
 Ar vadžīvosi?
5. Ar vēsi našlūžē,
 Ar vadžīvosi?
 Ar gulsi našlūžēs
 Patalūžy?
6. Ne vēstu našlūžēs,
 Ne vadžīvostu,
 Ne gulstu našlūžēs
 Patalūžy;

Visi mīli vārdiņi sen isrunati.
 Vaj manim mūžiņu nodzīvoti,
 Vaj manim meitiņu nedabuti? —
 Vaj sēsi liniņus tirumāi?
 Vaj jēmsi meitiņu, vaj mīlesi?
 Vaj viņas vaiņagu paglabasi? —
 Ir jēmsu meitiņu, ir mīlešu,
 Ir viņas vaiņagu paglabašu;
 Meitiņas gultiņa neisguleta,
 Ir mīli vārdiņi neisrunati . . .
 Iesēju liniņus tirumāi,
 Pārvedu meitiņu sētiņai.
 Lip, mana māmiņa, duj vaska
 svecēs,

Lai varu meitiņu nolūkotī:
 Vaj balti vaidziņi, vaj sarkani,
 Vaj greznas drāniņas mugurāi?
 Nei balti vaidziņi, nei sarkani,
 Nei greznas drāniņas mugurāi!
 Vai, manu dienīņu, ko padariju!
 Savus jaunus zābakus nostebe-
 reju,

Atraitni ligavu lūkodams.
 Vai, manu dienīņu, ko padariju!
 Savus jaunus zirdziņus nojādiju,
 Savu zelta naudiņu istēreju,
 Atraitni ligavu lūkodams!
 Vai, manu dienīņu, ko padariju!
 Savas jaunas dieniņas paspēleju
 Dēļ pāra naksniņu gulejuma,
 Dēļ pāra vārdiņu runajuma!

7. Ne šilti našlūžēs
Patalūzej,
Ne méjlus našlūžēs
Ni žodūzej;
8. Pirmūjū bernéliu
Išgulēti,
Mejlējue žodūzej
Iškalbēti.

* * *

9. Ej, brólau, brolūži,
Brangvardūži,
Ar vēsi mergūzē
Ar vadžtosi?
10. Ar vēsi mergūzē,
Ar vadžtosi?
Ar gūlsi mergūžēs
Patalūzy?
11. Taj vēsu mergūzē,
Taj vadžtosi,
Taj gūlsu mergūžēs
Patalūzy;
12. Taj šilti mergūžēs
Patalūzej,
Taj méjlus mergūžēs
Ir žodūzej;
13. Pirmūjū bernéliu
N'išgulēti,
Mejlējue žodēlej
N'iškalbēti.

2. Молодая жена.

Ness. 207. Dowk. 48.

Zim. III, 33. Benz. L. D. стр. 42.

1. Ateit žemele,
Šalt's rudenelis,
Veizdekis, berneli,
Sav' gulovelēs.
2. Ne turiu dvaro,
Ney tēviškelēs,
Kur dēsiu mergeļē
Jaunā parvedēs?

1. Jauns puika būdams,
Kur likšu sieviņ' ?
Jauns puika būdams,
Kur likšu sieviņ' ?
2. Taisīšu laiviņ'
Straujupes malā;
Laidīšu sieviņ'
Svešajā zemē.

3. Dirbīsiu laivā
Per Nemonelī,
Lankysiu mergele
Kas vakarelī.
4. Kukoļ' gegele,
Gēd' volungele,
Verk mano mergele
Svetoļ' šaleleļ'.
5. Ne verk, mergele,
Ramdik širdele,
Aš tavē lankysiu
Kas vakarelī.

3. Kukoja dzeguz(e),
Dzied lakstigala;
Raud mana sieviņ'
Svešajā zemē.
4. Neraudi gauži,
Ne pūt tik grūti!
Šo gad' jeb nākoš(u)
Es ar' tur būšu.
5. Vaicāja zēni:
Kam ta ir meitiņ?
Vagara meitiņ(a),
Dzeltaniem matiem.

3. Ночь проводимая давицею у холостяка и у вдовца.

Ness. 168.

L. — —. Bezz. L. F. 53, Прим. 4.

1.

Kreyždutele, lakionele,
Ar girdējei lakiodama
Bernuželī atjojentī,
Bernuželī atjojentī?

Kad žinočau, bernuželis,
Aš jam kločau patalelī,
Aš jam kločau patalelī
Trijū eiliū peryneliū.

Kā jam dēsi, mergužele,
Kā jam dēsi po galvele?
Aš jam dēsiu po galvele
Penkes, šešes paduškeles.

Paprašysiu gaiduželī,
Kad ilgintu naktužele,
Kad mēgelī išmēgotu,
Meilēs žodžū iškalbētu.

2.

Kad žinočau, našlaitelis,
Aš jam kločau patalelī,
Aš jam kločau patalelī
Trijū eiliū erškēteliū.

1.

Precēj' man šē precinīki
Pi šā jaunā brūtganīņ'.
Jāunam viram vītu tāisu,
Trim kārtām pēlus ¹⁾ liku;
Viņam liku zam ²⁾ galviņas
Četrus dūnu spilvenīņus;
Es apsedzu jāunu viru
Ar baltām villainēm.
Es pi viņa pīguluse
Kā rōzīte zīdēdama.
Nedzīd, gāilīt', rītā agri!
Neāust' drīzi jel, gāismiņa!
Ne dōmiņas isdōmātas,
Ne valūdas isrunātas.

2.

Precēj' man šē precinīki
Pi šā vecā brūtganīņ'.

1) Или: пёлес.

2) Или: зем.

Kā jam dēsi, mergužele,
Kā jam dēsi po galvele?
Aš jam dēsiu po galvele
Penkis, šēsis akmenelius.

Paprašysiu gaiduželi,
Kad n'ilgintu naktužele,
Kad mēgeli n'ismēgotu.
Meilēs žodžu n'iskalbētu.

Var. Bezz. L. F. 53.

1. Kad aš ējau pajurēlems, pa-
marēlems
Sēki mānī jaūns bernēlis.
2. Nēsek, nēsek jaūns bernēlis,
Aš tau dōsu nakvinēlē.
3. Aš tau dēsu pō galvēle
Pēnkes, šēšes pýgalvōks.
4. Aš tau dōsu apsiklāt
Dvējus, trėjus pātaluks.
5. Teip sugūlau su bernēle,
Kaip lelējē su meirān'.
6. Kad aš ējau pajurēlems, pā-
marēlems
Sēki mānī sēns šeirūks.
7. Nēsek, nēsek sēns šeirūk',
Aš tau dōsu nakvinēlē.
8. Aš tau dēsu po galvēle
Dvējus, trējes ēglešākes.
9. Aš tau dōsu apsiklāt
Pēnkes, šēšes pušišāks.
10. Teip sugūlau su šeirūku,
Kaip lelēje su erškēt'.

Vecam viram vītu taisu,
Trim kārtām dadžus liku;
Viņam liku zam galviņas
Četrus sīkus akmentiņus;
Es apsedzu vecu vīru
Ar vecām ecežām.
Es pī viņa pīguluse
Kā lapiņa drebēdama.
Dzīd, gāilīti, rītā agri!
Austi drīzi jel, gāismiņa!
Jau dōmiņas isdōmātas,
Jau valūda isrunāta.

4. Любовныя размышленія на nocturno.

Ness. 396; 303.
Bar. 94; 201.

Bergm. I, 76. R. kr. V, 1225.
Šeh. стр. 46.

Ey gēriau, gēriau,
Gerdam's dumojau:

Es piesārku kā brūklene
Par durīm ie-iedam'.

Kur aš gausiu naktvynužę? ¹⁾

Bèram žirgui strajele?

Aš nusijočiau

Į beržynelį,

Tai bus mano naktvynužę,

Bèram žirgui strajele.

Aš pagenėčiau

Beržū lapelius,

Tai bus žirgo pašarelis

Kai gynos aviželes.

Aš nusilauščiau

Beržū šakeles,

Tai bus mano patalelis,

Margėji prėgalvelei.

Aš paguldysčiau

Švėsę pučkelę

Šale mano šaluželės,

Tai mano mergužele.

Aš pakabįčiau

Savo kepurę,

Tai bus mano zegorelis,

Raibas mano gaidužis.

Var. Jušk. L. sv. d. 5.

1. Kur kukū gegėlė

Ir lakštūngalėlis?

Ant pūtinu šakėlės.

2. Stóvi brolužėlis,

Jáunas rajtojėlis

Ant cidábru kilpėlės.

3. O kū tu čė stóvi,

O kūdėl ne jóji?

Senėj láukia močūtė.

4. O tegū láukia,

Tegū ji ne láukia,

Juk žīnu, kad ne grīnštu.

5. Júruu ne plauksiu,

Marėluu ne nėrsiu,

Ni naktūžė vandrūsui.

Es redzej' savu sirsnių'

Sėžam galdū galią.

Es dziros klātu klūt,

Viņš árā par durīm.

Es dziros pavaicāt,

Kur gulej' šo naktiņ',

Voi guleji pie māmīņ's,

Voi pie citas mātes meitas?

— Pie eglītes es guleju,

Skujām klāju paladziņ'.

— Voi tu traks, mans mīļākais?

Kam tu man ne sacij'?

Es tev būtu nostellej's'

Pāra linu paladziņ',

Pāra baltu villainīšu,

Pāra mutes nēsdociņu,

Pāra smalku linu micu.

1. Var. Taut. d. 11. R. B. 5.

Gara man, šī naksniņa

Pa visām naksniņām,

Gāida mani ligaviņa

Šo naksniņu noejam.

Guli viena, ligaviņa,

Šo naksniņu nenoiešu;

Šo naksniņu es gulešu

Baltābola kalniņā,

Baltābola kalniņā

Pie bērā kumeliņa:

Sedlus liku pagalvī

Iemauktiem apsedzos.

2. Var. Сп. стр. 145.

Tris meitiņas smalki raksta

Pie lodziņa kambarė:

Divas raksta smalkus rakstus,

Treša židu šketere.

— Es savam mīļakam

Rakstu raibu nazdaudzių:

Ap malām puķes lieku,

1) См. ниже № 5.

6. Broļuzēli mānu,
Dobilēli mānu,
Kur šēn nākti nakvojēj?
7. Šilē po pušēle,
Gīrio po lēpēle,
Po līnkstancioms šakēlēms.
8. Broļuzēli mānu,
Dobilēli mānu,
Kas klōju patalēlī?
9. O kas tau klōju
Mārgā patalēlī?
Kas pātālā pūrinu?
10. Šiaūrus vējužēlis
Klōju patalēlī,
Rytvējēlis pūrinu.
11. Žirgužēlis mānu,
Jādbērēlis mānu,
Priē šalēlēš stovēju.
12. Balnužēlis mānu,
Tyminēlis mānu,
Ant žirgēliu gulēju.
13. Kilpužēlēš mānu
Auksinēlēš mānu
Priē šalēlēš svyrāvu.
14. Plīntēlē mānu,
Švēsunēlē mānu,
Priē šalēlēš kýboju.
15. Kepurēlē mānu
Širminēlē mānu,
Ant galvēlēš purpēju.
16. Kuskuzēlē mānu,
Šilkinēlē mānu,
Ant kaklēliu veržēju.
17. Jūstuzēlē mānu,
Šeržinēlē mānu,
Ant širdēlēš gulēju.
18. Čebatēlej mānu,
Vaksonēlej mānu,
Ant kojēliu gurgždēju.

Vidō¹⁾ — savu mīļ sirsniņu.
Ak, tu manu mīļu draugu,
Kur guleji šo nakstiņ?
Voi zam priedes, voi zam egles,
Voi pie citas mātes meitas?
— Nei zam priedes, nei zam
egles,
Nei pie citas mātes meitas;
Es guleju uz zaļ' lauku,
Apakš kuplu ozoliņ;
Liepu lapas pagalvam,
Zaļu skuju paladziņš.
— Ak, tu manu mīļu draugu,
Kad es to būt' zinajusi,
Es tev būtu stellerjusi
Divus baltus paladziņus;
Divus baltus paladziņus,
Divus mīkstus spilventiņus.

---

1) Вм. обыкновеннаго vidū,
мѣстн. падежъ единственн. ч.,
о является здѣсь по образцу
мѣстн. падежа мн. числа.

5. Ночлегъ.

Ness. 395. Dowk. 51. Jušk. L. L. — —. Taut. d. 44.
sv. d. 320; 644; 646; 647. Jušk. Jur. I, 6.
L. d. 1057. Bar. 51.

Ey, aš gėriau, gėriau,
Gėrdamas dumojau:
Kur aš gausiu naktvynužę?
Kur aš naktvynosiu?

Ey, aš jaučiu, jaučiu
Pakelij' mergytę ¹⁾.
Čon aš gausiu naktvynužę,
Čon aš pernaktvosiu.

Ak, es dzėrn, dzėru,
Visu cāuru nakti;
Dzėrdams labi apdōmāju:
Kur gulėš' par nakti?

Ak, es zinu, zinu,
Kur ir skāistas mėitas;
Tur es jāšu, pārgulėšu,
Tur gulėš' par nakti.

Var. Bezz. L. F. 52.
Jušk. Sv. Rėda стр. 59.

1. Ui aš gerai, gerai,
Gėrdamas dumājau:
Kur aš jāšu,
Kur nakvāse,
Kur būs nakvinėle?

2. Ui žinau, žinau
Kėme mergėlę,
Čė aš jāšu,
Čė nakvāsu,
Čė būs nakvinėl'.

Var. R. kr. V, 1225
(194).

1. Ak, es dzeru, dzeru
Visu cāuru nakti.
Dzėrdams labi apdomāju,
Kur gulešu nakti?

2. Ak, es zinu, zinu,
Kur ir smukas meitas,
Tur es jāšu šo naksnįu,
Tur gulešu nakti.

X.

Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру.

(Защита обиженной сестры.)

Rh. 44 (160). Ness. 275.
Jušk. L. d. 165. Bar. 82.

R. B. 52. Pl.-M. 24.
Ar. M. 1148. R. nod. I, 151.

Visi manę bare,
Ney viens ne užtare.

Bėdz, tautieti, pabenkė,
Nu jāj manis bāleliņš!
— Nāc ārā, svaipa šķelmi,
Kādu vainu māsai liki?
Vaj tu ēdi nesamaltu?
Vaj valkaji neveletu?

1) Вариантъ: Pakelij' butelij.
(Зам. Несс.)

Mano brolytis per kiemą ėjo,
Ir karduzėlį rankoj' turėjo.
Dabar svainyte,
Ką tu darai sesytei?
Nulėks galvele
Kai kapustelis;
Varvės kraujo šlakelei
Kai bijuno lapelei.

Var. Jušk. L. sv. d. 912.

— — — — —
O da ne suláukiau
Pùsę métu,
Išgirdau sesėlę
Labáj sérgant: —
Balnókit, brolélej,
Bérus žirgus,
Jósime sesėlę
Aplankýti:
Ar lįnksmà sesėlė
Martélèse?
Ar žaliū rutėlė
Kviétkélèse?
Ne lįnksmà sesėlė
Martélèse,
Pavýtu rutėlė
Kviétkélèse.
O da ne įjójum
Pùsę laúku,
Sužvingu žirgólis
Labáj álsej.
O da ne įjójum
Pùsę šlū,
Išgirdum bitūtės
Atūžiančias.

Mana roka, tava galva,
Mans tėrauda zobentiņš!
Driz certišu, driz lūzis,
Aisskries tava poda galva,
Aisskries tava poda galva
Lidz vártiem grabedama!

Var. Bütn. 1436. Сnp. ctp. 241
и 242. Taut. d. 1.

Kur tu jáje, báleliņ',
Vakarē kājas av' ?
— Kuš, kuš, māsīņ', no sak
neek',
Pakac' manu zōbeniņ'.
Es dzirdeju savu mās'
Tautiņesu ¹⁾ neecinam.
Es aizjāj' pi vārtim,
Māsīņ tece vārt's vērt.
Vienu roku vārt's vēr';
Ōtr' slauce asaras.
Es isvilku nēzdociņ,
Noslauceju asaras.
Neraud', neraud', man' māsīņ',
Tautiņš neek' nepadar's;
Tautiņš pats neecinajams,
Tāpēc mās's neecane.
Es ar savu zōbaniņ
Tautiņam Diev' rād's:
Kad nebij cit' dārb',
Kāpēc mās' neecane.

1) Очень интересная форма,
гдѣ -su (суффиксъ мѣстнаго па-
дежа мн. ч.) еще совершенно
соотвѣтствуетъ санскритскому.

XI. Сиротскія пѣсни.

1. Могила матери.

Ness. 72. Dowk. 83.
Jušk. L. sv. d. 493; 509 до 513.
Bezz. L. F. 6.

Kad žinočiau tą kalnelį,
Kur gul mano motušele,
Aš apdėgčiau tą kalnelį
Žalioms lėpom's, obelelem's.

Kelkis, mano motušele,
Aš pakelsiu velėnelę;
Aš tav gūsiūs, motušele,
Ką man daro pamotele.

Mušo, pešo, plaukus draske,
Per ugnelę dūną dave.
Motušele palikusi
Kaip vištele vištytelius.

Vištytelei burij' ¹⁾ bėga,
O aš vėna siratele.
Leisiūs ir aš į jureles
Pri raudeliū į burelį.

Bütn. 351; 239.
Bergm. I, 1. Спр. стр. 215.
Pl.-M. 3. Брив. 881. Biel. 3217;
3799. Bezz. L. F. XI. Ar. M. 214;
215; 196. Э. В. стр. 372; 373
γ 1. R. nod. II, стр. 157.

Kaut zinatu to kalnių,
Kur gul mana māmūlite,
Es apsistu to kalnių
Rakstitām dēlitēm. (Bütn. 351)

— — Celies, mana māmūlite,
Es pacelšu velenių;
Es tev teikšu raudadama,
Ko man dara sveša mātē:

Pliki cirta, matus plūca,
Kājām spēra pabenki. (Bütn.
239.)

Sveša mātē bāriņam
Pār 'guntiņu maizi deva . . .
(Ar. M. 196.)

— — Man māmīņa atstājusi,
Kā vistinā cālišus.
Cāli teka pulciņā,
Es vientule raudādama. (Biel.
3799.)

1. Var. Bütn. 355.

Kaut zinatu to kapsēti,
Kur gul mans tēvs māmīņa,
Es kapsēti appuškotu
Sārkanām rōzitēm.

2. Var. Biel. 3785; 3907.

Kaut zinātu tō kalnių,
Kur gul mana māmūlite,
Es nelautu cūciņām
Tō kalnių ružināt;

---

1) Это слово соответствует латышскому bars (толпа, множество).

Es apsistu tō kalniņu
 Ar ózola dēlītēm,
 Ar ózola dēlītēm,
 Ar tērōda naglīpām.
 Svešā mātē bāriņam
 Pār guntiņu maizi dev';
 Tec apkārt, bārenīt',
 Lai rōciņa nesadeg.

2. ОТВѢТЪ МАТЕРИ ИЗЪ МОГИЛЫ.

Rh. 7 (22). Ness. 70.
 Jušk. L. d. 419; 566. Arch. 4.

Э. В. стр. 373 γ 1.

Ī girē manē sunte,
 Ī giružē ūgeliū,
 Ī girē serbentēliū.
 Aš ūgeliū ne rinkau,
 Serbentēliū ne braukiau.
 Užeja ant kalnēliū,
 Ant močūtēs kapēliū;
 Tai labay graudžey verkiau
 Aš savo motinelēs.

O, kas če manes verkia?
 Mano kapēlī mindžoj?
 Aš, aš, ak motinēle,
 Aš viena siratēle.
 Kas šukós mano galvėlē?
 Nupraus mano burnėlē?
 Kas kalbēs meilēs žodēlī?

Eik namū, dukryte!
 Ten kita motinēle
 Šukos tavo galvėlē,
 Nupraus tavo burnėlē,
 (Vilks tavē marškineleis,
 Vilks tavē storeseis;)
 Ten jaunasis bernytis
 Kalbēs meilēs žodēlius.
 — (Marškineleis vilkdama
 Mano rankeles lauzia;
 Burnužē nupraudama
 Mano burnužē pleše.)

Kas aiz mežu aizž(ū)ineja,
 Kas mežā aizskaņēja!
 Bōreneite mōtē cēla:
 Celis, celis mun mameņ!
 Celis, celis mun mameņ,
 Sasukoi(ji) mun galveņ!
 Sasukoj mun galveņ(u),
 Apūlec maņ bolt krēkleņ.
 Apūlec maņ bolt krēkleņ,
 Apauņi maņ kōjeņes.
 — Bērneņu munu mīlū(oji),
 Bērneņu munu dōrgu,
 Tev' ir tavys, mōmuļēna,
 Kam galveņu tev' sukōt,
 Kam galveņu tev' sukōt,
 Kam krēkleņš tev' apūlkt.
 Mameņa muna mīloa,
 Mameņa muna dōrgoa,
 Da kai maņi golū sukova,
 Munēs mateņēs pleukava.
 Da kai jei krākļēņi ūilka,
 Man sirsneņ slōpeņ slōpa.
 Itūs pošus aizlōdāja:
 Kai tu itūs naiznasōtim,
 Ju vel eit nasapraseitim.
 Da kai joi kōjes ava,
 Smolkōm nōtrēm dzeldedama.

3. Строе бары.

Dowk. 10. Schl. стр. 29.

L. — —. Zim. III, 95.

— — — — —
 — — — — —
 Pikti ponaj ir uriedaj
 Nedoud ¹⁾ maneļ pailselio;
 Lejskes Saule, tekiek Mienou,
 Douk man šventā vakareļ!

— — — — —
 — — — — —
 Bārgi kūngi, vagarītes
 Nedod laiku vakariņu;
 Ej, Sāulīte, driz pie Dieva,
 Dod mums svētu vakariņu!

XII. Странное обѣщаніе.

Rh. 11 (38). Ness. 10.
 Schl. стр. 14.

St. стр. 277.

— — — — —
 — — — — —
 O kaday sugryšim
 Iš Vengrujū zemēs?
 — Kad išdygs kolācei,
 Žels ir akmenācei,
 Ant jurū medācei.

— — — — —
 — — — — —
 Kad zaļos sētas mieti,
 Kad sapūs akmentipš,
 Ūle kāpe us ūdeni,
 Spalva grime dibinā,
 — Tad es nākšu šai zemē
 Tēv' un māti apraudzīt.

1. Var. Ness. 149. Stan. 12.

1. Var. Bergm. I, 22.
 Bütn. 2603.

— — — — —
 — — — — —
 Cit, ne verk, ne raudok,
 Jaunoji mergyte,
 Aš tavę parvesiu
 Kitā rudenelī,
 Kad žydēs, kad žibēs
 Balti akmenelei,
 Kad suklēs glosneļ'
 Raudonos ūgeles.

— — — — —
 — — — — —
 Kad zaļos sētas mieti,
 Kad sapūs akmintipš,
 Ūla uskāps ūdeni,
 Spalva nogrimis dibinā:
 Tad es nākšu šai zemei
 Tēv' un māti apraudzīt.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 822.

2. Var. Брив. (Труды этногра-
 фического отдѣла. Книга VI.
 Матеріалы по этнографіи латыш-
 ского племени. Москва 1881.)
 Пословица 195.

— — — — —
 — — — — —
 Kad malūne ant akmēns
 Kvietužēlej geltonūs,

Kad cirvja kátam lapas pláuks,
 Kad vārna ragavām bráuks,

1) он соответствует верхне-
 литовскому ū. (Зам. III.)

Tadā mūdu su bernēliu
Vieškelēliu važūšiv.

Kad brōlej kūlus kals,
Broliū kūlaj pražydēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Bažnytēlēn važūšiv.

Kad sesýtēs rūtas sēs,
Ant rytōjaus pražydēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Ī stalēlī pasodīns.

Kad plūksnēlē dūgnū grīms,
Akminēlis viršum plauks,
Tadā mūdu su bernēliu
Ī lovēlē suguldīs.

Kad saulēlē nusilējs,
O mēnesis užtekēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Žodužēlī kalbēsiv.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 974.

— — — — —
Kad lapūtē tāncu šoks,
O zujkēlis pasmujkūs,
Tadā mūdu su bernūžu
Už stalēliu susodīns.

Kad pukēlis dūgnā grīms,
Akmenēlis viršum plauks,
Tadā mūdu su bernūžu
Mejlius žodžius kalbēsiv.

Kad kūlēlis pražydēs,
Nū karklēliu āgas rīnks,
Tadā mūdu su bernūžu
Viēnó lóvo gulēsiv.

Kad pupas vadžīm plēsis:
Tad man (v. viņam) kāzas (v.
bērnī) būs.

3. Var. Taut. d. 40.

Eit, meitiņas, ielaižat,
Kas ais duru baldurē.
Tas, māmiņa, tavs dēliņis,
Kas ais duru baldurē:
Kājas, rokas asenaiņas,
Vaigu gali asaroti.
Ai, dēliņis, miļš dēliņis,
Kādu grēku tu dariji?
Ai, māmiņa, miļa, balta,
Es nokavu sav' brāliti!
Ai dēliņis, miļš dēliņis,
Kur nu iesi, kur paliksi?
Māte mana, miļa māte,
Es noiešu Vāczemē.
Dēliņš manis, miļš dēliņis,
Kad pārnāksi apraudzit?
Kad sētā mieti plauks,
Kad zaļos akmentiņi! —

XIII. Дорогая семья.

1. Прямъты.

Jušk. L. sv. d. 1075; 134.

Брив. 396.

* * *
O aš pažinau
Sāvu tėvužēlī

Es pazinu
Sav isten' tėv'

Tarp šīmtu gerējužēliu,
 Tarp šīmtu gerējēliu :
     Jū bāltos raņkēlēs,
     Jū skājestus vejdēlej,
 Cidābru stiklinužēlē,
 Gērē rīnckā vynēlī.
     O aš pažinau
     Sāvu motynēlē
 Tarp šīmtu audejužēliu,
 Tarp šīmtu audejēliu :
     Jos naujos staklēlēs,
     Jos plōnos drobēlēs,
 Jos lēndrinis skietužēlis,
 Cidābru šaudīklēlē.
     O aš pažinau
     Sāvu seserēlē
 Tarp šīmtu suvējužēliu,
 Tarp šīmtu suvejēliu :
     Jos bāltos raņkēlēs
     Jos smūlkus sulēlēs,
 Žaliū šilkū suļužēlej,
 Cidābru adatēlē.
     O aš pažinau
     Sāvu broļužēlī
 Tarp šīmtu artojužēliu,
 Tarp šīmtu artojužiu :
     Jū naujā žagrēlē,
     Jū šēmi jautēlej,
 Plēnīnejs noragužēlejs
 Arē jūbā laukēlī.
     O aš pažinau
     Sāvu bernužēlī
 Tarp šīmtu pjovejužēliu,
 Tarp šīmtu pjovejēliu :
     Jū plēnu dalgēlis,
     Rašyts dalgkotēlis,
 Cidābru pustyklužēlē,
 Plačāusta pradalgēlē.

Starp simtām dzērājām :

Dimanta glāze,
 Sudraba kannā, —
 Tas ir mans istis tē(v)s,
 Tas ir mans dzērājiņš.
 Es pazinu
 Sav' ist' brālī
 Starp simtām arājām :

Dimanta arkls,
 Bērs kumeliņš, —
 Tas ir mans istis brālis,
 Tas ir mans arājiņš.
 Es pazinu
 Sav' ist' māt'
 Starp simtām vērpējām :

Sudraba ratīņš,
 Smalks āudumiņš —
 Tā ir mana ista mātē,
 Tā ir mana vērpēja.
 Es pazinu
 Sav' ist' mās'
 Starp simtām šuvējām :

Zelt' adatiņa,
 Smalks šuveklītis —
 Tā ir mana ista māsā,
 Tā ir mana šuvēja.
 Es pazinu
 Sav' ist' brūti
 Starp simtām āudējām :

Dimanta streles,
 Zelt' atspūalīte —
 Tā ir mana ista brūte,
 Tā ir mana āudēja.
 Es pazinu
 Sav' ist' draugu
 Starp simtām šāvējām :

Var. Ness. 103; 54.
Rh. 55 (198).

Ey žinau, žinau
Ale ne sakau,
Kur aug mano bernužis.

O aš pažinau
Savo bernužī
Tarp šimtū artējužīū.

Nauja žagruže,
Širmi jaučužei,
Plēnini noragelei.

O aš pažinau
Savo bernužī
Tarp šimtū pjovējužīū.

Mano bernužio
Švēsus dalgužis,
Naujas dalgkotuželis.

* * *
Ey žinau, žinau,
Ale ne sakau,
Kur aug mano merguže.

O aš pažinau
Savo mergužę
Tarp šimtū audējužīū.

Naujos staklužes,
Plona drabuže,
Sidabro šaudyklele.

O aš pažinau
Savo mergužę
Tarp šimtū grėbikeliū.

Naujas grėblužis,
Baltas rubužis,
Sidabro žėduželis.

Sudraba stūapa,
Tèráuda zūabins.
Tas ir mans īsts drāugs,
Tas ir mans šāvėjiņš.

Var. Zim. II, 46.
K. Ulm. crp. 165.

Ai, meitenites,
Ai, zeltenites!
Kur šķināt sártās rōzes,
Kur pināt vaiņadziņ' ?
Maskavā skinām,
Maskavā pinām;
Danskavā novalkajām,
Danskavā novalkaj'.
Vai jūs pazīstat
Man' istu tēvu ?
Par simtiem dzérajem,
Par simtiem dzérajem ?
Sidraba glāze,
Dimanta stōpiņš;
Tas bij mans īstans tēvs,
Tas bij liels dzérajipš.
Ai, meitenites etc.
Vai jūs pazīstat
Man' istu māti ?
Par simtām vérpejām,
Par simtām vérpejām.
Sidraba ratipš,
Dimanta spēle;
Ta bij' man' ista mâte,
Ta bij' liel' vérpejiņ'.
Ai, meitenites etc.
Vai jūs pazīstat
Man' istu brāli ?
Par simtiem arajiem,
Par simtiem arajiem.
Sidraba arklis
Dimanta lemeš',
Tas bij mans īstais brālis,
Tas bij liels arajiņš.

Ai, meitenites etc.
 Vai jūs pazistat
 Man' istu mūsu?
 Par simtām audejām,
 Par simtām audejām.
 Sidraba stelles,
 Dimanta ķemme,
 Ta bij man' ista māsa,
 Ta bij liel' audejiņ'.

2. Поиски возлюбленной.

Ness. 111. Dowk. 29.

Jušk. L. sv. d. 456.

Eisisim kad eisisim
 Ī grynyčelē,
 Ī grynyčelē
 Pri malējeliū.
 Yra kad yra
 Trys malējeles,
 Nēra kad nēra
 Mano širdeleš.
 Plēno girneles,
 Vario suktuvai,
 Nēra kad nēra
 Mano širdeleš.
 Eisisim kad eisisim
 Ī seklyčelē,
 Ī seklyčelē
 Pri verpējeliū,
 Yra kad yra
 Trys verpējeles,
 Nēra kad nēra
 Mano širdeleš.
 Balti linelei,
 Jaunos verpējos,
 Nēra kad nēra
 Mano širdeleš.

Eisisim kad eisisim
 Ī trobuželē,

Austr. 1894 r. стр. 96.

Nu iešu, iešu
 Uz zaļu pļavu,
 Uz zaļu pļavu
 Pie grābejami.
 Tur grāba grāba
 Trīs grābejiņas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

Nu iešu, iešu
 Uz linu lauku,
 Uz linu lauku
 Pie ravetajām¹⁾.
 Tur ravé, ravé
 Trīs ravetajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

Nu iešu, iešu
 Uz blieķu dārzu,
 Uz blieķu dārzu
 Pie veletajām.
 Tur velé, velé
 Trīs veletajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

1) Обыкновенно: plūcejām.

I trobuželē
 Pri audējeliū.
 Yra kad yra
 Trys audējeles,
 Nēra kad nēra
 Mano širdelēs.
 Šilkū milelis
 Vario stakleles,
 Nēra kad nēra
 Mano širdelēs.

Eisim kad eisim
 I pa-upeli.
 I pa-upeli
 Pri skalbējeliū.
 Yra kad yra
 Trys skalbējeles,
 Yra kad yra
 Mano širdele.
 Plonos drobeles,
 Vario kultuves,
 Yra kad yra
 Mano širdele.

Var. Jušk. L. d. 617.

1. Ējčiau-gi, ējčiau } ds
 I lýtus laukélius, }
 I lýtus laukélius } ds
 Pas artojēlius.
2. Žmonū artojēlej
 Arā, dujāja,
 O jau mānu bernūžu
 Nēra, taj nēra.
3. Ējčiau, ējčiau
 I lýtās lānkēles,
 I lýtās lānkēles
 Pas šēnpjuvélius.
4. Žmonū šēnpjuvélej
 Pjāuja, švytāja,
 O da mānu bernūžu
 Nēra, taj nēra.

Nu iešu, iešu
 Uz ruža klēti,
 Uz ruža klēti
 Pie rulletajām.
 Tur rullē, rullē
 Trīs rulletajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

Nu iešu, iešu
 Uz istubiņu,
 Uz istubiņu
 Pie vērpejami.
 Tur vērpa, vērpa
 Trīs vērpejiņas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

Nu iešu, iešu
 Uz maltuvīti,
 Uz maltuvīti
 Pie malejami.
 Tur mala, mala
 Trīs malejiņas,
 Tur bija, bija
 Mana ligaviņa.

5. Ējčiau, ējčiau
 Į karčemėlę,
 Į karčemėlę
 Pas gerėjėjus.
6. Žmonų gerėjėjai
 Gėrta, rylėja,
 O jau mūsų bernūžis
 Šepsąns, be-vepsąns.

XIV. П Ъ Я Н И Ц А.

(Сидя на лошади.)

Jušk. L. sv. d. 193; 374.

L. — —. R. nod. I, 134.

— — — — —
 O aš pragėriau
 Šimtą šeštoku,
 Ant bėru žirgėliu
 Be-sédédamas, — — —

Búčiau pragėręs
 Ir antrą šimtą,
 Lustaūnas žirgėlis
 Ne nustovėju.

— — — — —

— — — — —
 Simtu márku
 Es isdzėru,
 Kumełai
 Sédédams.

Vėl būt' dzėris
 Ūtru simtu,
 Nestáv manis
 Kumelipš. —

— — — — —

XV. Свадьба птицъ, волка.

(Разныя роли гостей.)

Kol. 53; 51.

Rh. стр. 312.

1. Hóla juns, maží paukštėlei,
 Aš nóriu žiánitis,
 Strázas¹⁾ tegul balnó žirgą,
 Ans tur zila plóščiu.

2. Bóbras su kiaúnu kiapūre
 Bus mūsų furmónu,
 Zuikís su lengviūms kójoms
 Bus laufrū.

3. Lakštingála su čistu balsu
 Gismėles tur gidóti,

1. Lustejeties síki putni,
 Nu es pėmšos ligavių.
 Strazdių žirgu seglotajs,
 Tam ir pelėks mėtėlis.

2. Bebra dėlipš ōrmanis,
 Tam ir cauna cepurite.
 Zakišam ir vieglas kájas,
 Tas papriekšu tekulits.

3. Lakstigalei daug mélišu,
 Ta dziesmų sácejija.

1) Лычме: Strázdas.

Šarka, kurī visadós šokinié,
Tur tancis rundīti.

4. Vīlks su sáva dīde trūba
Grais ant dudós,
Mešká su dideloms lāpoms
Medžiūs tur skaldīti.

5. Kruks su krējva kuprā
Vāndeni tur nešiōti,
Blezdīnge su bāltu kvartūku,
Tur indus plāuti.

6. Voveris su drūkta ūdega
Tegūl stala šlūsta,
Lapi su gražiá sūknia
Gal tyktáj viēna pri māna pa-
čios siedieti.

Žagatiņa, lēkātāja,
Ta dancišu vicelina.

4. Vilkam (ira) lēla taure,
Tas stabuļu pūtejiņš.
Lāčam (ira) lēlas ķepas,
Tas malciņu skalditajs.

5. Vārniņai ir līkas pleces,
Ta ir ūdens nēsātāja.
Bezdeligai melni brunči,
Ta rīciņu mazgātāja.

6. Vāveritei kupla aste,
Ta galdiņa slaucītāja.
Lapsai (ira) skaistas drēbes,
Ta vien brūtei līdzī sēž.

1. Var. Rh. 20 (68). Ness. 14.
Jušk. L. d. 94; 127.

Aīvažavo meška
Su alučas bačka,
O vilkeliui, nebageliui,
Svodbelę kelti.

Ežys ī piršlius,
Lape ī svočius,
O kiškēlis, nebagelis,
Tur jis važnyčoti.

Šeškas alų dare,
Žvirblis misą maiše,
Gegužele, nebagele,
Apvyniu parņešo.

Jauts malką kapoj',
Šū podus mazgoj',
Katinelis, nebagelis,
Mieseles medžoj'.

Gandras kanklāvo,
Lokys trimitāvo,
O vilkēlis, linksmas ēsas,
Vesis ošką šokti.

Jey iš gēros vales,
Aš su kuma šoksu.

1. Var. Cnp. ctp. 88.

Siki putni kāzas dzēra
Strazdiņš tek raudadams,
Strazdiņš tek raudadams,
Ko būs ņemt vedējōs?
Zaķišam līkas kājas,
Tas celiņa brugetajs;
Lūsišam isi nagi,
Tas kamanu turetajs;
Cielaviņa — naska sieva,
Ta viestiņu saņēmeja;
Žagatiņa — garastite,
Ta galdiņa slaucītāja;
Vārnas bērni — puspelēči,
Tie būs gaļas kapataji.

2. Var. Ar. M. 1262.

a.

Sniedze alu padarija
Ciruliša kāzipām.
Vaicā sniedze us ciruļa:
„Kāds būs brūtes vedējiņš?“ —
Dzenišam raibi svarki,

O jeygu iš pikto,
Aš ję sudraskysu.

O iš tavo skuros
Bus kerdžėliui šuba,
Kurs manę gana po dobilačius,
Po avizates.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 904.

1. Atvažiuoja meškà
Su midučiaus bačkà,
O vilkėliuj-nabagėliuj, } ds.
Rejk vesėliją kėlti.

2. Lapė į svočias,
Ožys į piršlius,
O žujkūčuj-nabagūčuj,
Rejk važnyčioti.

3. Vilkas alų dārė,
Žvirblis mīšą mājšė,
Geguzėlė-nabajėlė,
Apvynū pritąjsė.

4. Jąutis medžvūs rāntė,
Šā pūdus mazgōju,
Katinėlis-nabagėlis
Mėsėlę medžuoj.

5. Žąpsins kanklāvu,
Meškà trimitāvu,
O vilkėlis, līnksmas būdams,
Vėdė ožką šōkti.

6. Ožka, šōkdama,
Su rāgajs mosāvu,
O vilkėlis mīslýdamas,
Kajp če jėn papjauti.

7. O ja gerūju,
Dūstu saldaūs pienu;
O jagū piktūju,
Rāgajs subadýsu,

8. O jagū piktūju,
Rāgajs subadýsu,
Sāvu miēlam kerdžūkuj
Šūbą pasūdysu.

Tas būs brūtes vedejįš;
Zaķišam klėinas kājes —
Tas kamanu turetajs;
Ķikutam garas kājas —
Tas celiņa minejįš;
Melnais strazds gudris virs —
Tas vartiņū vėrejįš;
Bezdeliga, ūķelite,
Ar viesiem runataja;
Cielaviņa, gludgalvite,
Ta galdiņa slaucitaja;
Vārņipai malni svārki,
Ta katliņa mazgataja;
Krauklišam liela knāba,
Tas būs gaļas kapatajs;
Vileiņam liela mute,
Tas stabuļu pūtejįš,

6.

Sì, sì, zilit!
Zile cepa pīragu
Ar sarkanu bārzdiņu.
Isskrēja zaķitis
Ar kaulu sedliņiem
Un lūku piešiem;
Kaņepu kauliņus
Par iemauktiņiem;
Vistiņas spārniņus
Par mēteliti;
Kaķiša astiņa
Par zobeniņu.

3. Var. Bezz. L. D. стр. 45.

Circinišam kāzes bi',
Zaķīts jāje parnārsnōs¹⁾,
Bluse gāje kūj'nikōs¹⁾,

1) Мѣстный падежъ множ. ч.
(Зам. Бецц.).

3. Var. Jušk. L. sv. d. 905.

1. Atvažūdja meškà
Su alūčiaus bačkà,
O vilkėlis-nabagėlis
Svotbėlę rėngė.
2. Žujkys į piršliūs,
Brėdis į pabrólius,
O lapūtė-nabagūtė
Kėta svóčia būti.
3. Kujlės málkas kirtu,
Šū pūda mazgóju;
Bėgk kačiūtė, mažtelėlė,
Pamėdžtok mėsėlės.
4. Šárka kiėmą šlávė,
O várna vektávu,
O kūsėlė-nabagėlė
Kepenėlį kėpė.
5. Žvirblis álų dárė,
Kuiėlė šokinėju;
Lėk, žilūtė-nabagūtė,
Parnėšk apvynėliu.
6. Žąnsas kanklávų,
Gajdys trimitávų,
O vilkėlis-nabagėlis,
Vėdė óžką šókti.
7. Ja iš gerós válios,
Aš su tavim šóksiu;
O kajp supýksiu,
Visą subadýsu,
8. Visą subadýsu,
Štúbą pastúdinsu,
Štúbą pastúdinsu,
Kėrdžiu aprėdýsu,
9. Kuris mánę gánė
Po žalią lankėlę,
Po žalią lankužėlę,
Po karklynėlius.
10. Óžka pújkej šóku,
Vilks gražėj dąmbrávu,

Cėlavina bálta-spráklit' ¹⁾,
Ta galdin' klájejin';
Váverit' kupl-astit',
Ta galdin' slaucitáje.
Man pārtrūk ²⁾ užam skrót',
Bluse(i) dancū(t) dancūjūt.
Ak tu blus', nellitīn',
Tavu vīglu dancūšen'.

4. Var. K. Ulm. crp. 181.

Waldgott hat in's tiefe Schilf-
rohr
Sich geworfen: kommt herbei,
All' ihr freien Waldesthiere,
Zu des Waldessohnes Hochzeit!
Wolf mit seiner hohlen Stimme
Ist der beste Flötenbläser.
Hellen Anschlag giebt das
Hündchen,
Das ist unser Trommelschläger.
Krumme Schultern hat die
Krähe,
Die ist Wasserträgerin.
Runden Schnabel hat der Rabe,
Der kann uns das Fleisch zer-
theilen.
Langgeschwänzte Elster soll
Rein des Hofes Flur uns fegen.
Nachtigall, die Schmeichel-
zunge,
Die empfängt die lieben Gäste.
Eichhörnchen mit dichtem
Buschschwanz
Deckt den Mittagstisch gewandt.

1) Среднее „а“ произносили
очень неясно. (Зам. Бецц.)

2) Произносилось какъ pār-
trunk. (Зам. Бецц.)

O svotélej pasigére,
Visī līnksmi būvu.

4. Var. Jušk. L. sv. d. 935.

1. Baravýkas, drútas grýbas,
Kéta lēpšē vēsti,
Lēpšēs kótas ne-bagótas, }
Ne nór grýbu éjti. } ds.

2. Visī mēdžej līnksmināsi,
Ket ī svótbā jóti,
Ir tas brēdis-ilgarētis
Kéta draūge jóti,

3. Ir tas brēdis-ilgarētis
Kéta draūge jóti,
O zujkūtis-statakūtis
Kéta jis piršlāuti.

4. O lokūtē-plāčkōjūtē —
Ji kéta svočāuti,
O ta lapē šmadarāķē
Kéta kukarkāuti.

5. Aš ne ējsu ī tancūūkā
Be trijū dudóru.
Júras, Mīkas ir Gabrūkas —
Taj tau trys dudórej.

6. Aš ne ējsu už stalēliu
O be trijū stróvu.
Kručēkaj, mórēkaj, pastar-
nóēkaj —
Taj tau trys bus stróvos.

7. Aš ne ējsu ī šóķī
Be trijū mergēliu.
Aldā, Mīlda ir Mīliūsa, —
Taj tau trys mergēlē.

5. Var. Ф. М. стр. 216.
С.-Бар. 348; 349.

1. Žada žvirblēlis
Dukrēlē lajstē.
E e džum, džum,
Dukrēlē lajstē.

Habicht mit den langen Krallen
Schöpft das Fleisch uns aus dem
Topf.

Kranich reckt den langen Hals
aus,
Legt geschickt die Teller auf.
Dohle in dem schwarzen Amts-
rock

Spricht bei Tisch das gratias.
Kiebitz mit den langen Füßen
Wischt den Tisch ab nach dem
Essen.

Schwalbe mit dem braunen
Röckchen
Scheuert die Geräthe rein.
Leichtbesusst Bachstelzen-
töchter

Führen einen schönen Tanz auf.
Specht, der buntuniformirte,
Ist der Braut galanter Kutscher.
Hase mit Litauerbeinen

Zeigt als Läufer ihr den Weg.
Hochgeschürzte Lerche öffnet
Ihr als Pfortnerin das Thor.
Goldne Schnüre hat das Bräut-
chen

Reichlich um die schlanke Taille.
Und so fährt sie denn zur
Kirche,

Gott giebt wieder junge Pflüger!
Lustig leben meine Freunde,
Und ein Festtag jagt den andern!
Bald der Hochzeit folgt die
Taufe,

Und zu tanzen giebt's genug!

5. Var. B. et W. 2545;
2546; 2547.

Ai, ai, žvirbuli,
Kad jēmsi sēvu?

2. Iš mėžiū grudo	— Rudeni, rudeni,
Padarė alų. E e d. d.	Pa miežu laiku. —
3. O ir suprašė	Visus putniņus
Visus paukšteliūs.	Kázās aicina,
E e džum, džum,	Pūcite palika
Alučio gértė.	Neaicinata.
4. Vaj tik ne prašė	Pūcite aizgāja
Vėnos pelėdos. E e d. d.	Neaicinata.
5. Atejo pelėda	Pūcite apsėdās
Ir ne prašita. E e d. d.	Galdipa galā. —
6. Sėdosi pelėda	Zvirbulis pajėma
Pačion kerčion. E e d. d.	Pūciti dancot;
7. Išvedė žvirblukas	Pūcite nomina
Pelėdą šóktė. E e d. d.	Zvirbulim kaju,
8. Numinė žvirblukas	Zvirbulis izknába
Pelėdaj koją. E e d. d.	Pūcitei acis.
9. Pelėda provon,	Pūcite aizgāja
Žvirblukas tvoron. E e d. d.	Pie kunga sūdžėt.
10. Pelėda kūpon,	To sprieda kundziņš,
Žvirblukas dūbon. E e d. d.	To gaspažiņa:
	Pūcitei vajaga
	Pėriena dabūt ¹⁾ .

XVI. О козлѣ.

(Приключенія козла на мельницѣ.)

Jušk. L. d. 237.	Zim. II, 19; VI, 6.
	Bergm. II, 27; 416.
1. Kamė tu buvāj,	1. Kur tad tu nu biji,
Ožėli mánu ? ¹⁾	Aziti manu ? ²⁾
Malúne, malúne, } ds.	Sudmalási, sudmalási,
Ponūlė mánu ¹⁾ . }	Kundziņu man' ²⁾ .
2. Kaņ tu ten dīrbaj ?	2. Ko tad tu tur darij' ?
Maliaú, maliaú, maliaú,	Kviešus malu, rudzus malu.
maliaú.	
3. Kaņ tu ten malėj ?	
Púrus, kviečius, púrus,	
kviečius.	

1) Эти стихи повторяются въ каждой строфѣ.

1) Или: Kam gāji kázās Neaicinata.
2) „Aziti manu“ и „Kundziņu man'“ повторяются во всѣхъ строфахъ.

4. Kān tu ten vālgej?
Sēlēnēles, atrubēles.
5. Kān tu ten gērej?
Parugēles, paplavēles.
6. Kamē gulējej?
Su šinkore, su kūkore.
7. Ar tāve ne tvóju?
Tvóju, tvóju, tvóju, tvóju.
8. Su kūm tāve tvóju?
Su kurēklejs, su žer-
stēklejs.
9. Par kān tāve tvóju?
Parstrēnēles, parkulšēles.
10. O ar tu ne rēkēj?
Rēkiaū, rēkiaū, rēkiaū,
rēkiaū.
11. O kajp tu ten rēkēj?
Me, e, e, e, me, e, e.

1. Var. Jušk. L. d. 267; 1522.

1. O kur tu buvāj,
Ožēli mānu?
Malūne, malūne, }
Ponūlē mānu. } ds.
2. O kān tu vejķej?
Māldinau, māldinau.
3. Kān tu māldinaj?
Rugēlius, kvietēlius.
4. O kān tu vālgej?
Pagīrnus, pamīlēvus.
5. O kān tu gērej?
Pāvadkus, pādugnus.
6. O kur gulējej?
Karčemó, po pēčvumi.
7. Su kūm gulējej?
Su šinkarkos Urše.
8. O kas prikēlē?
Šinkarka, jūmperka.
9. O kūm prikēlē?
Kačērga, pagājķšču.

3. Ko tad tu tur édi?
Pienu, miedu, pienu, miedu.
4. Ko tad tu tur dzēri?
Alu, vinu, alu, vinu.
5. Ar ko tu tur mērij'?
Ar radziņu, ar radziņu.
6. Ar ko tu tur slaucij'?
Ar bārdiņu, ar bārdiņu.
7. Vai tad tev' tur kūla?
Kā tad ne, kā tad ne.
8. Par ko tad tev' kūla?
Par lipiņu, par lipiņu.
9. Kā tad tu tur brēci?
Miku, meku, miku, meku.

1. Var. L. — —.

1. Kur tad tu bijī,
Aziti mans? ¹⁾
Sudmalās, sudmalās,
Kundziņi mans ¹⁾.
2. Ko tu tur dariji?
Malu, malu, kā nemalu.
3. Ko tu tur mali?
Pūrus, kviešus, pūrus,
kviešus.
4. Ar ko tu tur mēroji?
Ar radziņu, ar radziņu.
5. Ar ko tu tur slauciji?
Ar bārzdiņu, ar bārzdiņu.
6. Ko tu tur édi?
Pienu, medu, pienu, medu.
7. Ko tu tur dzēri?
Alu, vinu, alu, vinu.
8. Kur tad tu gulēji?
Pie meitām, pie meitām.
9. Vaj tad tevi nekūla?
Kūla gan, kūla gan.

1) Эти стихи повторяются во
всѣхъ строфахъ.

10. O kajp tu bégaj?
Strak, strak, strak, strak.
11. O kajp tu rèkéj?
Mik, mik, mik, mik.

2. Var. Lesk. 100.

1. O kùr tù buvaí,
ožéli màna?
Ant malúna,
ant malúna,
ponéli màna.
2. O ká tù tén òirbai,
Kvėčiùs rugiùs piklievójau.
3. O kũm tù seikėjei?
Sù rageliù, sù rageliù.
4. O kũm šlavinėjei?
Sù barzelė, sù barzelė.
5. O sù kũm strykavai?
Sù kojelė, sù kojelė.
6. O ká tù tén vėlgei?
Pyragėliu, pyragėliu.
7. O kùr tù tén gulėjei?
Užpečkėly sù Barbelė.
8. O ká tù tén gėrei?
Rìnska vyna, rìnska vyna.

3. Var. Jušk. L. d. 149.

1. Kur tu buváj, zújki mánu? }ds
Malúne, póni mánu. }ds
2. Kañ tu vejkeėj, zújki mánu?
Rugiùs maliaú, póni mánu.
3. Kajp tu malėj, zújki mánu?
U, u, póni mánu.
4. Kur gulėjej, zújki mánu?
Dùlkėse, póni mánu.
5. Kur tupėjej, zújki mánu?
Smìlgose, póni mánu.
6. Kas táve vėjju, zújki mánu?
Baltì kùrtaj, póni mánu.

10. Ar ko tad tev' kùla?
Ar žagaru par muguru.
11. Vaj tad tu neblávi?
Blávu, blávu, ká neblávu.
12. Ká tad tu blávi?
Buku bè, buku bè!

2. Var. B. et W. 2224.

- Ku' ta tu bijì,
Aziti mans?
— Sudmalàs, sudmalàs,
Kundziņi mans.
Ko tu tur dariji,
Aziti mans?
— Kviešus, rudzus bideleju,
Kundziņi mans.
A' ko tu slauciji,
Aziti mans?
— A' bārzdīņu, a' bārzdīņu,
Kundziņi mans.
A' ko tu mēroji,
Aziti mans?
— A' radziņi, a' radziņi,
Kundziņi mans.
A' ko tu striķeji,
Aziti mans?
— A' kàjiņi, a' kàjiņi,
Kundziņi mans.

- Vaj ta tu nezagi,
Aziti mans?
— Zagu kviešus, zagu rudzus,
Kundziņi mans.
Vaj ta tevi neķera,
Aziti mans?
— Ķera gan, ķera gan,
Kundziņi mans.
Vaj ta tevi nepėra,
Aziti mans?
— Pėra gan, pėra gan,
Kundziņi mans

7. Kāj tu bégaj, zújki mánu? A' ko tevi péra,
Turst, turst, póni mánu. Aziti mans?
8. Kāj táve šóvė, zújki mánu? — A' pagali, a' pagali,
Plikst, plikst, póni mánu. Kundziņi mans.
Va ta tu neblávi,
Aziti mans?
— Blávu gan, blávu gan,
Kundziņi mans.
Ká ta tu blávi,
Aziti mans?
— Buku beh, buku beh!
Kundziņi mans.

XVII. Колыбельныя пѣсенки.

(Мышка приноситъ сонъ.)

Bezz. L. F. 57.

Nēš, pilēle sàldu mēga¹⁾
Ī . . . .²⁾ šupolēlē
Pā sālēlims, pā lāvēlims,
Kad katēle nematýt'
Ir m'egēlē nakratýt'.
Kad katēle pamatýs,
Tad mēgēlē¹⁾ iškratýs.

B. et W. 2118; 2054 — 2057;
2064 и 2065; 2110 — 2120.

Velc, pelite, saldu miegu
Mazajam bérniņam,
Caur rijiņu, caur klētiņu,
Caur lodziņa šķirbiņām,
Klusitēm, lēnitēm,
Lai kaķits nesadzird;
Kad kaķits sadzirdēs,
Tad galviņu nokodīs.

1. Var. Ar. M. 1235.

Atvelc, pelite, bérnam mied-
ziņu
Caur klēti, caur namu, caur is-
tabiņu,
Caur krāsns caurumu, ka kaķis
neredz.

1) Sic! Хотя ожидается miega
и miegēlē.

2) Имя дитяти, или, если оно
еще не крещено, lelēles. (Зам.
Бецц.)

Klusiņi, klusiņi, viegliņi, vie-
gliņi,
Pakuliņās ietinusī,
Ieliec Majiņai šūpuļa galā.

Jeb: Velc, pelite, saldu miegu
 Mazajam bérniņam.
 Savilkusi saldu miegu,
 Guli pati pagālvī.

2. Var. L. — —.

Velc, velc, pelīte,
 Bérnami miegu
 Caur sētu, caur namu,
 Caur istabiņu
 Maza bérna šuplīša
 Pagālvī.

XVIII. Многократный обменъ.

(Даръ удода или отца.)

Jušķ. L. d. 143.

L. — —. B. et W. 2206 (съ
 12 вариантами); 2229.

1. Aš pamačād tutūti,
 Lu, lu, tutūti. } ds
2. Aukštām kālne tūpinti,
 Lu, lu tūpinti¹⁾.
3. Šilkū lizda vējanti,
4. Auksu paūta dēdanti.
5. Aš tutūcuj: „padē Dīvs“,
6. Ma tutūtis pautēli.
7. Aš pautēli močūtēj,
8. Ma močūtē bāndēle.
9. Aš bāndēle kaulēlej,
10. Ma kaulēlē paršēli.
11. Aš paršēli vilkēliuj,
12. Ma vilkēlis šubēle.
13. Aš šubēle kūniguj,
14. Ma kūnigas karvēle.
15. Aš karvēle ponēliuj,
16. Ma ponēlis žirgēli.

Titars, nabags, skāidas lasa
 Basām kājām, plikiem lielēm.
 Istek Mālu Ritentiņš:
 Labdien, labdien, rāiba gove!
 Kur tu man tō pienu liksi?
 — Es tō pienu ļauķim došu,
 Ķauķis man to speķi dos;
 Es tō speķi kurpniekam došu.
 Kurpnieks man tās kurpes dos;
 Es tās kurpes brūtei došu,
 Brūte man tās mutes dos;
 Es tās mutes Leitim devu,
 Leitis man tō ķēvi deva;
 Es tō ķēvi vilkam devu,
 Vilks man smuki padancoj':
 Trādi rīdi ralla-la.

1) „Lu, lu“ съ послѣднимъ
 словомъ каждого стиха повто-
 ряется во всѣхъ строфахъ.

17. Ant žirgėliu jódžiau,
18. Sāvu rūra ródžiau.
19. Pyragėlius rajkaú,
20. Abù galù kraįpiaú.

Var. L. — —. L.-P. IV¹⁾
стр. 95 и 96.

1. Tèvs sėd akas kalnà²⁾,
Pupu kule mugurà.
2. Es prasiju vienu pupu,
Viņš man deva visu kuli.
3. Es tō kuli cūkai devu,
Cūka man tō speķi deva.
4. Es tō speķi kurpniekam
devu,
Kurpnieks и т. д. какъ выше.

XIX. Служба.

(Различное вознаграждение.)

Schl. стр. 50. Jušk. L. d. 156. L. — —. Zim. II, 20; (III, 2).
Bar. 138. B. et W. 2144; (2141).

Šlūžyiau pri sāvo pōno
Ant pirmo mēto;
Užsipelniaú vištėlę vėnā.
(: Māno vištā vištýčius vadžó. :)

Pasilikaú pri sāvo pōno
Ant antro mēto;
Užsipelniaú antėlę vėnā.
Māno āntis pēr vāndens¹⁾
bráidžo,
Māno vištā vištýčius vadžó.

Pasilikaú pri sāvo pōno
Ant trėčo mēto.
Užsipelniaú žasėlę vėnā.
Mano žāsins gargadōns,
Māno āntis pēr vāndens bráidžo,
Māno vištā vištýčius vadžó.

Dzivoj' pie kundziņa
Pirmu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
vistip'.

Vistip' mani pāutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gāilus.

Dzivoj' pie kundziņa
Ōtru gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
gāilit'.

Gāilit's mani ķiku rigu,
Vistip' mani pāutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gāilus.

1) Latweeschu tautas-pasakas
šarakstijis Anss Lerchis-Puschkaitis. IV. daļa. Jelgavā 1893.

2) У В. et W. между прочимъ и:
Vecais tēvs likā bērza,
Pupu kule mugurā.

1) Шлейхеръ здѣсь замѣчаетъ:
„pār vāndens, wie sie singen,
steht doch wol nur für pēr vān-
denius“.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant ketviřto méto.
 Užsipelniaū ožkélē vėnā,
 Máno ožýs ¹⁾ širmavóks,
 Máno žąsins gargadóns,
 Máno ántis pėr vándens bráidžo,
 Máno vištā vištýčūs vadžó.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant pėnkto méto.
 Užsipelniaū avėlė vėnā.
 Máno avis šiltā vilnā,
 Máno ožýs ir t. t.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant šešto méto.
 Užsipelniaū kiaulėlė vėnā.
 Máno kiaulė krukurágo,
 Máno avis šiltā ir t. t.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant septinto méto.
 Užsipelniaū karvėlė vėnā.
 Máno kárvė gėrā pėnā,
 Máno kiaulė krukurágo ir t. t.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant áštunto méto.
 Užsipelniaū jautėlį vėnā.
 Máno jáutis stiprių ragų,
 Máno kárvė gėrā pėnā ir t. t.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant devinto méto.
 Užsipelniaū žirgėlį vėnā.
 Máno žirgas eitíninks,
 Máno jáutis stiprių ragų ir t. t.

Pasilikaū pri sávo póno
 Ant dešimto méto.
 Užsipelniaū mergėlė vėnā.
 Máno mergā sáldžė méilė,
 Máno žirgas eitíninks,
 Máno jáutis stiprių ragų,

Dzivoj' pie kundziņa
 Trešu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu pilīt'.
 Pilīt' mani piku, peku,
 Gáilīt's mani ķiku rigu,
 Vistiņ' mani páutus dēja
 Smukus un dāilus,
 Vistas un gáilus.

Dzivoj' pie kundziņa
 Ceturtu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu
 cūciņ'.

Cūciņ' mani riku, raku,
 Pilīt' mani piku, peku,
 Gáilīt's mani ķiku rigu,
 Vistiņ' mani páutus dēja etc.

Dzivoj' pie kundziņa
 Piektu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu
 áitiņ'.

Áitiņ' mani villu nesa,
 Cūciņ' mani riku, raku,
 Pilīt' mani piku, peku,
 Gáilīt's mani ķiku rigu,
 Vistiņ' mani páutus dēja,
 Smukus un dāilus etc.

Dzivoju pie kundziņa
 Sestu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu
 gosniņ'.

Gosniņ' mani pienu deva,
 Áitiņ' mani villu nesa etc.

Dzivoju pie kundziņa
 Septitu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu
 zirdziņ'.

Zirdziņš mani seglus nesa,
 Gosniņ' mani pienu deva etc.

Dzivoju pie kundziņa
 Astotu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu zosīt'.

1) Шлейхеръ слышалъ и оžins.

Máno kárvė góra pėnā,
 Máno kiaulė krukurágo,
 Máno avis šiltą vilnā,
 Máno ožys širmavóks,
 Máno žąsins gargadóns,
 Máno ántis pėr vándens bráidžo,
 Máno vištā vištýčus vadžó.

Zosít' mani bárzdu dzina,
 Zirdziņš mani seglus.nesa,
 Gosniņ' mani pienu deva,
 Aitiņ' mani villu nesa,
 Cūciņ' mani riku raku,
 Piliť' mani piku peku,
 Gáilť's mani ķiku rigu,
 Vistiņ' mani páutus dēja
 Smukus un dāiļus,
 Vistas un gáilus.

XX. Прощаніе.

(Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей.)

Jušk. L. sv. d. 619; 622 и 623.
 Rh. 83 (296).

1. Kad sėdau už stalėliu
 Su jāunūju bernėliu,
 O krīnta, býra
 Ma ašarėlės
 Par skąjsčūtus vejdėlius.
2. Kad ėjau nū stalėliu,
 Nū báltūjū stalėliu: —
 O jau sudėvu
 Baltām stalėliuj,
 Jau daugiaús ne mazgóstu.
3. Kad ėjau par aslėlę,
 Par lýgeję aslėlę: —
 O jau sudėvu
 Lýgtaj aslėlej,
 Jau daugiaús aš ne šlėsu.
4. Kad ėjau par durėles,
 Par tėvėliu durėles: —
 O jau sudėvu
 Naújoms durėlėms,
 Aš daugiaús ne varstýstu;
5. Varstýstu anytėlės,
 Bernūžiu motýnėlės,
 Tānkej varstýstu

R. kr. VI, стр. 107; стр. 108.

Ar Dieviņu, mīlas mājas!
 Es pa jums vāirs nestāigāšu.
 Ar Dieviņu, ļauki, dārzi!
 Es pa jums vāirs nestrādāšu.
 Ar Dieviņu, kalni, lejas!
 Es pa jums vāirs nedziedāšu.
 Ar Dieviņu vārti, dvāri!
 Es jūs nu vāirs nevārstīšu.
 Ar Dieviņu, zelta aka!
 Še ūdeni vāirs nesmelšu.
 Ar Dieviņu, meži, birzes!
 Līdz ar putnu dziesmiņām;
 Še nekad vāirs nedzirdėšu
 Jūsu jaukāš balstiņas.
 Ar Dieviņu, mīlā upe!
 Ar tām zaļām pakraujām,
 Kur ar savu mīlākaju
 Pirmo reizi runajām. etc.

Var. R. kr. стр. 108.
 Magazin стр. 5.

1. Cik īsi, cik jāuki man aiz-
 gājis
 Tas saldigais jaunības laiciņš!

- Sāvē graudīnsu,
 Aš graudžoj apsivérksu.
 6. Kad ējaū par dvarēlī,
 Par žālējē vejēlē: —
     O jau sudiēvu
     Žāliaj vejēlej,
 Aš daugtaūs ne mýntosū.
 7. Kad ējaū par dvarēlī
 Ī rutēliu daržēlī: —
     O jau sudiēvu
     Žalióms rutēlēms
 Ir vistēms žolynēliams.
 8. Kad ējaū iš daržēliu,
 Iš naújūjū daržēliu: —
     O jau sudiēvu
     Naújam daržēliuj,
 Aš daugtaūs ne vājksčtosu.

— — — — —

Káds būs tas uz priekšu, to ne-
 zinu vis,
 Tapeč táds skumigs mans vai-
 dziņš.

2. Jūs miligas, parastas vie-
 tiņas,

Vaj reiz vēl kad mišu še kājas?
 Ai, ai! nevarešu aizmirst nemaz,
 Jūs manas jaunības mājas!

3. Te paliek nu tētīts, te me-
 miņa,

Te viss mans jaunības mūžiņš!
 Vaj varešu parast tur svešumā?
 Vaj miligs būs mūžiņa draudziņš?

4. Jūs mīlas draudzenes, mā-
 siņas,

Ne-aizmirstiet vis mani vienu!
 Lai sirsnīgas paliek mums vie-
 notas,

Līdz pašu beidzamo dienu!

— — Ar Dieviņu, nu palieci,
 Mana veca dzīvošan'!

Dod, Dieviņu, pie tautieša
 Man jo labu dzīvošan'!

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Введеніе.

И въ цивилизованномъ мірѣ, и въ научныхъ кружкахъ давно признано значеніе народныхъ пѣсенъ. Никто никогда еще не отрицалъ достоинства народныхъ эпосовъ: „Иліады“, „Одиссеи“, „Нибелунговъ“, „Слова о полку Игоревѣ“, и даже маленькихъ лирическихъ произведеній народнаго духа, какъ реальныхъ преданій народовъ. Точно также и дайнамъ (литовскимъ и латышскимъ народнымъ пѣснямъ) давно уже удивлялись, и ихъ разсматривали такіе выдающіеся писатели, какъ, напр., Лессингъ, Гердеръ и Гёте. И первые собиратели литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ признали какъ ихъ глубокую древность, такъ и ихъ научную цѣнность. Такъ Стендеръ говоритъ: „Историческія пѣсенки показываютъ, что онѣ очень старинны, потому что въ нихъ находятся слѣды временъ язычества. Слышатся въ нихъ: Dieva dēli сыны бога, Dieva zirgi лошади бога, Dieva vėrši быки бога, Dieva putni птицы бога, Saules meita дочь Солнца, Meža mātė богиня лѣса, Jūras mātė богиня моря, Vėja mātė богиня вѣтра etc.“¹⁾. Реза пишетъ: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пѣсни, имѣющія предметомъ своимъ мифологическія событія, относятся къ древнѣйшимъ временамъ язычества“²⁾. — — „Вообще изъ пѣсенъ, переносящихъ насъ въ домашній бытъ народа, можно получить поучительныя свѣдѣнія о мифологіи, археологіи, филологіи и

1) St. стр. 273.

2) Rh. стр. 333.

этнографіи“¹⁾. Лескинъ говоритъ: „Многія пѣсни составляютъ старинное достояніе и сохраняютъ посредствомъ рѣимы древнія формы, напр., *mānei*, *jaunāmuī*, которыя теперь болѣе не употребляются“²⁾. Бютнеръ, въ своемъ предисловіи, выражается слѣдующимъ образомъ: „Сдѣланныя мною сравненія показали, что большинство пѣсенъ въ Лифляндіи было извѣстно и здѣшнимъ латышамъ въ Курляндіи, изъ чего я заключилъ о ихъ глубокой древности и цѣнности, которую онѣ имѣютъ у народа“³⁾. Далѣе онъ указываетъ, что одною изъ цѣлей обработки его сборника было: „открыть языковѣдамъ источникъ изученія настоящаго латышскаго языка“⁴⁾. Въ своей статьѣ „*Die lettischen Sonnenmythen*“ В. Мангардтъ признаетъ, что гениальное остроуміе А. Куна, основателя сравнительной мифологіи, нашло въ Ведахъ, этомъ до нашего времени сохранившемся древнѣйшемъ осадкѣ (*Niederschlag*) арійскаго вѣрованія, ключъ для многихъ загадокъ греко-римской, славянской, германской мифологіи. Потомъ онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Другой такой же старинный и въ первобытной чистотѣ сохранный слой (*Schicht*) мифическихъ традицій, значительнаго объема, одного рода и равномернаго отношенія къ одной и той же области природы, зналъ я въ латышскихъ и литовскихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя описываютъ жизнь Солнца, его восходъ, закатъ и ночное пребываніе“⁵⁾. — — „При сравнительномъ разсмотрѣніи, сразу бросается въ глаза глубокая древность этихъ пѣсенъ“⁶⁾.

Итакъ, если множество литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, само-по-себѣ, указываетъ на глубокую ихъ древность (*ein hohes Alter*), то это становится еще понятнѣе при ихъ сравненіи. Уже В. Мангардтъ говоритъ: „Если токово было содержаніе этихъ пѣсенъ еще до начала тринадцатаго столѣтія, въ главныхъ чертахъ, то точное соотвѣтствіе между литовскими и латышскими пѣснями ведетъ,

1) *Ib.* стр. 355.

2) *Lesk.* стр. 5.

3) *Bütt.* стр. III.

4) *Ib.* стр. IV.

5) *Zeitschrift für Ethnologie*, Jahrgang 1875, стр. 74.

6) *Ib.* стр. 86.

можетъ быть, и уже касательно контекста произведеній къ подобнымъ результатамъ. Ибо, сколько мы знаемъ, сообщеніе между латышами и литовцами съ начала господства нѣмецкаго ордена было такъ затруднительно и даже прервано, что мы должны перенести обмѣнъ ихъ духовныхъ произведеній къ предыдущему періоду, когда еще поэтическія произведенія одного латышскаго народа путемъ устнаго распространенія очень скоро становились общимъ достояніемъ и другого. Но соотвѣтствія ихъ предполагаютъ обмѣнъ готовыхъ пѣсенъ“¹⁾. — Въ нижеслѣдующемъ я надѣюсь привести и многочисленныя доказательства мнѣнія Мангардта, высказаннаго имъ тамъ же:

„Возможно, что нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ представляютъ собою передѣлку (Umdichtungen) еще болѣе древнихъ, совершенно въ томъ же самомъ родѣ, какъ аллитерирующія пѣсни Эдды (Hamarsheimt, Fjölsvinnsmál, Gróngaldr, Grippispá, Sólarljóðh), которыя странствовали въ четырнадцатомъ или пятнадцатомъ столѣтіяхъ въ риѣмованной передѣлкѣ на новый ладъ (in gereimter Modernisirung) отъ норвежцевъ къ датчанамъ и шведамъ и наоборотъ²⁾. Мнѣ кажется довольно яснымъ, что теперешній видъ нашихъ пѣсенъ не можетъ быть первобытнымъ. Рядомъ съ краткими четверостишіями, которыя обыкновенно встрѣчаются у латышей, появляются у нихъ еще и болѣе длинныя и обширныя пѣсни, которымъ соотвѣтствуютъ совершенно сходныя съ ними литовскія пѣсни (Seitenstücke), слѣдовательно, первыя — не что иное, какъ сокращенія болѣе полныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ своимъ содержаніемъ картинки простыхъ поэтическихъ жанровъ (Genrebildchen); если же, напротивъ, какъ мы увидимъ, въ другихъ пѣсняхъ, миѣическія существа, — дочь Солнца или Мѣсяца и т. д., — приводятся говорящими, то это предполагаетъ другую — болѣе значительную цѣль, которая не видна изъ самого текста, а понятна какъ первичное образованіе и остатокъ болѣе древняго вида нашихъ пѣсенъ, въ которомъ онѣ представляютъ гимны, хвалебныя пѣсни такого рода, гдѣ

1) Ib. стр. 87.

2) Справ. ero Nachweise, Zeitschr. f. d. D. Myth. IV. 450 и Christ. Rauch, die skand. Balladen des Mittelalters. Berlin 1873. Progr.

за эпическими описаніями подвиговъ божества, которыя, ради живости, иногда влагаеть поэтъ въ уста ему, слѣдовало смиренное удивленіе или благоговѣйное моленіе“¹⁾. Срав. Спр. стр. 213, № 32:

Saule sėja sudrabių	Солнце съѣтъ серебро
Celmainā lidumā;	На пасѣкѣ съ пнями;
— Sēj, Saulit', manu tiesu	— Сѣй, Солнышко, и мою долю
Jel celmiņa galiņā!	Хотя на кончикѣ пня!

„Какъ бы то ни было, въ сообщенныхъ пѣсняхъ, которыхъ насчитывается около сотни, открывается нашему взору богатое сокровище мифологической поэзіи, постоянную тему которой представляетъ восходъ и закатъ солнца съ сопровождающими ихъ явленіями“²⁾.

Несмотря на очень многія другія соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсень, моя работа, содержащая, считая круглымъ числомъ, всего 500 пѣсень, увеличиваетъ богатое сокровище („reiche Schatzkammer“) В. Мангардта вчетверо, и не только пѣснями мифологической поэзіи. Такъ какъ ученые, напр., Л. И. Реза, В. Мангардтъ, А. Беценбергеръ и другіе, нашли какъ бы случайно нѣкоторыя соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсень, и А. Беценбергеръ, какъ это уже въ предисловіи упомянуто, выразился даже, что оказалъ бы великую услугу тотъ, кто бы указалъ на таковыя соотвѣтствія въ большемъ числѣ, — то я принялся за это нелегкое дѣло и рѣшился подвергнуть всю до сихъ поръ собранную литовскую и латышскую народную поэзію сравнительному разсмотрѣнію. Всего на все мнѣ пришлось просмотрѣть около 24,000 народныхъ пѣсень — приблизительно 6,000 литовскихъ и 18,000 латышскихъ. Если бы мы, судя по этимъ даннымъ, стали думать, что латышскія пѣсни въ совокупности превосходятъ литовскія втрое, то мы жестоко ошиблись бы: литовскія даины, среднимъ числомъ, имѣютъ 10, 20, 30 и еще болѣе строфъ, латышскія же пѣсни болѣею частью лишь 4, 6 или 8 стиховъ. Латышская народная поэзія только въ меньшинствѣ случаевъ содержитъ тексты, похожіе на литовскіе по объ-

1) Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, стр. 87 и 88.

2) Ib. стр. 88.

ему. Болѣе или менѣе точно совпадающими параллельными текстами оказались 74, именно 37 литовскихъ и 37 латышскихъ народныхъ пѣсенъ; если къ нимъ прибавить еще 221 латышскій и 205 литовскихъ вариантовъ, то всего будетъ 500 такихъ произведений.

По содержанію, я раздѣлилъ эти параллельные тексты на слѣдующіе 20 отдѣловъ:

I. О пѣннѣ	по 1 пѣснѣ съ 2 лит. и 5 лат. вар.				
II. Миѣическія пѣсни . . .	" 8 пѣсенъ "	18	"	52	" "
III. Военныя пѣсни . . .	" 4 пѣсни "	51	"	37	" "
IV. О похищеніи невѣсты . .	" 1 пѣснѣ "	23	"	4	" "
V. Объ упавшемъ вѣнкѣ . .	" 1 " "	20	"	8	" "
VI. " " колыцѣ	" 1 " "	6	"	12	" "
VII. " " съ ло- шади юношѣ	" 1 " "	10	"	—	" "
VIII. О потерянномъ конѣ . .	" 1 " "	5	"	5	" "
IX. О сватаніи, о ночлегѣ . .	" 5 пѣсенъ "	19	"	12	" "
X. Братъ посѣщаетъ вы- шедшую замужъ се- стру	" 1 пѣснѣ "	4	"	6	" "
XI. Сиротскія пѣсни	" 3 пѣсни "	13	"	18	" "
XII. Странное обѣщаніе . . .	" 1 пѣснѣ "	6	"	4	" "
XIII. Дорогая семья	" 2 пѣсни "	7	"	2	" "
XIV. Пьяница	" 1 пѣснѣ "	1	"	1	" "
XV. Свадьба птицѣ, волка . .	" 1 " "	11	"	8	" "
XVI. О козлѣ	" 1 " "	4	"	5	" "
XVII. Колыбельныя пѣсенки . .	" 1 " "	—	"	18	" "
XVIII. Многократный обмѣнъ . .	" 1 " "	—	"	16	" "
XIX. Служба и различное вознагражденіе	" 1 " "	2	"	4	" "
XX. Прощаніе	" 1 " "	3	"	4	" "

Итакъ, первое мѣсто занимаютъ миѣическія пѣсни (числомъ 8). Далѣе слѣдуютъ пѣсни о сватаніи, о ночлегѣ (ч. 5), военныя пѣсни (4), сиротскія пѣсни (3), дорогая семья (2) и, наконецъ, всѣ другія (числомъ 15 отдѣловъ) — по одной пѣснѣ. — При дѣленіи пѣсенъ по вариантамъ устанавливается слѣдующій порядокъ: 1) военныя пѣсни (51 + 37), миѣическія пѣсни (18 + 52), 3) о сватаніи, о ночлегѣ (19 + 12), 4) сиротскія пѣсни (13 + 18), 5) объ упавшемъ вѣнкѣ (20 + 8),

6) о похищеніи невѣсты (23 + 4), 7) свадьба птицъ, волка (11 + 8) и т. д.

Приведенное мною выше мнѣніе многихъ ученыхъ касательно глубокой древности литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ могу и я здѣсь подтвердить. Ибо, какъ мы это уже выше видѣли, В. Мангардтъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что сообщеніе между латышами и литовцами, съ начала господства нѣмецкаго ордена, было такъ затруднительно, что обмѣнъ ихъ духовныхъ произведеній нужно искать въ періодъ до прибытія нѣмцевъ. О сообщеніи литовцевъ между собою, съ одной стороны, и латышей между собою, съ другой, послѣ прекратившагося господства ордена, должно сказать тоже самое. Во время крѣпостного состоянія сообщеніе, напр., латышей между собою, почти совершенно прекратилось и оставалось въ такомъ положеніи до приобрѣтенія ими права отпуска по паспортамъ, въ 1863 г. И какъ, вслѣдствіе этого почти несуществовавшего сообщенія, „каждый округъ, даже каждый приходъ, даже, можно сказать, самая малѣйшая волость имѣла свое нарѣчіе, по свойствамъ котораго внимательное и опытное (geübte) ухо непременно могло узнать происхожденіе говорящаго“¹⁾, точно также каждый округъ, каждый приходъ, даже малая волость обладаетъ своими діалектически отгѣняющимися народными пѣснями. Относительно литовскаго языка и литовскихъ дайнъ, Фортунатовъ и Миллеръ пишутъ: — „Едва ли другой индо-европейскій языкъ столь богатъ діалектическими отгѣнками, какъ языкъ литовскій, который въ русскихъ областяхъ Литвы, не имѣя литературной жизни, чуждъ всякой устойчивости. Каждая десять, двадцать верстъ можно уже подмѣтить нѣкоторыя особенности, интересныя въ этимологическомъ, фонетическомъ или лексическомъ отношеніяхъ. Часто въ одной мѣстности сохраняется черта глубокой древности, уже исчезнувшая въ другихъ говорахъ. Изученіе мѣстныхъ говоровъ имѣетъ важное значеніе для исторіи языка, что уже давно признано наукою“²⁾. — „Народное творчество не изсякло доселѣ: въ каждой деревнѣ есть

1) Справ. Die Lettische Sprache von A. Bielenstein. I. Theil, стр. 16.

2) Ф.-М. стр. 2.

пѣсни“ etc.¹⁾). И если все-таки эти пѣсни, по ихъ содержанію, несмотря на ихъ мѣстные диалектическіе оттѣнки, вездѣ въ латышской и литовской областяхъ распространены, какъ это замѣтили и нѣкоторые собиратели (см. выше), — то все это свидѣтельствуетъ о ихъ глубокой древности. То же самое подтверждается сходствомъ литовскихъ пѣсень съ латышскими.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы подробно, по формѣ и содержанію, рассмотримъ параллельные тексты въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ они помѣщены въ предыдущемъ отдѣлѣ.

I. О пѣніи.

Параллельные тексты о пѣніи такъ скудны, что можно было бы оставить ихъ почти безъ вниманія, если бы здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о пѣсняхъ, не было такъ умѣстно подвергнуть ихъ краткому разсмотрѣнію, какъ бы въ видѣ эпиграфа и введенія. Сверхъ того, относящаяся сюда поэзія, именно латышская, чрезвычайно богата пѣснями о пѣніи. Стоитъ только заглянуть въ новѣйшій сборникъ „Latwju dainas“, заключающій въ себѣ много сотенъ пѣсень такого содержанія. Издавна пѣніе происходитъ отъ богини. *Māņu dziedē, dziedē*, такимъ призываніемъ богини начинается Иліада. Латышскія народныя пѣсни упоминаютъ Лайму или Марю какъ богиню пѣнія, какъ-то :

<i>Dziesmas dēļ, sveši (v. labi)</i>	Изъ-за пѣсни, чужіе (v. добрые) люди,
<i>Ienaidīņa necēlat!</i>	Не затѣвайте ссоры,
<i>Dziesmit' dziedu kād' esošu —</i>	Пѣсенку пою, какова она есть,
<i>Ne ta mana padarīta.</i>	Она не мною сочинена.
<i>Tō rakstīja māmuliņa,</i>	Ее написала маменька,
<i>Kad guleju šūpulī.</i>	Когда я спала (спалъ) въ колыбели.
<i>Ar' māmīņa nezinātu,</i>	И маменька не знала бы,
<i>Kaut Laimiņa neteikusi ²⁾.</i>	Если бы Лайминья ³⁾ ей не сказала.

1) Ф.-М. стр. 4.

2) Аг. М. 66.

3) Уменьшительное имя богини Лаймы.

Или:

Mīla Laima, Dieva meit',
Nāc dziesmiņas darināt:
Teic dziesmiņas, dziedī pati
Par jauniem, par veciem ¹⁾).

Милая Лайма, дочь бога
(Dieva),
Приходи сочинять пѣсенки!
Скажи пѣсенки, пой сама
О молодыхъ, о старыхъ.

Или:

Kad es dziedu, koši dziedu,
Kad es raudu, žēli raudu;
Kā es koši nedziedašu,
Māra dziesmu teicejīņa;
Kā es žēli neraudašu,
Kad es biju sērdienite ²⁾).

Когда я пою, прекрасно пою,
Когда я плачу, жалобно плачу;
Какъ мнѣ прекрасно не пѣть,
Маря сказательница пѣсень;
Какъ мнѣ жалобно не плакать,
Когда я была сиротинушка.

Маря (= Māra, Maria) не что иное, какъ интерполация, христіанская замѣна, вмѣсто Лаймы, какъ это уже и Бютнеръ и Мангартъ совершенно вѣрно указали ³⁾. Лайма — специфически литовско-латышское божество, о которомъ подробнѣе мы поговоримъ тамъ, гдѣ оно встрѣчается и въ литовскихъ текстахъ. „Упоминаніе Мари въ пѣсняхъ, собранныхъ въ Курляндіи и евангелической Лифляндіи, вводитъ насъ во времена католичества, за три слишкомъ столѣтія тому назадъ“ ⁴⁾.

Литовскія народныя пѣсни о пѣніи, не упоминающія ни о Лаймѣ, ни о Марѣ, какъ о музѣ, имѣютъ, напротивъ, другой оттѣнокъ, который, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ большую древность ихъ языка. Это, именно, слово „daina“ (пѣсня, былина), dimin. dainėle, глаголъ dainoti (пѣть). Несельманъ говоритъ, что слово daina, мн. ч. dainos, есть особенность только литовскаго языка и не встрѣчается ни въ какомъ другомъ ему родственномъ. Это слово означаетъ свѣтскую или народную пѣсню, въ противоположность духовной или церковной пѣснѣ, называющейся giesmė ⁵⁾. Но, мнѣ кажется, въ латышскомъ языкѣ это слово совершенно

1) Ib. и B. et W. 22.

2) Büttner, Motto и Брив. 1.

3) Büttner стр. 250. — W. Mannhardt, Die lettischen Sonnenmythen стр. 86.

4) W. Mannhardt ib.

5) Ness. стр. X.

не исчезло. Ульманъ въ своемъ словарѣ приводитъ: „Daina, -as, daina, ein litthauisch Lied. Dainot, dainot (Lth. dainoti von daina), die dainos singen, kreischen, lustig sein. Oberl. Dainoties in N. Autz: tanzen, sich zeigen. Scheint in Livl. unbekannt“¹⁾. У Стендера встрѣчается: „dainot, kreischen und lustig sein. Obl.“²⁾. Несомнѣнно, что того же корня лит. dai-na и лат. die-t (плясать, прыгать, *chorum ducere*); далѣе, лат. dei-ja (пляска, хороводная пляска), dei-ni-ti-s³⁾ (плясунъ). Имѣется латышская пословица, какъ: *Tas lecams, tas deijams* (это для прыганія, это для плясанія, т. е., для хоровода). Эту пословицу примѣняютъ къ людямъ, носящимъ одно только платье, и по буднямъ, и по воскресеньямъ. Итакъ, *daina* означаетъ первоначально веселую, разудалую пѣсню, при пѣнии которой и плясали; слѣдовательно *dainoti* значить: пѣть пѣсни и плясать, подобно тому, какъ лат. *līgots* (лит. *līgōti*): пѣть на Ивановъ-день подходящія пѣсни, плясать хороводную пляску, „hin und her schwanken, sich hüpfend, schaukelnd bewegen“, словомъ — веселиться. Лат. *dziesma* представляетъ болѣе обширное понятіе, чѣмъ лит. *giesme*. Между тѣмъ, какъ послѣдняя употребляется лишь въ значеніи духовной и церковной пѣсни, первую — *dziesma* — примѣняютъ и къ свѣтскимъ народнымъ пѣснямъ. Такъ, напр., у латышей имѣются издавна *ganu dziesmas* (пастушескія пѣсни), *kāzu dziesmas* (свадебныя пѣсни) и т. д. Сюда относящійся лат. параллельный текстъ и есть какъ разъ пастушеская пѣсня. Искони латышъ снабдилъ названіемъ *dziesma* только тѣ народныя пѣсни, которыя извѣстны подъ наименованіемъ „пѣсни на какой-либо случай“, напр., свадебныя пѣсни, пастушескія пѣсни, пѣсни на Ивановъ-день и т. д. Лат. нар. пѣсни, которыя не подходятъ къ рубрикѣ пѣсенъ на извѣстный случай, латыши, со временъ Стендера, стали называть — *zinge, zingis*. Странно, что *zinge* и есть какъ разъ тѣ пѣсни, между которыми почти исключительно мы

1) См. Lettisches Wörterbuch. Erster Theil. Lettisch - deutsches Wörterbuch von Bischof Dr. Carl Christian Ulmann. Riga, 1872.

2) Справ. Lettisches Lexikon. In zween Theilen abgefasst, und den Liebhabern der lettischen Litteratur gewidmet von Gotthard Friedrich Stender. Mitâu, 1789.

3) Одна лат. нар. пѣсня начинается: *Deij, deij, deiniti!* (Танцуй, танцуй, танцоръ!)

находимъ латышскія соотвѣтствія къ лит. дайнамъ. Итакъ, длинныя лат. нар. пѣсни, такъ называемыя *zingi*, *zinges*, и по содержанію, и по формѣ, очень похожи на литовскія, а короткія лат. нар. пѣсни на извѣстный какой-либо случай, болѣе частью четверостишія, различаются отъ лит. дайнъ болѣе всего и, повидимому, образовались на специфически латышской почвѣ. Такъ какъ слово *zinge*, безъ сомнѣнія, заимствовано изъ нѣмецкаго языка, и многія лат. нар. пѣсни, имѣющія видъ балладъ и романсовъ и соотвѣтствующія при томъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, литовскимъ дайнамъ, существовали несомнѣнно — какъ это уже выше указано — еще до прибытія въ край нѣмцевъ, то возникаетъ вопросъ, какое наименованіе имѣли эти пѣсни первоначально? было ли то слово „*daina*“, которое замѣнилось словомъ „*zinge*“ и впослѣдствіи совершенно было забыто латышами? — И вмѣсто *dainot* (пѣть дайны) стали употреблять *zinget*, *zingat* или *zingot*. Въ научномъ и литературномъ ежемѣсячномъ журналѣ „*Austrums*“¹⁾ помѣщены нѣкоторые данныя, по которымъ слово *daina* еще теперь встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. По упомянутымъ даннымъ, *daina* и *dainot* употребляются и теперь еще въ волостяхъ Ливень и Унгернгофъ (Витебской губерніи, Двинскаго уѣзда). Въ Курляндіи, въ Фридрихштатскомъ уѣздѣ, слышится изъ устъ стариковъ „*daĩnas*“, „*daĩnot*“ и, наконецъ, въ Лифляндіи, въ приходѣ Эрмсъ, живетъ латышское семейство, съ фамиліею *Daina*. — Легко, очевидно, предполагать, что латыши первоначально называли дайнами, по крайней мѣрѣ, свои длинныя баллады и романсовидныя народныя пѣсни, очень похожія, какъ мы это увидимъ ниже, на литовскія.

Хотя, съ одной стороны, наши параллельные тексты о пѣннѣ, во-первыхъ, по ихъ разному размѣру, во-вторыхъ, по ихъ содержанію, относятся другъ къ другу только какъ варианты, — все-таки, съ другой стороны, въ виду ихъ почти буквально соотвѣтствующаго начала, нельзя не признать, что ихъ пѣвцы руководствовались общимъ — болѣе стариннымъ — образцомъ. Какъ литовскіи, такъ и латышскіи пѣвецъ (или пѣвица) признаются, что они пропѣли всѣ пѣсни, лишь одной еще не пѣли; эту послѣднюю пѣсню литовская

1) 1894 г., № 1, стр. 118.

пѣвица хочетъ пѣть весною, при полотьѣ сорныхъ травъ (rutėles rovédama), а латышская — вечеромъ маленькой сестрѣ (mazajai māsīpai). Лат. пѣвецъ (пѣвица) поетъ свою пѣсню какъ разъ на пастбищѣ и, слѣдовательно, не зимою, а литовскій пѣвецъ поетъ въ то время, когда нѣтъ весны. Лит. текстъ имѣетъ еще нѣсколько строфъ, изъ которыхъ (по Bezz. L. F. 54. Jušk. L. d. 66), съ одной стороны, положительно явствуется, что пѣвецъ здѣсь дѣвица (mergėle), а съ другой, по Юшкевичу (var. 756), юноша (bernėlis), пѣсельникъ (dainorius). По лат. тексту (и v. 145) поетъ тоже дѣвица, а по v. 144 — мужчина. Надо здѣсь еще замѣтить, что литовскому rutà (уменьш. rutėle) соотвѣтствуетъ въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ rōze (роза): въ литовскихъ дайнахъ rutėles rovédama (полючи руты), а въ латышскихъ rōzes ravédama¹⁾ (полючи розы). Рута въ лат. нар. пѣсняхъ встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, очень рѣдко, и то только въ нѣкоторыхъ нар. пѣсняхъ верхне-латышскаго говора. Само собою разумѣется, что и лат. пѣвецъ, подобно литовскому, охотно поетъ весною, когда вся природа пробуждается, когда радуются и животныя, и человѣкъ, и всякая тварь. Сверхъ того объ этомъ свидѣлствуетъ пѣсенка, какъ-то:

Pavasara vakarà
Uz zaļà pakalniņa
Pirmo reizi dziedāt gāju,
Savu balsi vēdināt²⁾.

Весною, вечеромъ,
Ходилъ я на зеленый приго-
рокъ
Въ первый разъ пѣть,
Свой голосъ провѣтривать.

Какъ литовскій, такъ и латышскій пѣвецъ (или пѣвица) сознаютъ богатство своихъ пѣсенъ и выражаютъ это въ своихъ пѣсняхъ.

Aš padainosiu
Dainu dainelē,
Aš dainu bernuželis.
Aš atdarysiu
Dainu skrynelē,
Paleisiu ī lustelī.

Я пропою
Пѣсенку пѣсенъ,
Я — юноша дайнь.
Я отворю
Шкафчикъ пѣсенъ,
Выпущу ихъ въ веселье.

* * *

* * *

1) Ar. M. 36. — B. et W. 447.

2) B. et W. 270.

Aš padainosiu
Dainu dainelę,
Aš dainu mergužele.
Aš atdarysiu
Dainu skrynėlę,
Paleisiu į lustelį ¹⁾).

Я пропою
Пѣсенку пѣсенъ,
Я — дѣвушка пѣсенъ.
Я отворю
Шкафчикъ пѣсенъ,
Выпущу ихъ въ веселье.

Какъ литовецъ (литвинка) имѣетъ свой шкафчикъ пѣсенъ (dainu skrynėlę)²⁾, такъ и латышъ (латышка) имѣетъ свою пѣсенную пурю (dziesmu pūrs), пѣсенную корзинку (dziesmu vācele) и поетъ:

Man dziesmiņu pieci pūri ³⁾ —	У меня пять пуръ пѣсенъ —
Или: Man dziesmiņu trīs pū-	У меня три пуръ пѣсенъ —
riņi ⁴⁾ —	
Или: Man bij dziesmu vāce-	У меня была корзинка съ пѣс-
līte ⁵⁾ —	нями

и т. д. Кромѣ вышеупомянутой Лаймы, генія пѣнія, латышскій пѣвецъ сохранилъ въ своихъ пѣсняхъ еще другое мифологическое воспоминаніе о пѣннѣ. Онъ поетъ:

Man dziesmiņu nepietrūka,	Мнѣ хватало пѣсенъ,
Kaut ī gara vasariņa:	Хотя и долго лѣто:
Vēl manami kumeļami	Еще у моего коня
Dziesmu sega mugurā.	Покрывало пѣсенъ на спинѣ.
Jeb:	Или:
Dzirās mani sveši ļaudis	Хвастались ⁶⁾ чужіе люди
Ar dziesmām aizdziedāt:	Пѣть больше меня:
Bij manami kumeļami	У моего коня было еще
Dziesmu segli mugurā ⁷⁾ .	Сѣдло пѣсенъ на спинѣ.

1) Ness. 172. Stan. 1. Lesk. 113.

2) Слово skrynėlė, встрѣчающееся и въ лат. языкѣ (skrinis), вѣроятно, заимствовано изъ нѣмецкаго — Schrein.

3) B. et W. 47.

4) Ib. 41; 42; 49; 50; 51.

5) Ib. 43; 44; 45; 48.

6) Хвастались, ибо лат. dzirtis соотвѣтствуетъ точно лит. girtis (хвастаться).

7) Ar. M. 7. — B. et W. 46 — 1.

Jeb:

Dziedi, dziedī, dziedatāja,
 Ne tu mani aizdziedāsi:
 Bij manam kumeļam
 Dziesmu seglī mugurā¹⁾.

Или:

Пой, пой, пѣвица,
 Вѣдь ты не можешь пѣть
 больше меня:
 Было у моего коня
 Сѣдло пѣсенъ на спинѣ.

Слѣдовательно, мы находимъ въ лат. нар. пѣсняхъ о пѣннѣ нѣчто въ родѣ пегаса. Встрѣчающійся въ нихъ взглядъ, во всякомъ случаѣ, оригиналенъ и, безъ сомнѣнія, очень древній. Кромѣ названій (уже выше цитованное): *dainōrius* (пѣвецъ) и (I. v. № 1 латышскихъ миѣическихъ пѣсенъ) *sakulītis* (разсказчикъ), — ни въ лит., ни въ лат. дайнахъ не встрѣчается ни одного названія какого-нибудь поэта. Эти произведенія составляютъ, несомнѣнно, общее достояніе всего народа, потому что весь народъ участвовалъ какъ въ ихъ твореніи, такъ и въ ихъ распространеніи.

II. Миѣическія пѣсни.

Пѣсни миѣическаго содержанія и очень древни, и весьма своеобразны. Онѣ не имѣютъ почти никакого отношенія къ новѣйшему положенію вещей. Упомянутіе о Мари въ нѣкоторыхъ латышскихъ пѣсняхъ служитъ намъ мѣриломъ ихъ древности и переноситъ насъ лѣтъ за четыреста тому назадъ во времена католичества, какъ это уже выше было сказано. Кромѣ того, въ этихъ параллельныхъ текстахъ не находится ничего, что имѣло бы какое-нибудь отношеніе къ христіанству. Нессельманъ говоритъ о лит. дайнахъ, что въ нихъ „не встрѣчается ни имени Христа или Іисуса, ни событія, заимствованнаго изъ библіи, ни случайнаго упоминанія о какомъ-нибудь христіанскомъ праздниѣ, хотя бы только для опредѣленія времени (какъ, напр., въ нѣмецкомъ: *Drei Wochen nach Ostern, dann geht der Schnee weg*), или о какомъ-нибудь христіанскомъ церковномъ обрядѣ. Упомянутіе рожденій и сватаній, именно послѣднихъ, является тамъ очень часто, но не упоминается

1) B. et W. 46—2.

ни о крестинахъ ни о вѣнчаніи. Наоборотъ, мы часто имѣемъ дѣло съ множествомъ пѣсенъ изъ древней языческой мифологіи“¹⁾ etc. То же самое можно сказать и объ относящихся сюда латышскихъ пѣсняхъ и, слѣдовательно, о большей части литовскихъ и латышскихъ параллельныхъ текстовъ вмѣстѣ. Въ этихъ произведеніяхъ проявляется особая жизнь, гдѣ дѣйствующими лицами выступаетъ множество мифическихъ существъ, которыя, безъ сомнѣнія, произошли въ періодъ чистаго язычества. Онѣ содержатъ, большею частью, мифы о Солнцѣ, какъ это въ свое время доказалъ уже В. Мангардтъ. Въ нихъ, именно, рѣчь идетъ о „первой“ веснѣ, о „первомъ“ лѣтѣ, о сватаніи Солнца (Saule) къ Мѣсяцу (Mēnā, Mēness), о свадьбѣ дочери Солнца (Saules meita, Aušrine) и сына бога (Dieva dēls — Auseklis — планета Венера, или въ ея удвоенномъ явленіи: Утренняя и Вечерняя звѣзда; сыны бога, Dievo sunelei, Dieva dēli). Тамъ сердится Перкунъ (или Солнце = Saule) на Мѣсяцъ и разсѣкаетъ его мечѣмъ; на свадьбѣ Утренней звѣзды онъ выѣзжаетъ верхомъ изъ воротъ и разбиваетъ дубъ, такъ что кровь его (дуба) забрызгиваетъ дочь Солнца (Saules dukrīte, Saules meita), и послѣдняя должна три года собирать разбросанные листья своего вѣнка. На чужбинѣ блуждающая сирота спрашиваетъ богиню земли (Žemyna, dim. Žemynēle; Zemes māte), гдѣ ей посадить розу — бобъ, и богиня говоритъ ей. По вѣтвямъ этой розы — боба сирота, нища отца и мать, пробирается вверхъ до неба и видитъ сына бога, какъ онъ сѣдлаетъ коня. У него она узнаетъ, гдѣ ея родители. Послѣдніе находятся на свадьбѣ или дочери Солнца, или своей собственной незамужней, умершей дочери, или своего собственного неженатаго, ушершаго сына. Лайма, богиня судьбы, зоветъ и кричитъ громко, чтобы обратить вниманіе на утонушаго. Кромѣ бога (Dievas, Dievs) являются на сценѣ какъ Утренняя — Вечерняя звѣзда (Aušrine-Vakarine, Auseklis), такъ и другія звѣзды, между ними и Семизвѣздіе, и всѣ эти мифическія существа представляются дѣйствующими. „И это не мертвыя, отвлеченныя понятія, сохранившіяся только въ языкѣ, гдѣ, напр., въ обыденной жизни, именемъ Перкуна (Perkunas, Perkons) обозначаютъ громъ, а это дѣйствитель-

1) Ness. стр. XIII.

ныя мифологическія лица“¹⁾). Какъ и В. Мангартъ думаетъ, преимущественно имя *Dieva dēls* (сынъ бога), которое, со времени принятія христіанства, принадлежало исключительно Спасителю, и должно было считаться богохульствомъ, если бы кто-нибудь сталъ обозначать этимъ именемъ другое понятіе, а именно явленія природы, какъ это было до введенія христіанства, — а это доказываетъ, кромѣ всѣхъ прочихъ мифическихъ олицетвореній, ихъ глубокую древность. Это слово (*Dieva dēls*) могло въ своемъ мифологическомъ смыслѣ сохраняться только вслѣдствіе устойчивости древнѣйшаго традиціоннаго оборота словъ, имѣющаго что-то достопочтенное²⁾). Разсмотримъ ниже отдѣльные сюда относящіеся параллельные тексты.

1. Свадьба дочери Солнца.

Этотъ параллельный текстъ и его варианты содержатъ особенный древній мифъ. *Aušrine* (sc. *žvaigžde*, Утренняя звѣзда) или *Saules meita* (дочь Солнца) вышла замужъ за Мѣсяцъ; или *Auseklis* женился на дочери Солнца. Перкунъ поѣхалъ сватомъ или дружкой (*paņākstōs*). Въѣзжая въ ворота, онъ разбиваетъ зеленый или золотой дубъ, обрызгиваетъ кровью дуба платье дочери Солнца, или коричневый кафтанъ (*brūnus svārkus*) юноши; или онъ (Перкунъ) разбиваетъ яблоню (лат. вариантъ), при уборкѣ яблоковъ съ которой Солнце плачетъ три года. Или: дочь Солнца или само Солнце плачетъ, подбирая золотые вѣтки разбитого дуба. Верхушку дуба она ищетъ долго (три года) напрасно, пока она не находитъ ее на четвертомъ году. По совѣту матери (см. лит. текстъ), Мари (лат. текстъ), Лаймы (i. var.), Перкуна (var. W. M. 72) и другихъ вымываютъ платье (или кафтанъ или платочекъ) или въ озерѣ, въ которое текутъ девять рѣкъ (лит. т.), или въ рѣкѣ, куда текутъ девять струекъ (лат. т.), или въ рѣкѣ, имѣющей девять устьевъ etc.; платье высушиваютъ или въ саду, гдѣ растутъ девять розъ (лит. т. и лат. var. Ulm. 195, № 16), или гдѣ свѣтять девять Солнцъ, или на ясенѣ, имѣющемъ девять отростковъ (i. v.),

1) Ib.

2) См. Lettische Sonnenmythen стр. 87.

или, наконецъ, на яблонѣ, на которой девять вѣтвей (var. W. M. 72); выкатываютъ платье на каткѣ съ девятью вальками (1. var.; Ulm. стр. 195, № 16; W. M. 72); платье должно носить въ тотъ день, когда на небѣ свѣтятъ девять Солницъ (лит. т. и лат. варианты: W. M. 72; Ulm. стр. 195, № 16); наконецъ, платье должно хранить въ кладовой (лат. т.), или въ липовомъ сундукѣ съ девятью замками (1. var.), или въ такомъ сундукѣ, въ которомъ девять золотыхъ замковъ (Ulm. ib.).

Вотъ одинъ изъ мифовъ о Солницѣ, который уже В. Мангардтъ старался объяснить въ его подробностяхъ. — Вечеромъ, когда дочь Солнца выходитъ замужъ за Мѣсяцъ, или съ Утреннею звѣздою (въ лат. языкѣ Auseklis муж. р.) входитъ въ спальню новобрачныхъ, изъ которой утромъ они выходятъ блестящими, разбиваетъ Перкунъ золотой (зеленый) дубъ или яблонь, стоящіе передъ воротами (ночного неба). Дубъ и яблонь являются и здѣсь, какъ доказываетъ В. Мангардтъ¹⁾, представителями солнечнаго древа. Солнечное древо является разбитымъ, когда солнце закатывается за горизонтъ. Только нѣсколько лучей — оторванныя вѣтки, блуждаютъ по небу — покрывалу, которое въ вечерней зарѣ окрашивается кровью разбитаго дуба. Дочь Солнца — заря подбираетъ отдѣльные золотые листья и вѣтви, и небо начинаетъ темнѣть. — Что разбитіе дуба происходитъ не утромъ, какъ это по нѣкоторымъ пѣснямъ могло бы казаться, а вечеромъ, — это доказывается скорбью, плачемъ дочери Солнца (или самого Солнца). Кажется, что въ этихъ пѣсняхъ — какъ это часто встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ — сумерки и разсвѣтъ, слѣдовательно, и вечерняя и утренняя заря представлены какъ одно нераздѣльное явленіе, такъ что утренняя заря является покрываломъ, еще накануне, вечеромъ, обрызганнымъ кровью древа²⁾. Это обогрѣнное покрывало или это обрызганное кровью платье и этотъ кафтанъ моетъ, сушить etc. дочь Солнца, какъ это уже выше описано. Число девять выражаетъ, какъ это и Мангардтъ предполагаетъ, какое-нибудь отношеніе къ теченію солнца. Онъ говорить: „Можемъ ли мы допустить

1) Ib. стр. 103 сл. и стр. 226.

2) Ib. стр. 232.

гипотезу, что въ глубочайшей древности день и ночь дѣлились на 9 частей, къ какому различенію времени человѣкъ могъ прійти естественнымъ образомъ, дѣля день на три части: утро, полдень, вечеръ, а по аналогіи съ этимъ — и ночь? Или число девять въ нашихъ пѣсняхъ ничто иное, какъ *κατ' ἑξοχῇ* священное число безъ особеннаго отношенія къ природѣ? ¹⁾“

Это число девять мы будемъ встрѣчать еще часто. Реза говоритъ о немъ въ своихъ замѣчаніяхъ ²⁾: „Число девять является въ лит. нар. пѣсняхъ характеристическимъ опредѣленіемъ времени. Раздѣленіе на 7 дней и на недѣли вовсе не встрѣчается. Въ этомъ отношеніи латышская мифологія сходится съ скандинавскою. Въ Эддѣ число девять также преобладаетъ, какъ и здѣсь. Такъ говоритъ Voluspa въ самомъ началѣ своихъ мудрыхъ изреченій: *Neun Welten weiss ich und neun Räume*. См. Fr. Majer, *Mythol. Lieder der Skandinavier* стр. 105 ³⁾. Такъ говоритъ Vafthrudner (стр. 149): *Von den Runen der Riesen kann ich wahres sagen: ich kam in neun Lande bis vor Nifthel unten, wo durch Hell die Männer sterben* ⁴⁾. — И въ новѣйшей Эддѣ гласитъ въ *Gylfe-ginning-ŕ*, *Dämesaga 21*: *Niord und Skade kamen überein, dass sie neun Nächte in den Gebirgen seyn wollten. Dann sang Niord: Lang dauern die neun Nächte, nichts höre ich, als das Heulen der Wölfe. — Heimdallur* говоритъ (стр. 29):

*Neun Jungfrauen hab' ich zu Müttern,
Neun Schwestern sind sie, deren Sohn ich bin.*

1) Ib. стр. 233.

2) Rh. стр. 321 и 322.

3) Справ. Die Edda. Deutsch von Wilhelm Jordan. Frankfurt a. M. 1889. стр. 17:

Neun Weltkreise waren,
Neun Wölbungen droben.

4) Ib. стр. 55:

Aus den Runen der Riesen
Und des Reiches der Götter
Kann ich Sicheres sagen,
Dieweil ich durchwandert
Jegliche Welt.
Deren neune besucht' ich
Bis Nifelheim nieder,
Wo zur Hel
Die Helden sterben.

Это соотвѣтствіе отнюдь не случайное, а указываетъ на прежнее сношеніе скандинавовъ съ латышскими народностями. — Еще донинѣ число девять сохранилось въ поговоркахъ, напр.: *Devyni Gudai vienaŭ avinaŭ rjaucja*, девять готовъ или гудовъ (т. е. поляковъ) убиваютъ одного барана: *Kad tav devyni vilkai* — а чтобъ тебя девять волковъ!“ Эти лит. пословицы имѣютъ и лат. соотвѣтствія, о которыхъ мы будемъ подробно говорить во II части. — „Только въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ литовско-латышскихъ пѣсняхъ встрѣчается *nedelė* и *nedėldiena* въ качествѣ наименованія недѣли и воскресенья“¹⁾.

Хотя соотвѣтствія, вообще, предполагаютъ, что въ извѣстное время латыши и литовцы обмѣнивались готовыми пѣснями, все-таки это сомнительно касательно приведеннаго параллельнаго текста, потому что онъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ имѣетъ различный размѣръ. Эта народная пѣсня, повидимому, есть произведеніе латышской почвы; ибо многіе варианты показываютъ время, когда въ латышской области замѣчался еще въ живомъ, текущемъ движеніи кругъ мыслей, подобный литовской солнечной мифологіи. Нѣсколько до насъ дошедшихъ пѣсень представляютъ, можетъ быть, передѣлку или измѣненіе еще болѣе древнихъ пѣсень. В. Мангардтъ, сравнивая лат. пѣсни (о свадьбѣ Мѣсяца, Утренней звѣзды — *Auseklis* съ дочерью Солнца) съ литовскими (о свадьбѣ Солнца съ Мѣсяцемъ, о любовныхъ похищеніяхъ послѣдняго съ Утреннею звѣздой — *Morgensternnymphė*, № 4, и о свадьбѣ Аушрины, № 1) доходитъ до результата, что эта дайна (№ 1) позаимствованіе (*Uebertragung*) съ латышскаго на литовскій языкъ. Онъ говоритъ: „Здѣсь“ — т. е. въ литовскомъ языкѣ — „названія вечерней и утренней звѣзды женскаго рода (*Vakarine*, *Aušrine* *abendlicher*, *morgenlicher*, sc. *žvaigždė*, *Stern*); потому онѣ не подходятъ подъ жениховъ дочери Солнца, поэтому-то Мѣсяцъ любезничаетъ, съ одной стороны, съ самимъ Солнцемъ, съ другой стороны, съ нимфою Утренней звѣзды — *Morgensternnymphė* (см. лит. текстъ, № 4). Также въ 78 (т. е. здѣсь № 1 лит. текста) Утренняя звѣзда является невѣстою, и, такимъ обра-

1) Rh. стр. 321.

зомъ, встрѣчающаяся въ той же самой пѣснѣ дочь Солнца, подбирающая вѣтви, перестаетъ быть тождественною съ ней. Это обстоятельство убѣждаетъ меня въ томъ, что эта пѣсня позаимствована изъ латышскаго языка и вслѣдствіе того подвергалась означеннымъ измѣненіямъ“¹⁾).

Поучительны для насъ тоже 2-й и 3-й варианты. Вначалѣ они оба различаются отъ выше изложеннаго текста о миѳической свадьбѣ. Во 2-мъ вариантѣ выступаетъ нѣкій герой, говоря:

„Кони ржутъ, бѣсы ѣдутъ,
Журча течетъ ручеекъ;
Я стою на берегу
Съ острымъ мечемъ.
Я разсѣкъ голову бѣса
На девять частей.
У меня обрызганъ коричневый кафтанъ
Кровью бѣсовскою.
Я спросилъ сестрицу:
Гдѣ мнѣ его вымытъ? — — —“

3-й вариантъ начинается словами:

„Счастье (Лайме)²⁾ отправлялось въ храмъ,
Меня съ собой пригласило.
Счастье опоясывалось золотымъ поясомъ,
А мнѣ вручило серебряный.
Такъ сказало оно, подавая его мнѣ:
Носи, дѣвица, съ честію!
Залилась я горячими слезами,
Когда услышала эти слова.
Обо-что мнѣ утереть
Свои горячія слезы?
Подаетъ мнѣ само счастье
Свой шелковый платочекъ.
Гдѣ мнѣ вымытъ его,
Счастьемъ данный платочекъ?
Само счастье указало
Золотую рѣченьку въ долину. — — —“

1) Срав. его Lett. Sonnenmythen стр. 298.

2) Лайме (счастье) по-латышски женскаго рода, оттого и всѣ понятія, къ нему относящіяся, — рода женскаго.

Въ слѣдующихъ стихахъ этихъ вариантовъ приключается съ коричневымъ кафтаномъ героя, съ шелковымъ платочкомъ дѣвицы, *mutatis mutandis*, совершенно то же самое, что съ платьемъ дочери Солнца (см. выше). По совѣту сестры, Лаймы, кафтанъ и платочекъ моются, сушатся и т. д. при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и платье дочери Солнца (см. выше). Что слѣдуетъ изъ этого? То, что это, по всей вѣроятности, болѣе новыя произведенія, которымъ текстъ о свадьбѣ дочери Солнца служилъ образцемъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ все то, что именно требуется отъ эпической поэзіи: тутъ употреблены при описаніи подобныхъ или почти одинаковыхъ обстоятельствъ тѣ же самые слова и образы, которые уже въ другомъ случаѣ получили одобреніе и всеобщее распространеніе и сдѣлались ходячими. Или мы имѣемъ здѣсь ту чрезвычайную измѣняемость (*Variabilität*) пѣсенъ, о которой Лескинъ говоритъ? — „Вовсе нерѣдко случается, что объ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ различные дни слышишь однѣ и тѣ же пѣсни въ разныхъ формахъ, съ разными начальными стихами, большими, или меньшими строфами, или съ нѣсколькими измѣненными словами. Гораздо болѣе отличій находится, конечно, у разныхъ пѣвцовъ и въ разныхъ мѣстностяхъ. Я думаю, что нѣтъ ни одной даины съ неизмѣненнымъ текстомъ. Эта текучесть (*Flüssigkeit*) текста имѣетъ разныя причины: во-первыхъ, пѣвцамъ дѣла нѣтъ до буквальной вѣрности преданія, во-вторыхъ, въ такой лирической народной поэзіи имѣется множество стиховъ и строфъ съ незначительнымъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ, которые какъ бы носятся въ воздухѣ, вездѣ примѣняются, подходятъ ко всякому содержанію и безъ ущебра могутъ быть опускаемы. Далѣе, причиной измѣненія текста служить склонность, нѣкоторыя соединять пѣсни въ одну; сравненіе большихъ сборниковъ дайнъ представляетъ въ этомъ отношеніи довольно примѣровъ“¹⁾. Это мнѣніе можно допустить только съ нѣкоторыми ограниченіями. Такъ, относительно миѳическихъ пѣсенъ, содержанія которыхъ народъ теперь часто болѣе не понимаетъ, не вездѣ можно допустить измѣняемость (*Variabilität*) высказанную Лескинымъ. Эти пѣсни

---

1) Lesk. u. Brug. стр. 4 и 5.

и не даютъ повода къ произвольнымъ переменамъ, сообразно обстоятельствамъ, какъ это случается, напр., въ пѣсняхъ на какой-либо случай. При помощи ритма, какъ старинное достояніе, онѣ вѣрно и точно запоминаются, и передаются народомъ наизусть механически, со всѣми ихъ вариантами, которые также древни.

Хотя, напр., оба только что разсмотрѣнные варианта относительно параллельнаго текста предполагаются произведеніями позднѣйшаго происхожденія, но сами по себѣ они довольно древни. Конечно, это только герой, а не богъ, который здѣсь (2. var.) выступаетъ, какъ дѣйствующее лицо, и говоритъ со своею сестрою, но поѣздку бѣсовъ и разсѣченіе головы бѣса на девять частей теперь выдумать не имѣло бы никакого смысла. И хотя точно такъ же упоминаніе платочка (3. var.) не можетъ быть очень древнимъ, но все-таки оно можетъ простираться до среднихъ вѣковъ; между тѣмъ, какъ приношеніе бѣлаго покрывала богинѣ Лаймѣ, о чемъ въ заключеніи 3-го варианта идетъ рѣчь, относится къ языческимъ временамъ.

Что именно Перкунъ во время свадебной поѣздки разбиваетъ дубъ или яблонь у воротъ и что герой разсѣкаетъ мечемъ бѣсовъ, эти событія отражаются еще въ лит. и лат. свадебныхъ обрядахъ. Я собственными глазами наблюдалъ на свадьбахъ въ Нижней-Курляндіи, какъ одинъ изъ сватовъ, сопровождавшихъ верхомъ свадебную поѣздку, спѣшилъ впередъ, въ домъ жениха, оттуда выносилъ молодой четъ навстрѣчу кувшинъ пива (*krūzu alus*), потомъ разбивалъ опорозненный кувшинъ у столба воротъ, или старымъ мечемъ ударялъ въ ворота, или стрѣлялъ у воротъ изъ пистолета. Подобное тому воспоминается какъ въ литовскихъ, такъ и въ латышскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Такъ, напр., по одной лит. дайнѣ, сестра на своей свадебной поѣздкѣ видитъ, что ея братъ съ острымъ мечемъ приходитъ и ударяетъ въ ворота. Но она потомъ грустно замѣчаетъ: ворота онъ разсѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, а моей бѣды онъ не разсѣкъ (*vargēliu ne iškirtu*)¹⁾. То же самое приключеніе встрѣчается и въ латышскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, какъ-то:

1) Jušk. Sv. R. стр. 58 и 59.

Cért', cért', diever',
 Zóban' krust';
 Cért' skaugi pušam,
 Cért' ļaun' dien'¹).

Сѣки, сѣки, деверь,
 Мечемъ крестъ;
 Разсѣки завистника,
 Разсѣки злой день.

Дочь Солнца, о свадьбѣ которой здѣсь была рѣчь, по народному мнѣнію, очень милое, любезное существо, о чемъ свидѣтельствуется и лит. пословица, какъ: *Ney Saules dukte jam ne gal itikti* (Ни дочь Солнца ему не можетъ годиться).

2. Роза (v. бобъ).

Этотъ параллельный текстъ по содержанію примыкаетъ къ предыдущему (№ 1). Онъ показываетъ, именно, что случается на землѣ и надъ ней во время свадьбы дочери Солнца. Сирота обращается къ богинѣ земли, богатой цвѣтами (*Žemūnēle, žiedeklēle*), спрашивая, гдѣ нужно посадить розу и гдѣ найти отца и мать. Богиня ей отвѣчаетъ, что розу нужно посадить (по лат. тексту золотую розу, по 1-ому и 2-ому вариантамъ, бѣлую розу, по другимъ вариантамъ, бѣлый бобъ, или, просто, розу, бобъ) на высокой горѣ, у моря, гдѣ она и найдетъ своихъ родителей. Изъ посаженной розы вырастаетъ большое розовое дерево, вѣтви котораго достигаютъ облаковъ, самаго неба. По вѣтвямъ она поднимается на небо. Тутъ она встрѣчается съ нѣжнымъ юношей на божіей лошади (лит. текстъ), или съ сыномъ божьимъ, сѣдлающимъ своего коня (лат. текстъ). Она спрашиваетъ его объ отцѣ и матери и получаетъ отвѣтъ, что ея родители за горою (въ долину) празднуютъ свадьбу сестры или дочери Солнца (по лат. тексту и по 1-ому и 2-ому вариантамъ свадьбу брата, по 4-ому и 7-ому вариантамъ свадьбу дочери Солнца). Потомъ она спѣшитъ за гору, здороваается съ родителями и спрашиваетъ ихъ, зачѣмъ они ее оставили у чужихъ людей; она одна нашла колыбель, гдѣ она радовалась, какъ дитя. — По 8-ому варианту говоритъ сынъ бога (*Dieva dēls*), что ея отецъ и мать находятся въ девяти комнатахъ, за девятью

1) Büttner, 715. — См. и *Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat*. 16. Bd. — 3. Heft. Dorpat, 1894. „Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern“ von A. Winter. стр. 188 и 189.

замками. По 1-ому лат. варианту она (сирота) отправляется на воронѣ, ею самою подкованномъ, какъ на ворономъ конѣ, въ Нѣмечину (*Vāc zemē*, т. е. на западъ, за горою, въ низменность по лит. тексту) на свадьбу брата. По другой пѣснѣ¹⁾ сирота запрягла коней Солнца въ зеленые мѣдныя санки (*zālās vaŗa kamanās*) и отправилась въ Нѣмечину.

И здѣсь, какъ видно, вездѣ древній миѣическій элементъ, какъ въ параллельномъ текстѣ, такъ и во всѣхъ его вариантахъ. Этотъ текстъ, какъ доказываютъ 4-й и 5-й варианты, служить какъ бы началомъ, введеніемъ пѣсенъ о свадьбѣ дочери Солнца (см. выше № 1). Сверхъ того, конецъ этихъ вариантовъ очень интересенъ. Тамъ рѣчь идетъ, именно, о томъ, что само Солнце везетъ приданое дочери, раздаетъ всѣмъ верхушкамъ деревъ жертвенные подарки: дубу оно даетъ пестрые перчатки, липѣ зеленое покрывало (*villaine*), маленькой ивушкѣ (*mazajam kārklīdam*) золоченые подвязки (см. 5. var.). Этотъ намекъ намъ указываетъ на древній свадебный обрядъ, который и теперь примѣняется латышами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, т. е., и по настоящее время въ нѣкоторыхъ латышскихъ мѣстностяхъ невѣста раздаетъ гостямъ и родственникамъ на свадьбѣ жертвенные подарки (*veltes*)²⁾.

В. Мангардтъ справедливо узнаетъ въ розѣ (и въ бобѣ) то же самое древо Солнца, которое мы уже встрѣтили выше, въ № 1, въ видѣ дуба и яблони. Онъ говоритъ: „Представленіе солнца яблокомъ точно такъ же прозрачно какъ и представленіе солнца розою, къ чему ясный поводъ далъ розовый цвѣтъ утренней зари, у которой еще Гомеръ заимствуетъ образъ Эоса съ розовыми перстами, имѣющаго розы (первые вѣровидные лучи солнца) въ своихъ перстахъ“³⁾. Садъ же, въ которомъ растутъ девять розочекъ (№ 1, лит. текстъ), золотой розовый садъ (*Ulm.* стр. 187, № 13), девять розъ (*ib.* стр. 196, № 16), на которыхъ дочь Солнца сушитъ свое платье, соотвѣтствуютъ яблонѣ съ девятью вѣтвями

1) Брив. 43.

2) Справ. *Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern* von A. Winter стр. 216 и 201. — Справ. W. Mannhardt, *Lett. Sonnenmythen* стр. 219.

3) *Ibid.* стр. 222.

(W. M. 72), дубу съ девятью верхушками (№ 1, 2. var.), ясеню съ девятью отростками (ib. 1. var.) и золотому шесту въ саду (ib. 1. var.) и означаютъ лучи солнца, на которыхъ вверху красуется короной цвѣтъ солнечнаго шара. Въ № 1 (лат. текста) упоминается о солнцѣ въ видѣ девяти солнць. Изъ этой розы, т. е. солнца, произошелъ какъ золотой розовый садъ, такъ и до неба выросшій розанъ, или роза (лат. т. и 1-й, 2-й, 3-й и 4-й варианты) или бѣлый бобъ (5-й, 6-й, 7-й и 8-й варианты).

Что солнце съ его лучами часто представляютъ въ видѣ вѣтвистаго дерева, это Мангардтъ потомъ подтверждаетъ нѣкоторыми цитатами¹⁾. То же самое представлѣніе содержитъ малорусская загадка: „стоитъ дерево середь села, а въ каждой хатны по гилячци (солнце на небѣ, а свѣтъ его въ избахъ)“²⁾. То же самое мы видимъ и въ литовской загадкѣ, которая называетъ заходящее солнце кривою липою (kūprà lėpa)³⁾, и въ норвежской, которая называетъ солнце деревомъ, вѣтви котораго блестятъ, какъ золото. Эти загадки объясняютъ англійское выраженіе *sun-beam* (солнечный лучъ), которому соответствуетъ и нидерландское заклинаніе, гдѣ тоже воспоминается „*Zonnen boom*“. В. Мангардтъ и въ старосѣверномъ *sól-gran* (солнечная пылинка), которое онъ называетъ солнечною сосною (*Sonnenfichte*), находитъ упоминаніе древа Солнца.

Если бы явилось еще какое-нибудь сомнѣніе относительно древа Солнца, то его устраняетъ слѣдующее сказаніе браминовъ: „Очень любимый царь Вісрамагса подумалъ однажды о краткости жизни и по этому поводу очень печалился, пока братъ его въ утѣшеніе не далъ ему слѣдующій совѣтъ. — Въ серединѣ міра находится дерево *Udetaba*, древо Солнца, которое при восходѣ солнца вырастаетъ изъ земли, по мѣрѣ того, какъ солнце поднимается, и дерево возвышается и достигаетъ своею верхушкою солнца въ самый полдень. Потомъ оно (дерево), вмѣстѣ съ днемъ, уменьшается и при закатѣ солнца направляется въ землю. Садись при разсвѣтѣ на это дерево; оно, вырастая вверхъ, подниметъ

1) Ibid. стр. 223.

2) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. А. Афанасьева. Т. I. Москва 1865, стр. 517, зам. 2.

3) Schl. стр. 64.

тебя до Солнца, и проси у Солнца, чтобы оно тебѣ даровало болѣе продолжительную жизнь, чѣмъ другимъ людямъ. Царь послѣдовалъ этому совѣту и получилъ двухтысячилѣтнюю жизнь, полную силы и здоровья“¹⁾).

Здѣсь, въ нашемъ параллельномъ текстѣ и его вариантахъ, мы имѣемъ не только дерево, вырастающее до неба, но и сказаніе о человѣкѣ, поднимающемся по немъ вверхъ²⁾. Я согласенъ съ выводомъ В. Мангардта, который говоритъ: „Итакъ, мы находимся въ кругу сказаній, имѣющихъ своихъ представителей во всѣхъ частяхъ свѣта“. Е. Tylor, обратившій въ своей книгѣ „Urgeschichte der Menschheit“ (стр. 440 до 450) вниманіе на это сказаніе, далъ ему по туземной представителниѣ, англійской сказкѣ, названіе Jack and the beanstalk (Иванъ съ бобовымъ стеблемъ).

Итакъ, этому кругу сказаній соотвѣтствуетъ въ нашемъ параллельномъ текстѣ заключающійся мифъ о розѣ, посаженной на бѣлой песчаной горѣ (1-й, 2-й и 4-й вар.), или бобъ (7. var.), растущій въ видѣ дерева до неба, по которому говорящая [или говорящій]³⁾ поднимается вверхъ до неба. Это дочь Солнца, утренняя заря, сѣющая на бѣловатомъ утреннемъ небѣ розу или бѣлый бобъ (подъ покровомъ утренней зари надъ восточнымъ горизонтомъ восходящее солнце). И по растущему древу Солнца она (дочь Солнца) влѣзаетъ до полуденной высоты. Тутъ она уже издали видитъ сына божія (вечернюю звѣзду, Auseklis), сѣдлающаго своего коня. Сынъ божій отсылаетъ ее въ низменность или за гору⁴⁾. Съ заходящимъ солнцемъ она спускается внизъ и находитъ вечеромъ (въ видѣ вечерней зари) снова мѣсто своего дѣт-

1) Lett. Sonnenmythen стр. 224.

2) Существуетъ и латышская сказка, по которой бѣдный хозяинъ, имѣющій только одинъ бобъ, сажаетъ его, и бобъ этотъ вырастаетъ до неба. Хозяинъ взбирается по его вѣтвямъ на небо, получаетъ тамъ у бога мельницу, которая мелетъ ему деньги.

3) По нѣкоторымъ лат. загадкамъ имѣетъ восходящее солнце какъ Dieva dēls (сынъ божій) муж. родъ. Ne rībaja, ne dimdeja - še atbrauca Dieva dēls (Не гремѣло, не звучало — вотъ пріѣхалъ божій сынъ. Солнце восходитъ). См. Брив. Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Москва 1881 № 1060. — Срав. R. kr. 7. № 995.

4) Точно такъ же Иванъ съ бобовымъ стеблемъ вверхъ узнаетъ о своемъ отцѣ.

ства, домъ отца; но отецъ и мать празднують утромъ рано свадьбу ея сестры (или брата), или свадьбу дочери Солнца (или свадьбу сына божія). Нѣтъ существеннаго различія, если подъ розовымъ деревомъ понимать вечернюю зарю, по которой сумракъ взлѣзаетъ вверхъ, чтобы вверху найти сына божія и мѣсто своей родины. Въ этомъ случаѣ образъ дерева получается не изъ самаго созерцанія, но изъ аналогіи представленія о древѣ Солнца. Это обстоятельство, можетъ быть, явствуется уже выше изъ разбитаго дуба [или яблони] ¹⁾. Въ сиротѣ, поднимающейся по розѣ вверхъ, Мангардтъ видитъ опять - таки дочь Солнца. Она является здѣсь какъ вечерняя заря, отличаясь отъ своей сестры, дочери Солнца, свадьбу которой, какъ утренней зари, празднуютъ отецъ и мать. Мангардтъ говоритъ:

„Особый кругъ миѣическихъ представлений, въ которыхъ дочь Солнца играетъ роль, опирался первоначально на народной аксіомѣ, что Солнце вечеромъ находитъ смерть, то нетъ въ волнахъ и т. д. Тогда, естественно, должна была оставшаяся дочь Солнца, заря, сдѣлаться сиротою“. Потомъ, подтвердивъ свое мнѣніе нѣкоторыми цитатами изъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ продолжаетъ: „И 84“ (это здѣсь литовскій текстъ съ вариантами) относится, какъ похожій, сюда, гдѣ дочь Солнца означается брошенною у чужихъ людей. Но это случилось по аналогіи пѣсенъ, каковы прежнія, ибо родители представлены еще живыми. Они празднуютъ на далекомъ западѣ свадьбу ея сестры (дочери Солнца, зари слѣдующаго дня). А по 8 (U. 157) кажется, что сиротка сама дочь Солнца (вечерняя заря), которая здѣсь, послѣ смерти своей матери, представляется обрученною съ сыномъ божьимъ“ ²⁾.

Итакъ, тотъ же самый древній миѣическій элементъ замѣчается, какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ текстахъ. Тамъ встрѣчаются только очень незначительныя различія. Такъ, напр., литовскій текстъ упоминаетъ въ началѣ богиню земли (*Žemynėle*), а въ латышскомъ — этого нѣтъ. Но подобная богиня, *Zemes māte*, если ее сопоставить съ санскр. *Prthivī mātā*, греч. *Δημήτηρ* (= *γη - μήτηρ*?), упоми-

1) Справ. W. Mannhardt, Die lett. Sonnenmythen стр. 231.

2) Ibid. стр. 302 и 303.

нается и въ лат. нар. пѣсняхъ, какъ это уже выше, въ текстахъ, замѣчено. Съ другой стороны, встрѣчающійся въ лат. текстѣ Dieva dēls не находится въ соответствующемъ литовскомъ, гдѣ онъ называется лишь нѣжнымъ юношею (jaunas bernytis); но Dievo sunūs [Dievo sunėlei] ¹⁾ встрѣчается и въ литовскихъ дайнахъ. Другія, болѣе формальныя отличія, заключаются въ особенностяхъ языка. Этотъ паралл. текстъ имѣетъ и различный размѣръ. Лат. текстъ показываетъ вездѣ трохеи, а лит. попеременно трохеи и ямбы. Изъ одинаковаго содержанія и различной формы этихъ пѣсенъ мы можемъ заключить, что ихъ поэтическая обработка одного и того же мифическаго предмета, какъ на литовской, такъ и на латышской сторонѣ была самостоятельна и, слѣдовательно, здѣсь о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Весьма поучительны для насъ въ этомъ отношеніи латышскіе варианты. Въ нихъ мы находимъ, съ одной стороны, большее разнообразіе содержанія, съ другой стороны, подтверждается мнѣніе, высказанное нами выше, что многія лит. и лат. народныя пѣсни произведены по почти неизмѣннымъ, въ свое время обще-извѣстнымъ образцамъ эпическаго стихосложенія. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, въ 6-омъ вариантѣ, ту же самую повторяющуюся, эпическую повѣствовательную форму, которую мы уже видѣли въ № 1. И этотъ 6-й вариантъ, какъ и 2-й вар. въ № 1, относится сюда болѣе по формѣ, чѣмъ по содержанію. Здѣсь мы видимъ почти одинъ и тотъ же приѣмъ въ передачѣ извѣстнаго предмета, между тѣмъ какъ по содержанію эти оба варианта представляютъ отрывокъ годового, именно, весенняго мифа.

Такъ какъ событія годового мифа почти одни и тѣ же, какъ и въ дневномъ мифѣ, то по эпическому приѣму въ пѣсняхъ придерживались почти той же повѣствовательной формы. 6-й вариантъ, примыкая къ дневному мифу, начинается даже воспѣваніемъ древа Солнца (здѣсь balta rupe, бѣлый бобъ), по которому взлѣзаетъ вверхъ (по обоимъ вариантамъ) герой, разсѣкающій зимнихъ бѣсовъ (по № 1 velns, по 2-ому вар. jodu-, velna-māte) на девять частей. Бѣсовскою кровью обрызганный коричневый кафтанъ Солнца-героя подлежитъ,

1) Schl. стр. 12. Rh. 48. Ness. 5.

конечно, той же самой процедурѣ, какъ выше, платѣ дочери Солнца. Такъ какъ здѣсь встрѣчаются тѣ же самыя обстоятельства, то они описываются тѣми же выражениями. Точно такъ, какъ по Ригъ-Ведѣ (Rg-Veda) Indra или Brihaspati убиваетъ Valá (бѣса), запирающаго коровъ (облака); какъ по Эддѣ Thōrr своимъ молотомъ убиваетъ зимняго великана (Thrym den Thursen) и всю исполинскую породу¹⁾, — такимъ же образомъ разсѣкаетъ и здѣсь нѣкій герой²⁾ голову бѣса (velns) на девять частей (№ 1, 2. var.), или онъ разсѣкаетъ мать бѣса (Jodu — Velna mâte) на девять частей (№ 2, 6. var.). Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ символически представляется въ мифической формѣ начало весны. И санскр. Valá, кажется, этимологически совпадаетъ съ лит.-лат. Vel-na-s. Въ лат. vel-n-s, лит. vél-na-s (vél-i-na-s) виденъ тотъ же самый корень val, восходящій въ санскр. valá въ vṛ, var (обнимать, тѣсно включать). Въ Эддѣ (въ Völu-Spā) встрѣчаемая пророчица Vala. (и древне-нѣмецкая вѣщунья Velēda), можетъ быть, относится тоже сюда. По крайней мѣрѣ, она сходна особенно съ лат. Vela-mâte³⁾ (мать или богиня отшедшихъ душъ, лат. veli, лит. véles, sing. лат. velis, лит. véle). Такъ и Wal-purga || Wal-purgis значитъ собственно замокъ мертвыхъ, такъ же Wal-hálla, сѣвер. Val-höll (замокъ, залъ убитыхъ, мертвыхъ), такъ что какъ въ этихъ, такъ и еще въ другихъ сложных словахъ древне-сѣвернаго языка встрѣчаемое val, повидимому, сходится съ литовско-лат. vel (val). Лат. jodi соответствуютъ великанамъ (Joten) въ Эддѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь они представляются исполинами, властью тьмы, мрака. Аванасъ-евъ⁴⁾ видитъ и въ русск. Волосѣ || Велесѣ санскр. корень vṛ, var.; но онъ не объясняетъ буквы с въ словѣ Волосъ || Велесъ.

1) См. Die Edda. Deutsch von W. Jordan. стр. 99.

2) По лат. сказкамъ это — Перкунъ, преслѣдующій бѣсовъ (Velns, Velna-mâte, или: Jodi, Jodu-mâte). По Мангардту (Lett. Sonn. стр. 317) преслѣдуетъ и разбиваетъ Перкунъ йодовъ (jodi, т. е. черныхъ, чертей, собственно говоря, бѣсовъ темноты облаковъ и, можетъ быть, и ночи).

3) Спр. стр. 217 и сл. стр.

4) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Томъ первый. Москва 1865. Стр. 694.

Въ нѣкоторыхъ литовско-латышскихъ, также и въ другихъ индо-европейскихъ сказаніяхъ (напр., въ греч. сказаніи о Тезеѣ), упоминается о чудовищѣ (нѣкоторыя лат. сказанія и сказки именуютъ его прямо *velns*), лишашащемъ или угрожающемъ лишить землю воды, если ежегодно не будутъ приносить ему въ жертву одного человѣка. Это насиліе чудовище совершаетъ до того времени, пока не является герой и не побѣждаетъ его. Здѣсь тотъ же самый миѳъ, о которомъ мы только что говорили, но выраженный уже въ формѣ сказки.

3. Солнце, заботящееся о сиротахъ.

Этотъ паралл. текстъ не содержитъ болѣе такого сравнительно полного соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ дайнъ, какъ прежніе, но имѣетъ лишь очень близкое родство представлений. Можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ произведеній передѣлки и сокращенія болѣе древнихъ. Мы пришли къ этому выводу на основаніи трехъ лат. вариантовъ. По нимъ можно замѣтить, что теперешняя форма этихъ пѣсенокъ не первоначальная. Такъ, 1-й и 2-й лат. варианты являются, безъ сомнѣнія, въ видѣ сокращеній болѣе полныхъ произведеній. Они представляютъ, конечно, простыя жанровыя картинки, но если ихъ сравнить съ лит. и лат. текстами, то они оказываются первичными остатками болѣе древнихъ пѣсенъ, каковыми здѣсь является лат. текстъ, имѣющій, съ одной стороны, болѣе большой объемъ, съ другой — болѣе соотвѣтствіе со своимъ лит. двойникомъ. Какъ первообразное явленіе новѣйшаго времени представляется намъ 2-й лат. вариантъ. Его обѣ первыя строфы, повидимому, сложились во время крѣпостного состоянія латышей. Здѣсь рѣчь идетъ о служащихъ строгимъ барамъ (*Bārgu kungu klausitaj*). 3-я строфа содержитъ древній миѳическій элементъ. Здѣсь упоминается золотая лодочка (*zelta laivīda*), въ которую вечеромъ поздно садится Солнце и, вставая утромъ рано, оставляетъ ее качающеюся.

Кромѣ того, въ лат. нар. пѣсняхъ еще воспѣвается лодка Солнца. Солнце ѣдетъ и въ золотой лодкѣ по воздушному морю, ночью она утопаетъ въ морѣ, Солнце плачетъ, вотъ *Dievs* (богъ) сдѣлаетъ другую

No zelta, no vara, no sudrabiņa¹⁾
(Золотую, мѣдную, серебряную)

лодочку. Солнечный шаръ представляетъ эту лодку, на которой Солнце ѣдетъ по воздушному морю. Гераклитъ и Гекатей называли солнце ладьеобразнымъ²⁾. Нѣсколько иное представлѣніе господствуетъ въ нашемъ приведенномъ выше вариантѣ, въ 3-ей строфѣ. — По этому варианту Солнце лишь вечеромъ падаетъ въ золотую лодочку, на которой оно ночью переѣзжаетъ чрезъ небесный океанъ, съ мѣста своего заката до мѣста восхода. Тамъ оно оставляетъ свою лодочку, которая остается позади, качаясь (*līgojot*) на волнахъ. Или она представляется невидимкою, такъ какъ закатъ солнца принимается утопаніемъ въ морѣ, или Солнце совершаетъ свою ночную поѣзду на „лодкѣ луны“. То же самое надо сказать о лодкѣ, на которой сыны бога (*Dieva dēli*) спасаютъ душу или жизнь Солнца³⁾.

Какъ въ другомъ мѣстѣ небесный сводъ представляется горою⁴⁾, такъ здѣсь онъ представленъ въ видѣ моря. И такое представлѣніе мы находимъ не только у латышей, но и у индійцевъ, грековъ и египтянъ. Въ Ведахъ служатъ, какъ извѣстно, слова *āgrā*, *sā-gara*, *sam-udgrā* названіями воздушнаго и облачнаго моря⁵⁾. И на своихъ золотыхъ лодкахъ (вѣроятно, на солнечныхъ лучахъ) переѣзжаетъ *Rūśān* (богъ солнца, которому, повидимому, соответствуетъ латышскій *Puś-k-aitis*, богъ весны), какъ вѣстникъ бога *Sūrya* (солнца) чрезъ небесный океанъ⁶⁾. И по древне-греческимъ мифамъ о солнцѣ, изъ которыхъ Мимнермъ [въ 630 г.]⁷⁾ сохранилъ одинъ, ѣдетъ спящій Гелиосъ ночью, въ золотой лодкѣ, отъ земли Гесперидовъ до земли Эѳіоповъ, гдѣ восходитъ Эосъ:

1) Брив. 74.

2) Stob. ecl. phys. I. 26, 1. У В. Мангардта *Lett. Sonnenmythen* стр. 102.

3) Спр. стр. 312. Büttn. 18.

4) Спр. стр. 299 и 300.

5) Kuhn, *Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung* I. стр. 455.

6) Muir, *original Sanscrit texts* V. 157, 179. — W. Mannhardt, *Lett. Sonnenm.* стр. 98.

7) Athenäus XI (C.) 469 sq. — W. Mannhardt, *ibid.* стр. 102 и 103.

Τὸν μὲν γὰρ διὰ κύμα φέρει πολυήρατος εὐνή
 Κοίλῃ, Ἥφαιστου χερσὶν ἐληλαμένη
 Χρυσοῦ τιμήεντος, ὑπόπτερος ἄκρον ἔφ' ὕδωρ
 Εὐδονδ' ἀρπαλέως, χώρου ἄφ' Ἑσπερίδων
 Γαῖαν ἐς Ἀιθιόπων, ἵνα οἱ θοὸν ἄρμα καὶ ἵπποι
 Ἑστᾶς, ὄφρ' Ἠὼς ἡριγένεια μόλῃ¹⁾.

У Стесихора (въ 611 г. до Рождества Христова) мы находимъ, какъ кажется, образъ лодки, въ которую садится Солнце; и этотъ образъ соединенъ въ новое цѣлое съ другимъ представлениемъ солнечнаго шара, какъ сосуда для свѣтового напитка.

Ἀέλιος δ' Ὑπεριονίδας δέπας ἐσκατέβαινε
 Χρύσειον, ὄφρα δι' Ὠκεανοῖο περάσας
 Ἀφίκοιθ' ἱερᾶς ποτὶ βένθεα νυκτὸς ἐρεμνᾶς
 Ποτὶ μάτέρα κουριδίαν τ' ἄλοχον
 Παῖδας τε φίλους.

По преданіямъ мифовъ о Геркулесѣ послѣдній во время своего шествія въ Эрифею беретъ у Гелиоса золотую лодку, и переправляется черезъ океанъ. У Пейсандра изъ Камейра называется эта лодка δέπας, Πανυασις называетъ ее Ἥλιου φιάλη²⁾. И это наименованіе напоминаетъ о золотой кружкѣ (zelta kanna), которую дочь Солнца моетъ въ источникѣ³⁾.

Египтяне, наконецъ, представляли солнце въ видѣ лодки. Горусъ (Горъ, Гаръ), богъ солнца, какъ видно изъ изображеній на памятникахъ, правитъ солнечною лодкою⁴⁾. Итакъ, у всѣхъ этихъ народовъ мы находимъ солнечную лодку, о которой упоминается здѣсь въ нашемъ текстѣ и еще въ другихъ многихъ лат. народныхъ пѣсняхъ.

Послѣдняя строфа 2-го лат. варианта есть только небольшое измѣненіе нашего текста.

При ближайшемъ разсмотрѣніи содержаніе этого параллельнаго текста оказывается молитвою, гимномъ, въ кото-

1) Athenäus въ другомъ мѣстѣ. Cp. Schwartz, Sonne, Mond und Sterne. стр. 23.

2) Athen. XI 38, 39. Cp. W. Mannhardt ibid.

3) Спр. стр. 316, 4.

4) Parthey, Plutarch über Isis und Osiris стр. 192. Cp. W. Mannhardt ib.

ромъ воспѣвается Солнышко (Saulyte, Saulite, dim.). Разумѣется, что божество, оживляющее всю природу, страстно ожидается и, слѣдовательно, даже при его раннемъ восходѣ этотъ восходъ солнца не можетъ казаться ожидающему раннимъ. Это выражается въ разсматриваемой пѣснѣ. Кто-то спрашиваетъ ее, — дочь бога (Dievo dukrŭte), гдѣ она была такъ долго. Богиня отвѣчаетъ, что она была за моремъ, за горою, чтобы согрѣвать сиротъ и пастуховъ.

В. Мангардтъ того мнѣнія, что подъ этими сиротами подразумѣваются не одни земные сироты, но и звѣзды, которыя тогда, когда солнце невидно, представлялись въ воображеніи литовцевъ и латышей покинутыми матерью, въ метафорическомъ выраженіи — сиротами. По другому представленію, сироты бѣгутъ за уходящей, но не могутъ догнать ея¹⁾. Какъ только Солнце заходитъ, спѣшать за нимъ въ тѣни (ночи) сто покинутыхъ имъ сиротъ-звѣздочекъ²⁾. Маря топить для нихъ баню [вечерняя зоря]³⁾. На своемъ бѣгу онѣ занимаютъ гору, на которой цвѣтъ Солнца (роза, см. выше № 2) цвѣла⁴⁾. Созданный образъ миѳическихъ сиротъ примѣнялся часто къ земнымъ сиротамъ, тѣмъ болѣе, что человѣкъ любилъ сопоставлять оживляющія дѣйствія солнечнаго сіянія и солнечной теплоты съ пріятными чувствами, которыя обыкновенно испытываетъ дитя вблизи любящей матери⁵⁾. Что звѣзды представляются дѣтьми Солнца, это мы еще увидимъ ниже въ № 4. Сироты здѣсь, которыхъ Солнце грѣетъ ночью, за горою, вѣроятно, отличаются отъ сироты *хат' ёξοχήν*, зари [см. выше № 2]⁶⁾.

До этого мѣста (по которому Солнце согрѣваетъ сиротъ и пастуховъ) соотвѣтствуютъ оба текста, и здѣсь оканчивается лат. текстъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отрывковъ. Обѣ послѣднія строфы лит. даины, гдѣ представляются *Aušgine* (Утренняя звѣзда) — *Vakarine* (Вечерняя звѣзда) служанками, указываютъ нѣкоторыми особенностями языка на

1) Ar. M. 222.

2) Ibid. 223. Ulm. 151.

3) Ulm. 152.

4) Ibid. 164.

5) Спр. стр. 309. Ulm. 150. Ср. W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen стр. 304.

6) W. Mannhardt, ib. стр. 303.

время, когда въ Литвѣ еще находился въ живомъ, текущемъ движеніи кругъ мыслей, соотвѣтствующій латышской солнечной мифологіи. Между тѣмъ какъ у латышей, кромѣ невѣрнаго, древняго представленія¹⁾ (что утренняя и вечерняя звѣзда двѣ разныя звѣзды) уже существовало вѣрное (что auseklis — утренняя, вечерняя звѣзда — одна и та же звѣзда), мы находимъ у литовцевъ, здѣсь и въ другомъ мѣстѣ²⁾, только первоначальное, наивное представленіе этой звѣзды въ видѣ двухъ различныхъ олицетвореній. — Утренняя звѣзда зажигаетъ для Солнца свѣтильникъ, Вечерняя — постилаетъ ему постель. Наконецъ Солнце признается:

Daug mano gimeeles,	Много моихъ дѣтей,
Daug mano dovaneliu.	Много моихъ даровъ.

Какъ по лит., такъ и по лат. пѣснямъ Солнце (Saufe) является благодѣтельною, очень любимую богинею, какъ мы это еще часто будемъ имѣть случаи наблюдать.

По славянскимъ преданіямъ, Солнцу служатъ Зори — божественныя дѣвы; вмѣстѣ съ Денницею, онѣ прислуживаютъ Солнцу и смотрятъ за его бѣлыми конями³⁾. А по одной лат. нар. пѣснѣ Утренняя и Вечерняя звѣзды суть кони Мѣсяца⁴⁾.

При сравненіи размѣра этого паралл. текста также замѣчается различіе. Какъ это уже раньше было замѣчено, и здѣсь въ лит. текстѣ находится болѣе первобытный размѣръ. Различіе размѣра тоже указываетъ на самостоятельную поэтическую обработку общаго индо-европейскаго мифа, какъ у латышей, такъ и у литовцевъ.

4 Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ.

И здѣсь приходится возстановлять лат. текстъ изъ отдѣльныхъ остатковъ и отрывковъ пѣсенъ, которые все-таки показываютъ очень близкое родство представленій съ лит.

1) Спр. стр. 314, 5.

2) Rh. 81. Ness. 3. Schl. стр. 4.

3) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. А. Афанасьева. I, стр. 594.

4) Спр. стр. 314, 5.

текстомъ, и ихъ можно до такой степени возстановить, что они, наконецъ, представляютъ, сравнительно, полный паралл. текстъ. Размѣръ и здѣсь въ литовскихъ и латышскихъ пѣсняхъ отличается. Лит. дайны имѣютъ ямбы, а лат. — (почти всегда) трохеи. И въ этомъ случаѣ мы имѣемъ какъ у латышей, такъ и у литовцевъ, самостоятельныя произведенія, вышедшія изъ общаго, взаимнаго представленія и предмета.

Въ первую весну (лит. текстъ), въ первое лѣто (лат. текстъ) женится Мѣсяцъ на Солнцѣ. Естественно, что они не могутъ быть долго вмѣстѣ. Солнце восходитъ утромъ рано, а Мѣсяцъ вечеромъ (поздно). Солнце бранитъ Мѣсяцъ, зачѣмъ онъ не сіяетъ днемъ. Мѣсяцъ отвѣчаетъ: тебѣ принадлежитъ день, а мнѣ ночь. Итакъ, Мѣсяцъ разлучается съ Солнцемъ, со своимъ суженымъ, блуждаетъ одинъ и влюбляется въ Денницу (Aušrine). Разгнѣванный Перкунъ разрубилъ (лит. текстъ; по лат. тексту само Солнце разрубило) его мечемъ, приговаривая: зачѣмъ ты оставилъ Солнце? зачѣмъ влюбился въ Денницу (или у Аусекля — у Денницы отнялъ обрученную невѣсту, лат. т.)? зачѣмъ ты таскаешься одинъ по ночамъ? И опечалился Мѣсяцъ. — По лат. вариантамъ, Солнце наказываетъ Мѣсяцъ серебряною плетью, или оно бросаетъ въ него серебрянымъ камнемъ.

Итакъ, это сказаніе и въ этическомъ отношеніи важно: оно показываетъ, что у литовско-латышскаго народа издревле бракъ считался святымъ и что прелюбодѣянiе строго наказывалось.

Искони у разныхъ народовъ, Солнце и Мѣсяцъ были представляемы въ родственной связи — или какъ сестра и братъ, или какъ супруги¹⁾. У Гезіода, Гомера и у другихъ писателей "Ἥλιος и Σελήνη — братъ и сестра²⁾"; итальянская сказка представляетъ Солнце и Луну (Sole и Luna) дѣтьми одной матери³⁾. Въ Эддѣ Sonne и Mond (Sól и Máni) — сестра и братъ, дѣти мионическаго Mundilföri; нѣмцы до поз-

1) Воззрѣніе это встрѣчаемъ даже у египтянъ, мексиканцевъ, гренландцевъ и другихъ народовъ — D. Myth. стр. 666.

2) Шварцъ: Sonne, Mond und Sterne стр. 160 и 161.

3) Во французской версiи этой сказки, вмѣсто этихъ свѣтилъ, говорится о Днѣ и Аврорѣ, т. е. о богѣ дневного свѣта (о солнцѣ) и зарѣ.

днѣйшаго времени употребляли выраженія Frau Sonne и Herr Mond. Другое германское сказаніе представляет ихъ женою и мужемъ; но Мѣсяцъ былъ холодный супругъ, что раздражало его пылкую супругу; богиня Солнце побилась однажды объ закладъ со своимъ мужемъ: кто изъ нихъ раньше проснется, тому достанется право свѣтить днемъ, а лѣнивому должна принадлежать ночь. Рано утромъ Солнце зажгло свѣтъ міру и разбудило соннаго мужа. Съ той поры они разлучились и свѣтятъ порознь: Солнце днемъ, а Мѣсяцъ ночью; оба сожальють о своей разлукѣ и стараются опять сблизиться. Но сходясь во время солнечнаго затмѣнія, они осыпають другъ друга упреками; ни тотъ, ни другая не соглашаются на уступки, и они снова расстаются. Преисполненный печали, Мѣсяцъ изсыхаетъ отъ тоски — умалется въ своемъ объемѣ, до тѣхъ поръ, пока не оживить его надежда на будущее примиреніе; тогда онъ начинаетъ вырастать, и потомъ съ новымъ припадкомъ тоски опять умалется¹⁾. Наконецъ, въ славянскихъ преданіяхъ мы находимъ черты, вполне соответствующія литовско-латышскому сказанію. „Олицетворяя солнце въ женскомъ образѣ, русское повѣрье говоритъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ, при поворотѣ на лѣто, оно наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ и ѣдетъ въ теплыя страны; а на Ивановъ день (24 іюня) Солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога навстрѣчу своему супругу Мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные лучи: этотъ день полного развитія творческихъ силъ лѣтней природы представляется какъ бы днемъ брачнаго союза между Солнцемъ и Мѣсяцемъ²⁾“. Потомъ Аѳанасьевъ приводитъ сохранившуюся въ Черниговской губ. пѣсню, намекающую на любовныя отношенія свѣтилъ дня и ночи:

Ой, тамъ за лисомъ — за боромъ,
За синенькимъ езе́ромъ,

1) D. Myth. стр. 666 и 667. Маннгардтъ, Die Götterwelt, стр. 104 и 105. Аѳанасьевъ: Поэтическія воззрѣнія etc. I, стр. 74 и 75.

2) Сахаровъ, II, дневн., стр. 69; Терещ., V., стр. 75. Хорваты увѣряють, что въ этотъ день Солнце пируетъ въ небесныхъ чертогахъ и разбрасываетъ свои лучи стрѣлами (= играетъ). — Ж. М. Н. П. 1846, VII, стр. 45. — А. Аѳан. ib. стр. 76.

Тамъ Солнычко играло,
 Съ Мисяцомъ разговляло:
 „Пытаю тебе, Мисяцу!
 Чи рано зходишь, чи позно заходишь?“
 — Ясное мое Солнычко!
 А что тоби до тово —
 До зыходу мово?
 Я зыйду (взойду) свитаючи,
 А зайду змеркаючи ¹⁾.

Слѣдовательно, въ этой пѣснѣ сохранился подобный разговоръ между геніями обоихъ небесныхъ тѣлъ, какъ онъ встрѣчается въ лат. текстѣ ²⁾. Какъ въ нашемъ паралл. текстѣ, такъ и въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ любовь Мѣсяца къ Денницѣ не позабыта. Вотъ свидѣтельство бѣлорусской пѣсни:

Переборъ — Мисячекъ, переборъ!
 Всѣхъ зирочекъ ³⁾ перебралъ,
 Одну себѣ зирочку сподобалъ:
 Хоть она и маленька,
 Да ясенька,
 Межъ всѣхъ зирочекъ значенька ⁴⁾.

Хотя по нѣкоторымъ лат. пѣснямъ (см. лат. т. къ № 1 выше; Спр. стр. 302; W. M. стр. 82, № 72 и 73; Ulm. стр. 195, 16) Мѣсяцъ женится на дочери Солнца или на ткачихѣ звѣздныхъ покрывалъ, все-таки, по другимъ болѣе древнимъ источникамъ, онъ и латышамъ извѣстенъ какъ супругъ Солнца, ибо (первыя) звѣзды называются дѣтьми Солнца и Мѣсяца ⁵⁾. Вечеромъ непостоянный любовникъ предлагаетъ руку Солнцу, а утромъ Денницѣ (Aušrine, Saules meita).

1) А. Аванасьевъ ib. стр. 77.

2) Спр. стр. 311, 16. — W. M. стр. 77, 17. — Ulm. 445.

3) Зирка — звѣзда. (Зам. Аванасьева.)

4) Нар. бѣлорус. пѣсни Е. П., 57; слики съ малорусскою пѣсней въ сочиненіи Костомарова „Объ истор. знач. нар. русск. поэзіи“, стр. 164, въ которой сказано, что Мѣсяцъ перебираетъ всѣ звѣзды, а полюбить на вѣки одну „зироньку вечернюю“ (Венеру). — Аван., Поэтич. воззр. I, стр. 78.

5) St., Lett. Myth. см. zvaigznes. — Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 303 и 316.

Какъ мы уже видѣли, и славянское преданіе упоминаетъ о любовной связи между Солнцемъ и Мѣсяцемъ, которая между ними существуетъ не только денно, но и въ теченіе цѣлаго года. „По народному повѣрью, Солнце и Мѣсяцъ, съ первыхъ морозныхъ дней (съ началомъ зимы, убивающей земное плодородіе, и, такъ сказать, — расторгающей брачный союзъ солнца) расходятся въ разныя стороны, и съ той поры не встрѣчаются другъ съ другомъ до самой весны; Солнце не знаетъ, гдѣ живетъ и что дѣлаетъ Мѣсяцъ, а онъ ничего не вѣдаетъ про Солнце. Весною же они встрѣчаются и долго рассказываютъ другъ другу о своемъ житѣ-бытѣ, гдѣ были, что видѣли и что дѣлали. При этой встрѣчѣ случается, что у нихъ доходитъ до ссоры, которая всегда оканчивается землетрясеніемъ; наши поселяне называютъ Мѣсяцъ гордымъ, задорнымъ, и обвиняютъ его, какъ зачинщика ссоры. Встрѣчи между Солнцемъ и Мѣсяцемъ бываютъ, поэтому, и добрыя и худыя: первыя обозначаются ясными, свѣтлыми днями, а послѣднія — туманными и пасмурными¹⁾. Замѣтимъ, что въ весеннихъ грозахъ, сопровождающихъ возвратъ Солнца изъ дальнихъ странствованій въ царствѣ зимы, воображенію древнѣйшихъ народовъ рисовались: съ одной стороны, брачное торжество природы, поливаемой сѣменемъ дождя, а съ другой — ссоры и битвы враждующихъ боговъ; въ громовыхъ раскатахъ, потрясающихъ землю, слышались то клики свадебнаго веселья, то воинственные призывы и брань“²⁾.

Подобное повѣрье встрѣчается въ нашемъ паралл. текстѣ, по которому бракъ Мѣсяца и Солнца совершается весною или лѣтомъ. Первая весна — первое лѣто (существованія міра) для празднованія свадьбы Солнца и Мѣсяца очень подходящее время, если, по обыкновенію сказанія, повторяющееся явленіе природы замѣняется однимъ отдѣльнымъ моментомъ³⁾.

Упоминаніе о первой веснѣ, когда Мѣсяцъ женится на Солнцѣ, еще съ другой точки зрѣнія очень интересно. Весна, т. е. то время, когда пробуждается вся природа и все

1) Сахаров., II, стр. 21 и 22.

2) Аѳан., Поэтич. возр. etc. I, стр. 77 и 78.

3) W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen. стр. 317.

оживаетъ, здѣсь имѣется въ виду однократно, какъ первая весна, начинающая міръ и жизнь природы, какъ то время, когда Солнце выходитъ замужъ за Мѣсяцъ и изъ этого брака рождаются дѣти-звѣзды. Стало-быть, здѣсь совершается космогоническое дѣйствіе. Эта первая весна невольно напоминаетъ о греческомъ хаосѣ, о *garginnungen* (*Gaffen der Gähnungen*) въ Эддѣ¹⁾, о *זרמשיה וזרה* въ Библии (кн. Моисея, Бытіе, 1). Какъ здѣсь, такъ и тамъ упоминается *mutatis mutandis* о первомъ бытіи, первомъ существованіи.

Перкунъ или само Солнце разсѣкаютъ Мѣсяцъ мечемъ за его невѣрность. Въ этомъ случаѣ сказаніе примѣнило и разные моменты изъ явленій дня (закатъ солнца, лунный свѣтъ, утреннюю зарю), чтобы объяснить различныя перемѣны на лунѣ (лунныя фазы). „Часто случается“ — говоритъ В. Мангардтъ — „въ области мифологіи солнца и звѣздъ, что теченіе дня, мѣсяца и года въ мифическомъ сказаніи соединяется въ одно цѣлое²⁾“.

Этотъ паралл. текстъ „о свадьбѣ Мѣсяца“ уже болѣе 70 лѣтъ тому назадъ былъ отчасти замѣченъ Резою (см. предисловіе). Въ замѣчаніяхъ къ своему сборнику онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее :

„Въ этой дайнтъ слышится отголосокъ языческой мифологіи изъ дохристіанскаго времени. Представленія Солнца и Мѣсяца въ качествѣ супруговъ, наказаніе Мѣсяца богомъ неба, Перкуномъ, за невѣрность, и другія идеи, обращающіяся среди всего латышскаго народнаго племени, принадлежать непременно къ тому вѣку, когда въ этомъ народѣ еще господствовало грубое естественное богопочитаніе, обожаніе солнца и мѣсяца и извѣстныхъ священныхъ животныхъ, какъ, напр., змѣй“³⁾.

„Хотя эти мифологическія пѣсни и не совсѣмъ въ теперешнемъ видѣ дошли до насъ изъ древности, все-таки нѣкоторыя строфы изъ нихъ представляютъ старинное преданіе. Стоитъ только бѣгло взглянуть на текстъ сообщенныхъ

1) W. Jordan, *Der Wala Weissagung (Völu-Spā)* и: *Anmerkungen zur Völuspa*.

2) *Lettische Sonnenmythen*, стр. 317.

3) *Rh.*, стр. 314.

здѣсь лит. дайнь и лат. dziesmas или zinges въ сборникахъ Вара (Palzmareeschu dseesmu krahjums. 1807) и Бергмана (Lettische Sinn- und Stegreifsgedichte 1808), чтобы убѣдиться въ истинности этого утверждения. Нѣкоторыя слова, выраженія и обороты въ нихъ таковы, что они теперь едва ли понятны¹⁾. — „Эта лит. пѣсня о невѣрности Мѣсяца находится впрочемъ и на лат. языкѣ. Въ сборникѣ Бергмана (стр. 42) она гласитъ:

Saule Mēnesi sacirte
Ar asaju zōbeni.
Kam paḗme Auseklam
Suderetu²⁾ ligaviḗ?

Солнце разсѣкло Мѣсяцъ
Острымъ мечемъ.
Зачѣмъ онъ отнялъ у Auseklis'a
Сосватанную невѣсту?

Здѣсь появляется само Солнце мстителемъ за невѣрность своего супруга; въ лит. нар. пѣснѣ такимъ мстителемъ выступаетъ Перкунъ, богъ грома. Лат. Auseklis (Денница) мужское, а лит. Auḡine — женское божество. Но идея въ обѣихъ пѣсняхъ одинакова³⁾.

Сабезизмъ, или „поклоненіе солнцу и лунѣ“ — какъ Реза выражается — мы еще часто находимъ у „латышскаго племені“ въ его пѣсняхъ. Относительно солнца мы это уже видѣли выше, въ № 3, и увидимъ еще ниже, а касательно луны мы сейчасъ приведемъ еще нѣсколько лат. нар. пѣсенъ. Какъ люди обращаются къ Солнцу и сильно желаютъ его согрѣвающего свѣта, такъ же желателенъ для нихъ и свѣтъ луны. Дѣвица и юноша поютъ:

Teci gaiši, Mēnestiḗ,
Gaḗam manu glāžu logu:
Balti lini man vērpjami,
Neva skalu-plēsejiḗ'!

Бѣги свѣтло, луна⁴⁾
Мимо моего стекляннаго
окошка:
Я пряду бѣлый ленъ,
Нѣтъ у меня того, кто бы
накололъ лучинъ.

* * *

* * *

1) Ibid. стр. 315.

2) Su-deretu показываетъ, что въ лат. языкѣ рядомъ съ sa-, встречается и (какъ въ лит.) su-.

3) Ibid. стр. 316.

4) Луна со всѣми къ нему относящимися понятіями по-латышски мужскаго рода. (Зам. Спрогиса.)

Teci gaiši, Mēnestiņ,
Nakti vedu ligaviņ':
Dienu vesti ne pataru,
Dienu kungi karā sūta¹⁾.

Бѣги свѣтло, луна,
Я ночью приведу себѣ моло-
дую жену;
Днемъ вести нѣтъ досуга,
Днемъ господа посылають на
войну.

И луна (Мѣсяцъ) спѣшитъ на помощь молодымъ вои-
намъ:

Kur tu teci, Mēnestiņ,
Ar to zvaigžņu mēteliti?
— Karā iemu, karā teku,
Jaunu prišu paligā²⁾.

Куда ты бѣжишь, луна,
Въ звѣздномъ плащѣ?
— Спѣшу, бѣгу на войну,
На помощь молодцамъ!

Уже выше было указано, что по лат. и лит. преданіямъ звѣзды представляются дѣтьми Солнца и Мѣсяца. „По одной дайнѣ является даже Аушрине (Денница), обыкновенная соперница Солнца въ любви Мѣсяца, дочерью Солнца“. То же самое представленіе встрѣчается и въ малорусскихъ колядкахъ³⁾. Онѣ, изображая небесный сводъ великимъ чертогомъ или храмомъ, называютъ видимыя на немъ свѣтила: мѣсяцъ — домовладыкою, солнце — его женою, а звѣзды — дѣтками.

Ясне сонце — то господыня,
Ясенъ мисяцъ — то господарь,
Ясни зирки — то ёго диткы⁴⁾.

„Съ этимъ вѣрованіемъ“ — говоритъ Мангардтъ — „соединяется представленіе, что звѣзды, когда нѣтъ солнца, становятся сиротами“⁵⁾. (Ср. выше № 3.)

Какъ у грековъ и другихъ народовъ Солнце и Мѣсяцъ (Ἥλιος и Σελήνη) были сестрою и братомъ, такъ и въ лат. преданіи встрѣчается подобное представленіе, какъ-то:

1) Спр. стр. 314, 1—2.

2) Ibid. стр. 314, 3.

3) W. Mannhardt, Lettische Sonnenmythen стр. 317.

4) Метлинск., 342—3. — Аван., Поэтич. воззр. etc. I, стр. 79.

5) Lettische Sonnenmythen стр. 303.

Usīpam divi dēli
Sarkanām galvīpām:
Vīnu sūta pieguļā,
Otr' ar arklu tirumā.

Усинь имѣеть двухъ сыновей
Съ красными головами:
Одного онѣ посылаетъ на
ночное,
Другого съ плугомъ на поле.

* * *
Usīpam bij divi dēli,
Abi vīnu vecumu (? vecu-
mīp' L.);
Neredzeja, kad tie dzima,
Tik redzeja staigajot:
Prāvakais, kad strādaju,
Mazākais, kad guleju ¹⁾.

* * *
У Усиня были два сына,
Оба одинаковаго возраста;
Никто не видѣлъ, когда они
рождались,
А видѣли, когда они стали
ходить:
Большаго я видѣлъ, когда я
работалъ,
Меньшаго, когда я спалъ.

Эти оба сына Усиня, бога свѣта, можетъ быть, — солнце и луна, или подъ ними подразумѣвается утренняя и вечерняя заря ²⁾. Но эпитеты prāvakais (большій), mazākais (меньшій) приличествуютъ, какъ видно, лучше солнцу и лунѣ.

5. Считаніе звѣздъ.

Подъ этимъ заглавіемъ приведенъ паралл. текстъ, со-
отвѣтствующій относительно содержанія только въ нѣкото-
рыхъ строфахъ. При томъ мы встрѣчаемъ и здѣсь различ-
ный размѣръ.

По лит. тексту Солнце восходитъ, обошедши вокругъ
неба. Потомъ требуется отъ Солнца, чтобы оно окружило
небо и сосчитало звѣзды. Этимъ считаніемъ звѣздъ и на-
чинается паралл. текстъ, при чемъ въ лат. пѣснѣ Мѣсяцъ,
а въ лит. — Солнце считаетъ звѣзды, всѣ ли онѣ на небѣ.
Оба, Солнце и Мѣсяцъ, приходятъ къ результату, что одной
звѣзды недостаетъ. По лит. тексту, нѣтъ той звѣзды, кото-
рая рано восходитъ и поздно заходитъ, а по лат. — не-

1) Cp. R. Auning „Wer ist Uhssing?“ въ Magazin der lett. - liter.
Gesellsch. XVI, 2. стр. 23.

2) Ibid. стр. 41.

достающая звѣзда называется Auseklis (Денница). И имъ извѣстно, что она въ Нѣмечинѣ [Vāczemē] ¹⁾. Она шьетъ Солнцу платье (утренняя заря), прибавляя одну полоску изъ золота, другую изъ чистаго серебра. По вариантамъ (Taut. d. 9; W. M. 73 и 74; Ulm. 451), онъ (Auseklis) бѣжитъ, чтобы увидѣть дочь Солнца, обрученную съ Мѣсяцемъ (W. M. 73 и Taut. d. 9), и даже женится на ней (W. M. 73 и 74; Ulm. 451). Мы находимъ здѣсь, такъ сказать, начало свадьбы, изложенной уже выше въ № 1.

Въ сербской пѣснѣ Мѣсяць укоряетъ Денницу:

Мјесец кара звијезду Даницу:
 Ће си била, звијезда Данице?
 Ће си била, Ће си дангубила,
 Дангубила три бијела дана? ²⁾.

Въ продолженіи литовской даины не встрѣчается болѣе ничего мифологическаго. Какъ въ мифическомъ началѣ пѣсни требуется отъ Солнца, чтобы оно обошло небо и сосчитало звѣзды, такъ и здѣсь требуютъ отъ матери, чтобы она обошла дворъ и сосчитала своихъ дочерей. И при считаніи оказывается, что нѣтъ старшей дочери, которая рано встаетъ и поздно ложится; которая прядетъ ленъ, тклетъ холстъ, стребааетъ сѣно и жнетъ рожь. — Эта пѣсня поучительна. Мы видимъ изъ нея, какъ извѣстные древніе образцы пѣсенъ мифологическаго содержанія примѣняются къ болѣе новымъ образованіямъ, сюжетъ для которыхъ почерпнутъ изъ домашней жизни. По аналогіи древнихъ произведеній образуются болѣе новыя. То же самое показываетъ и 2-й лат. вариантъ. Въ немъ къ древней мифической пѣснѣ прибавлено новое, модное начало и новый конецъ.

1) Vācžeme употребляется или въ смыслѣ запада, гдѣ солнце заходитъ, или въ смыслѣ зарганицы, или даже въ смыслѣ другого небеснаго міра (какъ это, напр., встрѣчается выше, въ № 2). Биленштейнъ примѣчаетъ къ этому слову: Vācžeme bezeichnet oft nur das Ausland, wie im Neuen Testament Griechen eigentlich jeden Nichtjuden bedeutet, und den Türken einst jeder Europäer ein Franke war. Beachtenswerth ist hier aber die Bezeichnung der Himmels-, der Wolken-Region als eines (anderen) „Landes“. Ср. его 1000 Lettische Räthsel, стр. 64, зам. 430.

2) Спр. н. пјесме, II, 626. — Аѡан., Поэтич. возвр. I, стр. 79.

Можетъ быть, что считаніе звѣздъ, о которомъ въ этомъ паралл. текстѣ идетъ рѣчь, нужно принять за слабый слѣдъ того, что у древнихъ культурныхъ народовъ образовалось въ родѣ астрологіи. По крайней мѣрѣ, на то указываетъ греч. *ἄστρο-λόγος*. Ибо *λόγος* (вторая часть этого сложнаго слова) имѣетъ первоначально значеніе (чтенія, собиранія, считанія), на которомъ основывается и глаголѣ *λέγω*, изъ котораго *λόγος* образовалось. Это значеніе чтенія, собиранія, считанія имѣетъ *λόγος* еще у Гомера, гдѣ это слово встрѣчается нѣсколько разъ (напр., въ Одиссее I, 56: *παλὶλ-λόγος* *denuo collectus*; въ Илиадѣ I, 126)¹⁾. Значеніе считанія, чтенія имѣетъ и лит. *skaityti*, лат. *skaitit*. Считаніе звѣздъ мы встрѣчаемъ и въ народныхъ играхъ. По лат. нар. пѣснямъ (Zimse IV, 18; Taut. d. 9) нежеланный женихъ, вмѣсто согласія на бракъ, получаетъ задачу — счесть звѣзды. Если онъ сосчитаетъ ихъ, тогда только дѣвушка согласна выйти за него замужъ. Въ этнографическихъ матеріалахъ Бривземіака помѣщены и заклинанія (о ворахъ). Тутъ, между прочимъ, говорится, что воръ долженъ сосчитать всѣ звѣзды на небѣ, тѣ, что восходятъ, и тѣ, что стоятъ на одномъ мѣстѣ [*ir tās, kas lec un kas cietī*]²⁾.

Подобно тому, какъ въ продолженіи лит. текста мать считаетъ своихъ дочерей, въ одной лат. нар. пѣснѣ мать скликаетъ своихъ дочерей, всѣ ли онѣ вечеромъ налицо; всѣ онѣ налицо, за исключеніемъ младшей etc. (см. ниже VI, объ упавшемъ колыцѣ — объ утонувшей дѣвицѣ).

6. Лайма и утонувшій братъ.

Этотъ паралл. текстъ, на соотвѣтствіе котораго уже и Биленштейнъ указалъ (см. выше предисловіе), полнѣе, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Одинаковое содержаніе имѣетъ здѣсь и одинаковый размѣръ. Это мы встрѣчаемъ и въ вариантахъ, за исключеніемъ 3-го лит. варианта, отличающагося и по размѣру отъ другихъ.

1) На это обратилъ мое вниманіе профессоръ Д-ръ Левъ Мейеръ.

2) Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Стр. 180 и 181, № 575 и № 576.

Одна дѣвица подходитъ къ морю, чтобы увидѣть брата. Съ дюнъ она видитъ трехъ рыбаковъ и спрашиваетъ ихъ о своемъ братѣ. Рыбаки отвѣчаютъ, что ея братъ лежитъ, утонувши, на днѣ морскомъ. Дѣвица проситъ рыбаковъ, чтобы они вытащили ея брата изъ моря. Рыбаки требуютъ за это награды. Дѣвица даетъ одному рыбаку шелковый поясъ или шелковую рубаху, другому — шелковый платокъ или (по лит. т.) золотое кольцо, а третьему, штурману, которому ей нечего дать, — она хочетъ сама принадлежать. По 2-му и 3-му лат. варианту она даетъ третьему рыбаку золотое кольцо и предлагаетъ ему, такимъ образомъ, свою руку. Таково вкратцѣ содержаніе этого паралл. текста ¹⁾.

Разсмотримъ теперь подробнѣ различія, встрѣчаемыя въ этомъ текстѣ и въ его вариантахъ. Лит. т. и его два варианта, за исключеніемъ 3-го, напоминаютъ вначалѣ о богинѣ судьбы, Лаймѣ, которая указываетъ на утонувшаго брата. Въ лат. пѣсняхъ эта богиня поименована только въ 3-мъ вариантѣ, гдѣ въ концѣ пѣсни дѣвица предлагаетъ свою руку третьему рыбаку, даетъ ему свое кольцо и хочетъ сама принадлежать ему по опредѣленію милой Лаймы (*Pec Laimites likumip*). По лит. тексту и его двумъ первымъ вариантамъ говорится только объ одной сестрѣ, ищущей брата, по 3-му же варианту о двухъ, при чемъ по лат. источнику ихъ нѣсколько: три (по тексту и 1-му, и 3-му вар.), нѣсколько (не сказано, сколько) по 2-му и такъ же, какъ по лит. — одна по 4-му и 5-му вар. По лит. пѣснямъ ищутъ только одного брата, а по лат. (по тексту и 2-му вар.) — нѣсколько, и недостаетъ младшаго брата; по 1-му и 3-му вар. — два брата, по 4-му и 5-му вар. — одинъ братъ. Рыбаковъ какъ въ лит., такъ и въ лат. текстѣ трое. По паралл. тексту и обоимъ первымъ вариантамъ это штурманъ, которому дѣвица хочетъ принадлежать; а по тремъ послѣднимъ лат. вариантамъ это только третій рыбакъ (по 4-му суженый, по 5-му вар. младшій). По 3-му лит. варианту это лишь третій рыбакъ, за котораго дѣвица обѣщается выйти замужъ. Этотъ вар. подробнѣ описываетъ кончину утонувшаго. Награда, которую

1) Подобные мотивы мы встрѣчаемъ у А. А. Потебни, въ его сочиненіи: Объясненія молорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. II. Колыдки и шедровки. Варшава. 1887. Стр. 557 и слѣд.

дѣвица опредѣляетъ обоимъ первымъ рыбакамъ, различна. Первому она обѣщаетъ (лат. т. и 2-й вар.) тонкую рубаху (slēšu kreklu), по 3-му и 5-му вар. льняную, бѣлую рубаху; а по 1-му вар. пару перчатокъ, по 4-му вар. горсть цвѣт-ковъ. По лит. тексту и его двумъ первымъ вариантамъ первый рыбакъ получаетъ шелковый поясъ, по 3-му вар. шел-ковый платокъ. Второй рыбакъ получаетъ по лит. пѣснямъ золотое кольцо, а по лат. — шелковый платокъ (по т. и 2-му, 3-му и 5-му вар.), шелковый парусъ (1. var.) и золотое яблоко (4. var.).

Здѣсь, какъ видно, открывается передъ нашими глазами картина жизни и доли рыбаковъ. И имя Laima — Laimite представляетъ намъ ее подъ покровительствомъ богини счастья или судьбы. Реза передаетъ оба первые стиха лит. текста такъ:

Laimė šauke, Laimė rėke, Лайме звала, Лайме кричала,
Basi bėgant per kalnelį. Босая убѣгая черезъ горку.

У Нессельмана и Шлейхера эти стихи встрѣчаются съ небольшимъ измѣненіемъ. По Нессельману:

Laimė šauke, Laimė rėke, Лайме звала, Лайме кричала,
Basi bėgau per kalnelį — Я босая бѣжала черезъ горку.

По Шлейхеру:

Laima šauke, Laima vėrkė; Лайма звала, Лайма плакала;
Basi bėgau per kalnelį — Я босая бѣжала черезъ горку.

Стало-быть, у Резы Лайма зоветъ, кричитъ, плачетъ, и Лайма же бѣжитъ босая чрезъ горку, а у обоихъ другихъ издателей Лайма зоветъ, кричитъ, плачетъ тоже, но, вмѣсто ея, бѣжитъ босая дѣвица чрезъ горку. Что второпяхъ Лайма босая бѣжитъ (какъ у Резы), это доказываютъ, между про-чимъ, и слѣдующія лат. нар. пѣсни:

Nāc, Laimiņ'!), kad es lūdzu, Ступай, Лайминь'), когда я
прошу,
I basām kājiņām; И босыми ногами;

1) Laimiņ (Лайминь) dim. Лаймы въ зват. падежѣ.

Ausi kàjas — ilgi bús, — Будешь обуваться, долго бу-
детъ, —
Grūt manam mūdiņam! ¹⁾ Тяжелъ мой вѣкъ!

* * *	* * *
— Nelaimite kàjas ava, Dziràs man līdzī nàkt. Nàc, Laimiņ, kad es lūdzu, I basám kàjinám ²⁾ . —	Нелаймите (недоля, несчастье) обувала ноги, И готовилась мнѣ сопутство- вать. Ступай, Лайминь, когда я прошу, И босыми ногами.

Правописание Шлейхера „Laima“ вѣрнѣе, чѣмъ Laime, какъ это слово пишутъ Реза и Нессельманъ; ибо такъ она (Laima, съ чистою основою на -a) большею частью назы-
вается какъ въ лит., такъ и въ лат. языкахъ, въ противо-
положность нарицательному имени laime (счастье).

Подобно тому, какъ здѣсь, въ лит. пѣсняхъ, такъ и въ лат. пѣсняхъ Лайма, стоя на горѣ и видя, что дѣвицу ведутъ на мѣсто бѣдствій (nelaimites vietīa), предостерегаетъ ее отъ грозящей ей опасности. И лат. пѣсня совпадаетъ здѣсь почти слово въ слово съ литовскою, какъ это видно при сличеніи текстовъ:

Laimit' ³⁾ klieḑza, Laimit' ³⁾ bréca, Лайма звала, Лайма кричала
(плакала),
Kalniņāi stavedam' ⁴⁾. Стоя на горкѣ.

Какъ здѣсь, такъ и тамъ дѣвица благоговѣнно вни-
маетъ голосу богини Лаймы.

Уже Реза отнесъ Лайму къ специфически литовско-
латышскимъ божествамъ. Онъ говоритъ о ней слѣдующее:
„Лайма есть божество, свойственное только литовско-латыш-
скому народу. Она не встрѣчается ни у славянъ, ни у скан-
динавовъ, ни у какой-либо другой сосѣдней литовцамъ націи.

1) Спр. стр. 306—16.

2) Ar. M. 1877.

3) Dimin.

4) Zim. III, 79; Спр. стр. 306—15 и стр. 307—18.

Стендеръ въ своей лат. миѳологіи (Anh. z. Gram. стр. 264) говорить: „„Лайма была богиня судьбы; постилая для дитяти при рожденіи простыню, она рѣшала его участь.““. — Въ лит. нар. пѣсняхъ она, напротивъ, является дарующей всякое счастье въ человѣческой жизни¹⁾. Когда раздавался ея голосъ на горахъ, тогда человѣку предстояла неожиданная судьба“²⁾.

„Остермейеръ in dem krit. Beitrag zur altpreuss. Rel.-Gesch. (стр. 15) несправедливо сравниваетъ ее съ греческими парками, ибо образъ пряденія нити жизни литовцамъ неизвѣстенъ. Въ обыденной жизни еще часто слышится поговорка: Таip Laime lėmė, такъ опредѣлила Лайма“³⁾. — По моему мнѣнію, Остермейеръ совершенно правъ, сравнивая Лайму съ греческими парками; нельзя сказать, чтобы пряденіе Лаймѣ было совершенно чуждо. Это, по крайней мѣрѣ, можно доказать лат. источниками. Такъ, напр., Маря (христіанская замѣна Лаймы) упоминается прядущею въ слѣдующихъ заклинаніяхъ:

Vėrp, Māra, zida dīgu,	Пряди, Марья, шелковую
vėrp ar mani, vėrp ar sevi!	нитку, пряди со мною (?) пряди
Sin laumas, raganas,	одна! (?)
lai nekąpj manā stalli!	Привяжи лаумъ, раганъ
Milā Măriņa, dzen, gani	(вѣдьмъ),
manas gūsnīpas urdas (?),	чтобы онѣ не забрались въ
upes ūdens zālē.	мой хлѣвъ!
Četri rati — pīna rati,	Милая Марьюшка, гони, паси
četri rati — kreima rati,	коровушекъ по заливной (?)
četri rati — svīsta rati —	травѣ рѣки.
	Четыре повозки — повозки
	съ молокомъ,
	четыре повозки — повозки
	со сметаной,
	четыре повозки — повозки
	съ масломъ —

1) Точно такъ же въ лат. нар. пѣсняхъ и дальше, тамъ же, у Стендера.

2) То же самое, какъ выше показано, было и у латышей.

3) Rh. стр. 309 и 310.

sabrauc manā laidarā.

сѣзжаются на моемъ скот-
номъ дворѣ.

Divs Tēvs . . .').

Боже Отецъ . . .

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, изображена Лайма посылающей людямъ всевозможное счастье и умѣющей прясъ. Что она и богиня судьбы, какъ ее называетъ и самъ Реза, что она даже своего рода „парка“, это доказываютъ, между прочимъ, и ея обѣ товарки, Dēkla и Kārta²⁾. О нихъ поютъ:

Dēkla, Dēkla — Laima, Laima,
Visiem vienlīdz nedarat!

Декла, Декла — Лайма, Лайма,
Вы не со всѣми одинаково по-
ступаете!

Vienam darat visu labi,

Одному вы оказываете много
добра,

Cituš žēli rūdinat³⁾.

Другихъ вы заставляете горь-
ко плакать.

* * *

Dēkle sauca, Laima sauca,
Abas kalnā stāvēdamas:
Nesniedz roku, zeltainite,
Sivajāme tautiņāme!

Декла звала, Лайма звала,
Стоя на горѣ:
Не подавай руки, красавица,
Суровымъ иноплеменикамъ!

* * *

Sēdi, sēdi, tu, meitiņa,
Nesēd tava Dēkle, Laime,
Ik dienīņas Dēkle jāja,

Сиди, сиди, ты, дѣвица,
Не сидить твоя Декла, Лайма,
Ежедневно Декла ѣздитъ вер-
хомъ,

Tev araju meklēdama;

Отыскивая для тебя жениха-
пахаря;

Svida ilgi kumeliņis,
Līdz atrada arajiņu.

Долго потѣлъ ея конь,
Пока она не нашла пахаря.

* * *

* * *

1) Брив., Труды этнографического отдѣла. Кн. VI. Стр. 167 № 482.

2) Три дѣвы судьбы встрѣчаются и у грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ. Ср. мою статью въ Rakstu krajums IX.

3) Аг. М. 1873.

Dékle nāca rāmi, rāmi,
 Pelekāje mētelītē;
 Laima nāca žigli, žigli,
 Sudrabiņu laistidama.

* * *

Kas pie liepiņas uguni kūra?
 Kas manu ļaunu dien' sadedzi-
                                   nāja?
 Dékliņa liepu malku uguni
                                   kūra;
 Laimiņa ļaunu dienu sadedzi-
                                   nāja¹⁾.

* * *

Ta ir mana Kārta, Laima,
 Kas man' cēla kalniņā;
 Gan ir man tādu ļaužu,
 Lejiņā grūdejiņu²⁾.

* * *

Traucies, Kārta, traucies, Laima,
 Traucies, mana māmuliņa!
 Traucies, Kārta, vārtu celti,
 Laimiņ, celti kumelā,
 Traucies, mana māmuliņa,
 Apsegt baltas villainites³⁾.

* * *

Celies Kārti, celies Laime
 No ūdeņa, no akmiņ';
 Jo tu biji gan gulejsi
 Li es augu kalpenēm⁴⁾.

Декла шла тихо, тихо,
 Въ сѣромъ плащѣ;
 Лайма шла быстро, быстро,
 Серебро проливая.

* * *

Кто у липы развелъ огонь?
 Кто сжегъ мой несчастный
                                   день?
 Милая Декла разложила ли-
                                   повыя дрова;
 Милая Лайма сожгла несчаст-
                                   ный день.

* * *

Это моя Карта, Лайма,
 Онѣ поднимали меня на горку;
 Довольно у меня людей (вра-
                                   говъ),
 Сталкивающихъ съ нея внизъ.

* * *

Спѣши, Карта, спѣши, Лайма,
 Спѣши, моя матушка!
 Спѣши, Карта, отворить во-
                                   рота,
 Лайма — поднять на коня,
 Спѣши, моя матушка,
 Накрыть на меня бѣлыя покры-
                                   вала.

* * *

Поднимися, Карта, поднимися,
                                   Лайма,
 Изъ воды, съ камня;
 Ибо ты довольно спала,
 Пока я выросла служанкою.

1) Rakstu krajums IX, стр. 7.

2) Ar. M. 1882.

3) Rakstu kr. IX, стр. 18.

4) Büttner 761.

Слѣдующее мѣсто называется всѣхъ трехъ богинь вмѣстѣ :

Zil' Mairi', Dékl', Laimit, nàc mājā! Dīvs Tēvs . . .

[Синяя Марьюшка, Декла, Лаймушка, приходите домой!
Боже Отецъ . . .]¹⁾

Zil' Mairi' (синяя Марьюшка) стоитъ здѣсь, вѣроятно, вмѣсто Карты, и въ этомъ случаѣ замѣняетъ эту послѣднюю, тогда какъ она въ другихъ мѣстахъ замѣняетъ Деклу и особенно Лайму. Здѣсь приведено только нѣсколько примѣровъ и отнюдь не исчерпанъ матеріалъ, относящійся къ тремъ лат. богинямъ судьбы. Хотя я Деклы, о которой Стендеръ упоминаетъ, какъ о „Göttin der Säuglinge und Pflegerin der Wiegenkinder, die denselben Schlaf und Gedeihen geben solle“²⁾, въ литовскихъ источникахъ и не могъ найти, все-таки мы встрѣчаемъ корень, изъ котораго образовалось это слово, и въ лит. языкѣ. Лит. *dėti* (положить, класть, ставить, поставить), лат. *dēt* (имѣетъ то же самое значеніе), у Стендера *pupī dēt* (кормить младенца грудью), лат. *dēls* (сынъ), лит. *pirm-dėlys* (первороденный у животныхъ), лит. и лат. *dėle* (пѣвка); санскр. *dhā* (сосать грудь, *causat*. кормить, кормить ребенка грудью); греч. *τίθημι*; *τιθήνη* (мамка, нянька, кормилица), *θησθαι* (доить), *θηλή* (грудь матери); латин. *felare* (кормить ребенка грудью), изъ этого *filius*, *filia*, какъ лат. *dēls* отъ *dēt*. Стало-быть, *Dėkla* образовалось изъ *dė* + *kla*. *Karta*, повидимому, образовалось изъ глагола лит. *kirsti* (рубить, чертить), лат. *cirst* (того же значенія), слѣдовательно, *Karta* представляетъ ту богиню судьбы, которая разсѣкаетъ нить жизни. Итакъ, она соотвѣтствуетъ санскр. *Kṛtāntas* (богъ смерти, отрѣзающій конецъ), греч. *κῆρ* (*κηρός* и *καρός*), происшедшему изъ *κεῖρω* || *κερῶ*, русск. черту (= чертить). Эстск. *kurat* (чертъ), можетъ быть, заимствованъ у лат. *karta*. Въ лит. языкѣ встрѣчаются тоже слѣды этого мифическаго существа. Нессельманъ въ своемъ словарѣ приводитъ: „Kerte, es, f. vielleicht dasselbe in der Phrase: Kertę tropisi, du wirst übel anlaufen, es wird dir übel bekommen“. Здѣсь стоитъ *Kerte*, вмѣсто *Kārta*, какъ, напр., лит. *kār-bas* (бирка), и рядомъ съ этимъ *ker-bas* (того же значенія).

1) Брив., Труды этнограф., стр. 157, № 387.

2) *Sp. a. ergo lett. Myth.* стр. 262.

Самое древнее историческое извѣстіе о Лаймѣ и Деклѣ (Däckla) мы находимъ, сколько мнѣ извѣстно, у П. Эйнгорна († въ 1655 г.), сообщающаго объ этихъ божествахъ въ своей книгѣ *Historia Lettica* ¹⁾ (стр. 18 и 22). Извѣстіе о существованіи богини Лаймы у литовцевъ мы встрѣчаемъ еще въ 1666 г. Въ поздравительной поэмѣ *ad plebem Lithuanicam*, сочиненной пасторомъ В. Мартини въ Верденѣ, близъ Мемеля, и помѣщенной М. Клейномъ, пасторомъ въ Тильзитѣ, въ литовскомъ пѣсенникѣ, находится мѣсто: *Quid Laimelle tibi praestabit?* И М. Преторій, бывшій съ 1664—1685 г. пасторомъ въ Нибудзѣ, близъ Инстербурга, называетъ *Laimelle* богинею рожденія ²⁾. По одной лит. дайнѣ ³⁾ Лайма имѣетъ атрибутомъ колыбель (*subūkė*), и съ другой стороны, по лат. преданію, она должна (какъ мы это еще увидимъ ниже) укачивать павшихъ на войнѣ. Какъ помощница при родахъ, она вообще является богинею здоровья ⁴⁾. Ея функции выходятъ за кругъ дѣятельности богини судьбы (*mūža lisejiņa*). Уже выше, въ отдѣлѣ пѣсенъ, въ которыхъ говорится о пѣніи, мы видѣли, что она, дочь бога (*Dievs*), была гениемъ пѣнія. Вмѣстѣ съ богомъ неба, *Dievs'омъ*, она приближается къ человѣческому міру:

Jauni puīši, jaunas meitas	Молодцы, дѣвицы,
Tirijiet cēla malas:	Убирайте края дороги:
Jā! Dieviņš, brauc Laimiņa,	Ѣдетъ верхомъ богъ, Ѣдетъ
	Лайма,
Pakrit Laimas kumeliņš! ⁵⁾	Спотыкается конь Лаймы!

Они оба обходятъ пашни:

Laime gāja auzu-lauku,	Лайма прошла чрезъ овсяное
	поле,
Auzu skaru mētelits;	У нея плащъ изъ овсяной
	мякины;

1) *Scriptores Rerum Livonicarum*.

2) Ср. Joh. Lasici Poloni *De diis Samagitarum libellus*. Изданіе В. Мангардта, стр. (126) 49.

3) *Ness*. 6. — *Schl*. стр. 9.

4) Брив., *Труды etc.* стр. 141, № 246 и стр. 144, № 277.

5) *Спр*. стр. 299, 2.

Dieviņš gāja rudzu-lauku,	Богъ прошелъ по ржаному
	полю,
Rudzu rōgu cepurīte ¹⁾ .	У него шапка изъ житняка.

Въ одной лит. дайнѣ поется :

Lai me lēme	Лайма дала
Saulužēs dienatē,	Солнечный день,
Ir atšilo	И растаялъ
Ežere ledātis ²⁾ .	Ледъ въ озерѣ.

Варианты :

Dēvas dave gēdrajē dēnatē ³⁾ .	Богъ далъ ясный день.
---	-----------------------

Или :

Patekējo švēsoji saulužē,	Взошло ясное солнышко,
Ļstīrpino vasarōs ledatī ⁴⁾ .	Оно растопило лѣтній ледъ.

Итакъ, по лит. и лат. источникамъ Лайма возводится въ сословіе болѣе высокихъ божествъ. По моему мнѣнію, она первоначально была облачной дѣвой, на что, кромѣ только что приведенныхъ пѣсенъ, указываютъ еще другія пѣсни, отчасти воспѣвая эту богиню вмѣстѣ съ водою ⁵⁾, отчасти представляя ее богиней, располагающей стадами ⁶⁾. Одно заклинаніе называетъ ее прямо Лаймою коровъ [govu Laima] ⁷⁾. Объ облачныхъ коровахъ въ Ведахъ говорится много ⁸⁾. Стало-быть, если Лайма имѣетъ, какъ это явствуется изъ нашихъ источниковъ, отношеніе къ полеводству, насажденію деревъ (ей посвящена липа) и къ скотоводству, къ доставленію въ изобиліи масла ⁹⁾ etc., — то она получила это значеніе только какъ богиня природы. На это указываетъ и ея происхожденіе отъ Dievs'a, бога неба. Ея мѣсто-

1) Ib. стр. 307, 23. Ar. M. 1883.

2) Rh. 3 (10). Ness. II. Schl. стр. 7.

3) Ness. II. Замѣч. — Schl. стр. 8.

4) Ibid.

5) Rh. 75 (272). Ar. M. 215 и 217.

6) Ulm. 107. Ar. M. 307.

7) Брив. Труды etc. На удой, стр. 164, № 457.

8) Ср. Rign. I 92, 1; X 8, 3 и въ другихъ мѣстахъ.

9) Брив. ibid.

пребываніе приходится искать въ облакахъ. Такъ какъ дождь, падающій изъ облаковъ, можетъ приносить и изобиліе и вредъ, — то этимъ объясняется и неопредѣленная, шаткая природа этой богини, отчего она въ послѣдствіи и сдѣлалась богинею судьбы.

Обращая вниманіе на этимологию слова *laima*, мы находимъ по формѣ родственное въ греч. *λοιμός*, которое буквально совпадаетъ съ лит. *laimas* муж. р. Но ихъ значеніе діаметрально противоположно: *λοιμός* значитъ чума, моровая, смертоносная язва, а *laimas* || *laima* || *laime* — счастье, потомъ судьба, доля, которыя сближаютъ оба послѣднія значенія (такъ какъ судьба, доля можетъ быть и злая, смертельная) *laimas* и *λοιμός*.

И Лайму (богиню судьбы, счастья) мы часто встрѣчаемъ — какъ это уже и выше встрѣчалось, вмѣстѣ съ *Nelaimė* (несчастье, злосчастье), какъ-то:

*Laima gąja ar Nelaimi
Pa celių runadamas.
— Ej, Laimių, tu pa priekšu,
Grūd Nelaimi ūdeni¹⁾...*

Лайма ходила съ Нелаймою
По дорожкѣ, разговаривая.
— Иди, Лайма, ты впередъ,
Столкни Злосчастье въ воду.

* * *

* * *

*Nelaimite kąjas ava,
Dzirás manim lidzi nakt;
— Nac, Laimių, tu man lidzi
Basajám kàjičám!²⁾*

Нелайма обуваетъ ноги,
Готовится мнѣ сопутствовать;
— Ступай, Лайма, ты со мною
И босыми ногами!

Эта двоякая природа Лаймы тоже подтверждаетъ мое предположеніе, что эта богиня первоначально была облачной дѣвой. Шлейхеръ производитъ *Laima* (*Schicksalsgöttin*) отъ глагола *lemti* (опредѣлять судьбу). Онъ принимаетъ для *lemti*, лат. *lem-t* (того же значенія) корень *lam*, который онъ видитъ въ лит. *lam-stýti* [желать, *Ness. aus Brodovsky*]³⁾. Противъ этого надо возразить, что ни въ лит., ни въ лат. языкахъ нѣтъ примѣровъ, чтобы изъ *lam* произошло *laim*. Это могло бы лишь случиться съ корнемъ *lim*. И греч. *λοιμός*, можетъ

1) *Ag. M.* 1877.

2) *Спр.* стр. 308.

3) См. его *Litauische Grammatik* стр. 46.

быть, сближается съ $\lambda\iota\mu\acute{o}\varsigma$, $\lambda\epsilon\iota\pi\omega$ ¹⁾). Этимъ я ограничусь относительно Лаймы ²⁾).

Что лат. текстъ такъ же, какъ лит., имѣлъ миѳическое начало, это мы можемъ заключить изъ 4-го варианта, въ которомъ тоже имѣется миѳическое начало. Съ народнымъ пѣвцомъ случилось здѣсь только недоразумѣнiе. Вмѣсто того, чтобы начать съ Лаймы, какъ въ лит. пѣснѣ, онъ примѣнилъ здѣсь одинъ вариантъ о свадьбѣ дочери Солнца. Этотъ случай также свидѣтельствуешь о подтвержденной выше склонности эпической поэзiи, повторять излюбленные стихи при подходящихъ случаяхъ. Замѣчательно, что въ 3-мъ лит. вариантѣ упоминается о мѣдномъ мостѣ (*variū tiltūzis*). О мѣдномъ мостѣ говорится и въ лат. нар. пѣсняхъ (ср. R. kr. VI, стр. 88; VIII, стр. 4 etc.).

7. Юноша, умершій вслѣдствiе несчастной любви.

Этотъ паралл. текстъ богатъ содержанiемъ и вариантами. Юноша отправляется въ лодкѣ по волнамъ на смотрины. Онъ заѣзжаетъ въ усадьбу, гдѣ живутъ три красивыя дѣвушки, изъ которыхъ одна прядетъ, другая ткеть и третья сучить шелкъ. На третьей-то онъ желаетъ жениться. Но такъ какъ этой младшей за него не выдаютъ, онъ умираетъ съ горя, выразивши свое желанiе, чтобы его похоронили въ лиловомъ, или розовомъ саду, подъ розовымъ кустомъ, или подъ розовыми листочками. На его могилѣ вырастаетъ пышная роза съ девятью верхушками. Сюда приходятъ каждое воскресенье, даже каждое утро, молодыя дѣвушки украшаться розами. Наконецъ онѣ узнають въ одной благоухающей розовой почкѣ душу умершаго съ горя молодца.

Сравнивая, прежде всего, внѣшнюю форму этихъ текстовъ, мы находимъ, что лит. текстъ, хотя онъ по содержанiю вполне соотвѣтствуетъ латышскому, все-таки по размѣру отступаетъ отъ него. Въ лат. т., со всѣми его вариантами, господствуютъ четырехстопные трохеи. Между тѣмъ,

1) Ср. Benseler, Griechisch-deutsches Schul-Wörterbuch.

2) R. kr. IX, моя статья: О трехъ богиняхъ судьбы.

какъ 1-й и 3-й лит. вар. отличаются отъ латышскаго размѣромъ, 2-й же лит. вар., имѣя тоже упомянутые трохеи, совпадаетъ съ лат. пѣснями вполне.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ различія по содержанію. Лит. т. и его 1-й вар. имѣютъ въ началѣ десять стиховъ, повидимому, принадлежащихъ пѣснямъ о сиротѣ, и потому сюда не относящихся. Хотя и въ началѣ 2-го лит. варианта мы не находимъ никакого чужого прибавленія, все-таки здѣсь недостаетъ поѣздки въ лодкѣ, и конецъ этой дайны, впрочемъ, совершенно соотвѣтствующей лат. тексту, сокращенъ. 3-й лит. вариантъ есть не что иное, какъ конецъ пѣсни, сходной съ нашимъ паралл. текстомъ, хотя и имѣющей другое содержаніе. Какъ уже сказано, нашъ паралл. т. начинается поѣздкою въ лодкѣ. Лит. текстъ и его 1-й вар. называется даже рѣку Нѣманъ (*Nemonele, dim.*), по которой молодецъ ѣдетъ; лат. т. не упоминаетъ о водахъ, по которымъ совершается поѣздка, а только 9-й вар. называется море. Между тѣмъ, какъ въ 2-мъ лит. и 4-мъ и 5-мъ лат. вар. вовсе не сказано, какимъ образомъ юноша пріѣзжаетъ въ гости, изъ 1-го, 2-го, 3-го и 7-го лат. вар. явствуетъ, что онъ ѣдетъ верхомъ на смотрины. Наконецъ, въ 6-мъ, 8-мъ и 9-мъ лат. вар. поется также о поѣздкѣ въ лодкѣ, какъ и въ паралл. текстѣ и въ 1-мъ лит. вар. Занятіе трехъ дѣвушекъ, какъ по паралл. тексту, такъ и по вариантамъ, одинаковое. Только по 2-му лат. вар., упоминающему о четырехъ дѣвушкахъ, четвертая, младшая, кормитъ свиней и на ней-то парень желаетъ жениться. По лит. т. и его 1-му вар. сестрица срываетъ благовонный розовый бутонъ, и мать со слезами говоритъ: это не розовый цвѣтокъ, это душа юноши, умершаго съ горя. По лат. т. наряжаются у могилы молодца три дѣвушки. Число три намекаетъ здѣсь, повидимому, на трехъ дѣвушекъ, къ которымъ несчастный юноша пріѣхалъ на смотрины. Одна говоритъ: „Сорви розу!“ Другая отвѣчаетъ: „Нельзя сры-вать!“ Третья дѣвушка говоритъ: „Это душа молодца, который умеръ съ горя по дѣвицѣ!“ По 2-му вар. это два сына бога (*Dieva dēli*), которые пріѣзжаютъ верхомъ къ могилѣ, отламываютъ у „золотыхъ“ розъ два сучка, приносятъ ихъ въ церковь Мари (*Māras baznicā*) и украшаютъ ими алтарь Мари. Маря говоритъ: „Это душа молодца, умершаго съ горя.“ По 7-му вар. вырастаетъ на могилѣ юноши, похороненнаго подъ розовыми листочками, липа съ девятью верхушками. Сюда

приходятъ каждое утро дѣвушки, чтобы украшаться, но ни одна изъ нихъ не ломаетъ верхушки (? galvenieku). Приѣзжаютъ верхомъ два сына бога и отламываютъ верхушку. 3-й вар., записанный на верхнелатышскомъ діалектѣ, тоже называетъ двухъ сыновъ бога, но въ другомъ отношеніи. По 9-му вар.¹⁾ вырастаетъ на краю могилы въ цвѣтникѣ пышная роза, и опять-таки не дѣвушки, а два сына бога отламываютъ верхушку и несутъ ее въ избу чужаковъ (tautu istabā). Такъ какъ мать дѣвушекъ (meitu māte) съ удивленіемъ смотритъ на такіе цвѣтки, ей говорятъ, что это не розовые цвѣтки, а душа юноши, умершаго съ горя, вслѣдствіе того, что онъ не получилъ той дѣвушки, которая сушить шелкъ. Напротивъ, по 5-му, 6-му и 8-му вар. дѣвушки плетутъ себѣ вѣночки у могилы, на которой выросла развѣсистая липа, и потомъ онѣ отправляются въ церковь Маріи. Маря узнаетъ со слезами, что это душа юноши, умершаго съ горя. Наконецъ, какъ въ 2-мъ и 3-мъ лит., такъ и въ 1-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 7-мъ лат. вар. не встрѣчается метафоры.

Подобно тому, какъ здѣсь по нашему паралл. т. и его вариантамъ на могилѣ вырастаетъ роза или липа²⁾, вырастаетъ по португальскому народному романсу на могилѣ влюбленного кипарисъ, а на могилѣ любимой дѣвушки, тоже умершей съ горя, вслѣдствіе любви, — апельсинъ. Такія и тому подобныя превращенія, показывающія, что литовцы и латыши вѣровали въ извѣстнаго рода переселеніе душъ, встрѣчаются часто въ литовско-латышскихъ преданіяхъ. Такъ, напр., мы находимъ превращеніе любимой дѣвушки или вообще женщины въ птицу, рыбу и т. д. Многія такія превращенія мы встрѣчаемъ, напр., у Юшкевича въ его лит. дайнахъ (L. dainos 1242 — 1264). Уже упомянутый португальскій нар. романсъ показываетъ, что какъ влюбленный юноша, такъ и любимая дѣвушка превращаются въ голубя. По лат. нар. пѣснямъ³⁾ превращается любимая дѣ-

1) Подобный вар. встрѣчается и въ Latwija. II. No Lihgoschu Eernsta. Rihgā, 1874, стр. 18.

2) Ср. это превращеніе ниже въ VI. Объ упавшемъ кольцѣ. Объ утонувшей дѣвицѣ.

3) Zim. III, 41 и 42. Būtn. 2494.

вушка, между прочимъ, въ соловья. Здѣсь надо сравнить греч. сказаніе о Филомелѣ. Въ древнія времена чрезвычайно часто встрѣчались превращенія.

Касательно сыновъ бога (лат. *Dieva dēli*, лит. *Dievo su-
nelei*) уже неоднократно говорилось выше. Во многихъ пѣ-
сняхъ рѣчь идетъ только объ одномъ сынѣ бога, въ дру-
гихъ о нѣсколькихъ. Уже Мангартъ указываетъ на то, что
сынъ бога и планета Венера одно и то же существо. „Даль-
нѣйшее изслѣдованіе показываетъ, что его мнимое двой-
ственное появленіе, какъ вечерней и утренней звѣзды, дало
поводъ, принимать его за одного или за двухъ сыновъ бога,
которые дѣйствовали вмѣстѣ или вечеромъ или утромъ.“
Доказательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ пѣсни (Спр.
стр. 303 и 313; *Ulm.* 470 и др.), гдѣ два горящіе на морѣ
свѣтильника, которые въ первый разъ зажигаютъ сыны бога,
а въ другой разъ сами сыны бога являются такими свѣтиль-
никами, подъ которыми нужно подразумѣвать вечернюю и
утреннюю звѣзду. Если о сынѣ бога упоминается отдѣльно,
то это утренняя звѣзда, а иногда вмѣстѣ вечерняя и утрен-
няя звѣзда, планета Венера. По пѣснѣ Спр., стр. 302, ка-
жется, понятіе (сыновъ бога) распространяется на всѣ
звѣзды¹⁾. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, упоминается о ста сы-
нахъ бога, всадникахъ. По другимъ пѣснямъ (*W. M.* 42 и
43) стоятъ сѣрые кони сына божья во время сватанія передъ
дверьми Солнца. Когда дочь Солнца восходитъ по розѣ на
небо, она уже издали видитъ сына божья, сѣдлающаго своего
коня (см. выше № 2). Божьи сыны пріѣзжаютъ верхомъ и
впускаютъ своихъ коней въ золотой загонъ²⁾. „Куда дѣва-
лись божьи кони?“ спрашиваетъ одна лит. пѣсня, и отвѣ-
чаетъ: „божьи сыны на нихъ поѣхали. Куда поѣхали божьи
сыны? Искать дочерей Солнца“³⁾. Божьему сыну, какъ
всаднику, принадлежать и шпоры, которыя куетъ небесный
кузнецъ⁴⁾.

Въ тѣсной связи находятся сыны божьи съ дочерью
Солнца. Когда она восходитъ по розѣ, она встрѣчается съ

1) *W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen* стр. 306.

2) Спр. стр. 298. — *W. M.* 82.

3) Аван., Поэтич. воззр. I, стр. 84.

4) Спр. стр. 313.

сыномъ божьимъ (см. выше). Сыны божьи служатъ шаферами, когда дочь Солнца выходитъ замужъ на западѣ¹⁾. Съ другой стороны говорится, что сыны божьи отняли кольцо у дочери Солнца²⁾. По другимъ пѣснямъ они находятъ ея кольцо утромъ на днѣ морскомъ³⁾. Когда она заходитъ въ море, тогда сынъ божій стоитъ на горѣ⁴⁾. Божьи сыны всю ночь до утра гребутъ въ лодкѣ, чтобы спасти жизнь дочери Солнца⁵⁾. Они зажигаютъ двѣ свѣчи на морѣ, ожидая дочь Солнца⁶⁾. Она сгребаетъ сѣно на Двинскомъ берегу, на-супротивъ Утренней звѣзды⁷⁾ (Auseklis мужск. р.), и она ломаетъ его мечъ⁸⁾. А большею частью выступаетъ сынъ божій женихомъ дочери Солнца. Пока она купается въ изгибѣ быстрой рѣчки, онъ подсматриваетъ изъ-за куста золотистыхъ лозъ⁹⁾. Когда онъ сватается за дочь Солнца, кони его провожатыхъ стоятъ (вечеромъ) передъ дверьми Солнца; онъ подаетъ ей руку чрезъ Daugava [черезъ Двину, большую воду]¹⁰⁾. Auseklis (утренняя звѣзда) оставляетъ хороводъ звѣздъ, отправляясь свататься за дочь Солнца (см. выше № 5); онъ (Аусеклисъ) рано восходитъ, желая жениться на дочери Солнца¹¹⁾. Божьи сыны строятъ для нея клѣтъ, а она проходитъ, трепеща, какъ листочекъ¹²⁾ . . и т. п.

Мангардтъ справедливо сравниваетъ Dieva dēli (лит. Dievo sunelei, божьи сынки) съ греч. Διὸς υἱοὶ и инд. асви-
пау. Онъ говоритъ:

„Свѣдущій человѣкъ можетъ замѣтить, что латышскимъ сказаніямъ о сынахъ бога и о дочери Солнца или дочери бога вполне соотвѣтствуютъ греческія сказанія объ обоихъ Діоскурахъ и ихъ сестрѣ Еленѣ. Хотя ихъ сказаніе, какъ у Гомера, такъ и у Пиндара (въ Кипріахъ) затемнено раз-

1) Ulm. 483.

2) Спр. стр. 311. — Ulm. 458.

3) Rh. 48 (172). Ness. 5. Schl. стр. 12.

4) Ulm. 469.

5) Bütn. 18. — Спр. стр. 312.

6) Спр. стр. 303; 313.

7) Ib. стр. 310.

8) Ib. стр. 311.

9) Ib.

10) W. M. 42.

11) Спр. стр. 315.

12) Ib. стр. 303.

ными чуждыми мотивами, все-таки у обоихъ по большей части почти въ чистомъ видѣ сохранилось болѣе древнее преданіе, которое, несомнѣнно, основывается на нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Солнцѣ, въ родѣ гимновъ въ Ведахъ, или въ родѣ нашихъ лат. пѣсенъ, и соединило различные образы одной и той же мысли въ одно сказаніе.

Слову Dieva déli, Dievo sunelei по смыслу совершенно соотвѣтствуютъ гр. Διὸς κοῦροι. Какъ тѣ, такъ и другіе означаютъ утреннюю и вечернюю звѣзду¹⁾, изъ которыхъ одна является въ началѣ ночи тамъ, гдѣ солнце заходитъ и находится входъ въ преисподнюю, другая — въ началѣ дня. Поэтому Διὸς κοῦροι живутъ изо дня въ день попеременно одинъ въ могилѣ, другой въ сіяніи земного дня или у отца Зевса²⁾. — Ихъ сестра Елена (Ἑλένη рядомъ съ нимъ Ἑλένοϋ образовано изъ корня σFél = svar, какъ παρθένος отъ корня vardh расти, блестящая, утренняя заря или свѣтъ утренняго солнца) приводится у Гомера какъ дочь Солнца, дочь бога — Διὸς κοῦρη, κοῦρη Διὸς αἰγίοχοιο (Ил. III, 426), Διὸς ἐκχέχυαια (Од. IV, 184) и т. д. Если, кромѣ Зевса, ея родного отца, называютъ Тиндарея ея отцомъ передъ всѣмъ свѣтомъ, то это основывается, несомнѣнно, на различныхъ сказаніяхъ и гимнахъ, въ которыхъ, вмѣсто Зевса, именовали ея отцомъ Τυνδ-άρ-εος || Τυνδ-άρης [толкающій, колющій, der Stossende, Stechende]³⁾. Man fühlt sich versucht, dabei an jenes pfeilartige Hervorstossen, Emporschiessen der ersten Lichtstrahlen des Morgens zu denken, прибавляетъ Мангардтъ.

По той же причинѣ, какъ Dieva déli, снабжены и Διὸς κοῦροι конемъ и телѣгою. Илиада III, 237 называетъ Кастора ἵπποδαμος, гимнъ Гомера къ Διὸς κοῦροι означаетъ обоихъ братьевъ ταχέων ἐπιβήτορες ἵππων, что Voss⁴⁾ какъ въ Од. XVIII, 263, отнесъ къ взлѣзанію на телѣгу, запряженную конями. Вмѣстѣ съ тѣмъ другіе поэты, основываясь на болѣе древнихъ преданіяхъ, или на субъективномъ мнѣніи, изображали Διὸς κοῦροι всадниками. У Эврипида проявляется

1) Welcker, Griechische Götterlehre I, стр. 606 и слѣд. стр.

2) Kyprien bei Pindar. Nem. X 86 sq. — W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 309.

3) Curtius, Grundz. Aufl. 2, 204.

4) Myth. Briefe II, 1.

еще болѣе древнее представлѣніе. Διὸς κοῦροι называются возничими, правящими бѣлыми конями λεύκιπποι (Hel. 646), и 1511 поется:

μόλοιτε ποτ' ἑππιον ἄρμα
δι' αἰθέρος ἱέμενοι,
παῖδες Τυνδαρίδαι,
λαμπρῶν ἄστρον ὑπ' ἀέλλαισιν.

Пиндаръ (Pyth. I, 126. Ol. 3, 39) называетъ Діоскуровъ λευκόπῳλοι, εἵπποι. Достоверность этого названія подтверждается сказаніемъ, что сыны Зевса похищаютъ себѣ въ супруги Левкиппидовъ Фойбе (чистая, ясная. Curtius Grundz. Aufl. 2. 581) и Гилайру (веселая, срав. ἱλαρὸν φέγγος яркій свѣтъ дня), о которыхъ Preller II 98 справедливо говоритъ: Ихъ имена Гилайра и Фойбе обозначаютъ блестящій свѣтъ и ясный блескъ, ихъ отца Левкиппа надо понимать какъ λευκόπῳλος ἡμέρα¹⁾. Итакъ, сыны неба имѣютъ сестрою красивѣйшую изъ всѣхъ женщинъ, Утреннюю зарю (-разсвѣтъ); сватаясь они протягиваютъ руку геніямъ утренней зари или дневному свѣту.

Мангардтъ продолжаетъ: „Какъ варианты, лишь въ другой формѣ, съ весьма родственнѣмъ содержаніемъ, лат. пѣсни о Солницѣ помогаютъ намъ понимать сохранившіяся (въ Кипріяхъ у Пиндара Nem. X 55 и слѣд., Apollod. III 11, 2) традиціи, что Діоскуры начали спорить изъ-за стада рогатаго скота съ обоими Афареtidaми Линкеемъ (Lichtmann, Lichtmacher? oder der wie ein Luchs sehende) и Идасомъ (der Sehende? Sehenmachende?). Діоскуры скрываются въ дуплѣ дуба (δρυὸς ἐν στελέχει), чтобы подстеречь своихъ враговъ, но Линкей, имѣющій изъ всѣхъ земныхъ жителей самое острое зрѣніе, увидѣлъ ихъ, посмотрѣвъ внизъ съ горы Тайгета²⁾. Идасъ закалываетъ Кастора и бросаетъ въ грудь Полидевка камень съ могилы своего отца Афа-

1) Ср. тамъ же бѣлаго коня дня и W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 95.

2) Точно такъ же глядитъ сынъ божій съ ивовога куста, см. выше и срав. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 297 и 309.

рея¹⁾, а его самого поражает молнія Зевса, послѣ того какъ Полидевкъ пронзилъ Идаса копьемъ. Такъ какъ Полидевкъ хочетъ умереть вмѣстѣ со своимъ братомъ, то Зевсъ позволяетъ своимъ сынамъ попеременно пребывать то на небѣ, то въ преисподней.

„Я не согласенъ съ ходячимъ мнѣніемъ“ — говоритъ Мангардтъ — „что Афарида мессинскіе Діоскуры, но я вижу въ нихъ въ сравненіи съ утренней и вечерней звѣздой два олицетворенія того времени, когда начинается свѣтать, именно, двойниковъ Левкиппидовъ и латышской дочери Солнца. Какъ послѣдняя то выступаетъ въ качествѣ невѣсты сына божья, то пляшетъ съ нимъ подъ кленомъ, вѣшаетъ вмѣстѣ съ нимъ свое кольцо на дубъ (солнечное древо ночи), то, напротивъ, ломаетъ его мечъ, такъ Афаретиды въ спорѣ о коровахъ (красные свѣтовые лучи утра, ср. 350 коровъ Геліуса) могли являться противниками (гасильщиками) Діоскуровъ, сидящихъ въ дубу (какъ Астеринъ подъ деревомъ, въ которое онъ впослѣдствіи превращается, см. у Манг. стр. 237). Смерть Кастора отъ камня, брошеннаго Идасомъ, соответствуетъ вполне бросанію камня Солнцемъ въ Мѣсяцъ въ нашей лат. пѣснѣ²⁾. Камень — это солнечный шаръ, прекращающій блескъ утренней звѣзды. Что камень взять съ могилы отца Афаретидовъ, эта мысль приходится здѣсь кстати, если подъ Афаретомъ (форма Афарей *ἀφορίστικον*) подразумѣвать умершаго бога Солнца прошедшаго дня, т. е. бога Солнца, еще не облекшагося (покрываломъ ночи) *ἀ-φάρητος* отъ *φάρος*, *φάρος* покрывало, покровъ, ср. *ἀ-κόσμητος* отъ *κόσμος*“³⁾.

Уже Welcker и Preller замѣтили близкое родство греческихъ Діоскуровъ съ обоими Асвінау индійцевъ. „Еще яснѣе аналогія послѣднихъ съ сынами божьими въ латышскихъ пѣсняхъ о Солницѣ“, говоритъ Мангардтъ. Асвины

1) Pindar Nem. X, 123: *Τοὶ δ' ἔναντα σταθέν τύμβῳ σχεδὸν πατρίῳ. Ἐνθεν ἀρπάξαντες ἄ-γαλμ' Αἶδα, ξεστὸν πέτρων Ἐμβάλον στέρον Πολυδεύχεος.* — —

2) Ср. выше № 4.

3) Lett. Sonnenmythen стр. 311 и 312.

называются Divô parâtâ¹⁾, сынами Dyaús'a, неба. Ихъ имя Aśvinau, хотя оно первоначально и означаетъ владѣльца лошадей или всадника, или сына коня²⁾ (áśva жеребецъ = солнце, áśvâ кобыла = утренняя заря), представляетъ намъ лучи свѣта въ видѣ коней³⁾. Слово, соответствующее индйскому áśva, встрѣчается въ лит. ašva, os, f. (кобыла, заводская кобыла), ašvinis (лошадь), старопрусс. asvinan (кобылье молоко), лат. ašavi (какое-нибудь зелье, у Stend. Binsen), срав. гот. eiſva-tundi (лошадиный зубъ). По моему мнѣнiю, сюда относится и старопрусс. kauwe (кобыла), лат. řeve, диалект. ðeve (кобыла). Здѣсь слѣдовало бы констатировать ту же самую перестановку, какова, напр., встрѣчается въ русск. „камень“, литовско-лат. akmens и санскр. áṣman. Итакъ, въ лат. řeve || ðeve существовала бы древняя форма, въ которой еще сохранился первичный звукъ к. Сюда можно было бы прибавить еще нѣсколько примѣровъ, какъ то: лат. kuŗa (сука; срав. гр. κῶων, латинск. canis вм. cvanis, санскр. řva, гот. hun-ds) рядомъ съ этимъ лит. řū, лат. sunis (собака). Въ описанiи, встрѣчаемомъ въ Ведахъ о Асвинахъ, не трудно узнать олицетворенiе двухъ звѣздъ, никогда не являющихся одновременно. Мангардтъ видитъ и въ нихъ вечернюю и утреннюю звѣзду. „Но онѣ тѣсно связаны, такъ какъ ихъ отношенiе къ солнцу и къ утренней и вечерней зарѣ, какъ въ то, такъ и въ другое время дня, сходно. Онѣ представляются видными и дѣятельными преимущественно утромъ, такъ какъ восходъ солнца во всѣ времена сильнѣе дѣйствовалъ на воображенiе человѣка, чѣмъ закатъ солнца. Знаменитый комментаторъ Ведъ, Yaska, приводитъ древнюю пѣсню, по которой одинъ называется сыномъ Ночи, другой — сыномъ Утренней зари; первый наполняетъ все сыростью, другой — свѣтомъ. И въ одной строфѣ Ригъ-Веды тотъ называется побѣдоноснымъ, пребывающимъ въ воздухѣ, другой — счастливымъ и сыномъ Dyaús'a, и отождествляется съ солнцемъ. Но люди къ обоимъ одинаково взываютъ и приносятъ какъ тому, такъ и другому жертвы. Они появляются раньше всѣхъ боговъ передъ восходомъ солнца, когда

1) Muir, original Sanscrit texts Vol. V, London 1872 стр. 235.

2) По лат. сказанiямъ одинъ герой имѣетъ матерью кобылу.

3) Cp. M. Müller, Vorlesungen über Wissensch. d. Spr. II, 451.

послѣ полуночи свѣтъ начинается бороться съ темнотою и ночь уступаетъ утренней зарѣ. Тогда, только начинается разсвѣтать, они запрягаютъ своихъ коней въ телѣгу и спускаются внизъ на землю, чтобы принять благоговѣйное поклоненіе и жертвоприношенія отъ своихъ поклонниковъ¹⁾. Поэтому вечерняя или утренняя заря (*Uśas*) и называется ихъ сестрою. Ее во многихъ другихъ гимнахъ, когда рѣчь идетъ о ея бракосочетаніи съ Асвинами, называютъ *хат' э́со-хън* *Suryā*, т. е. греческ. *Hellē*, или санскр. *Divō duhitā*, дочь неба, *Διὸς θυγάτηρ*, при чемъ они сами называются — сынами неба (*Dyaúṣ*). Она рождается, когда они запрягаютъ своихъ коней въ повозку²⁾. Но *Uśas* называется и *Suryasya duhitā*, дочь Солнца, и въ Ведахъ говорится, что дочь Солнца стоитъ на телѣгѣ Асвиновъ, что она избрала ихъ обоими своими супругами. Но по одному гимну (*Rigv. X 85, 9. 14*) Сомъ былъ счастливый женихъ дочери Солнца, *Suryā*, и *Aśvīnau* два друга счастливаго жениха, сопровождающіе его въ свадебной поѣздкѣ, когда *Savitar* (богъ Солнца) выдаетъ свою дочь за Сому³⁾. И *Sayana* рассказываетъ, по одному брагману, что *Savitar* рѣшился выдать свою дочь *Suryā* замужъ за царя Сому (*Soma*). Всѣ боги старались получить ея руку; съ этою цѣлью они согласились, что тотъ, кто на скачкахъ, на которыхъ солнце должно быть цѣлью, побѣдитъ, получить ея руку. Асвины побѣдили противниковъ, завладѣли ею, и она сѣла къ нимъ въ телѣгу⁴⁾. — *Soma* олицетворенный напитокъ боговъ ведическаго вѣка. Если принять въ указанныхъ выше мѣстахъ, какъ это часто встрѣчается въ *Атарваведѣ*, въ болѣе новыхъ гимнахъ *Ригъ-Веды* и въ *Брагманахъ*⁵⁾, что Сомъ есть названіе луны, то порядокъ мыслей будетъ яснѣе. It is not unnatural, from the relation of the two luminaries, that he (*der Mond*) should have been regarded as son in law of the sun⁶⁾. Можетъ быть, что въ этихъ преда-

1) Muir тамъ же стр. 238.

2) Muir тамъ же стр. 238. — M. Müller, *Essays* II 82.

3) Muir тамъ же 237.

4) Muir тамъ же 236.

5) Muir тамъ же 271.

6) Muir тамъ же 237.

ніяхъ слово Soma замѣняетъ названіе луны въ болѣе древней формѣ. Если допустить это предположеніе, то можно найти въ латышскихъ пѣсняхъ (о сынахъ божьихъ, везущихъ приданое дочери Солнца; о дочери Солнца, проходящей клѣтъ обоихъ сыновъ божьихъ; о соперничествѣ Мѣсяца съ сынами божьими при сватаніи къ дочери Солнца) поразительныя соотвѣтствія. Миѣическую основу Левкиппидовъ М. Мюллеръ ¹⁾ справедливо находитъ въ Rígv. I 115, 2: „Асвины торжественно женятся на Утренней зарѣ, которую везутъ бѣлые кони“ ²⁾.

Возвращаясь отъ изложеній Мангардта къ нашимъ лат. вариантамъ (2, 3, 7 и 9), въ которыхъ тоже встрѣчаются Dieva dēli, мы находимъ, съ одной стороны, что этихъ пѣсенъ Мангардтъ не зналъ и, съ другой стороны, что въ нихъ говорится о сынахъ божьихъ при такихъ обстоятельствахъ, что они не совсѣмъ подходятъ подъ выше приведенное описаніе. За исключеніемъ 3-го вар., по которому оба сына бога (Dīva dalenī) рано отправляются вѣнчаться (Agru brauica laulotus) и такимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, подходятъ подъ описаніе Мангардта, три прочіе варианта, по которымъ оба сына бога (divi Dieva dēli) подѣзжаютъ къ могилѣ юноши, умершаго съ горя, и отламываютъ два сучка у золотой розы (2. var.), или верхушку липы (7. var.), или, наконецъ, верхушку пышной розы (9. var.), — эти три варианта по ихъ миѣическому содержанію еще темны. Впрочемъ, мы еще ниже нѣсколько разъ встрѣтимъ сыновъ божьихъ.

8. Божественное родство сироты.

Заканчивая обзоръ миѣическихъ пѣсенъ, приведемъ еще этотъ паралл. текстъ. Хотя здѣсь налицо и нѣтъ полнаго паралл. текста, все-таки мы находимъ въ немъ, какъ на лит., такъ и на лат. сторонѣ сходный порядокъ мыслей, сходное религіозное представленіе и чувствованіе. Въ этомъ текстѣ говорится, что сирота имѣетъ матерью Солнце (Saulė) или Лайму (судьбу), отцемъ — Мѣсяца (Mėnu) или бога

1) Essays II 82.

2) W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 313 и 314.

(Dievs), сестрою — звѣзду (*Žvaigžde*, fem. gen.) и братомъ — Семизвѣздіе (*Sietas*, m. gen.) или братьями — сыновъ божьихъ (*Dieva dēli*).

Лит. вар. показываетъ различіе только въ томъ, что въ немъ сиротою является — юноша, между тѣмъ какъ выше сиротою была дѣвушка, и ясныя звѣзды (въ большомъ числѣ) на небѣ — его сестры, зеленые дубы въ лѣсу — его братья и ясная Денница (*švėsi aušra*) на небѣ — его невѣста. Подобныя этому представленія встрѣчаются и во многихъ лат. нар. пѣсняхъ.

Родственные представленія этимъ лит. и лат. пѣснямъ мы находимъ въ одной русской пѣснѣ, которую изъ Липецкаго уѣзда, Тамбовской губ., приводитъ А. Аѳанасьевъ въ своемъ сочиненіи:

„Перевощикъ, добрый мѡлодецъ!
Перевези меня на свою сторону“.
— Я перевезу тебя — за себя возьму.

Въ отвѣтъ ему говорить красная дѣвица:

„Ты спросилъ бы меня,
Чьего я роду, чьего племени?
Я роду ни большого, ни малаго:
Мнѣ матушка — красна Солнушка,
А батюшка — свѣтѣль Мѣсяцъ,
Братцы у меня — часты Звѣздушки,
А сестрицы — бѣлы Зорюшки“ ¹⁾.

Мангардтъ видитъ и въ этой дѣвицѣ зарю, какъ дочь Солнца, которая проситъ перевозчика перевезти ее чрезъ воду (ночной небесный океанъ) на свою сторону ²⁾. По этому дѣвица въ нашемъ паралл. текстѣ не есть земная сирота, а первоначально осиротѣвшая дочь Солнца, о которой уже выше говорено было подробнѣе. Одна лат. пѣсня ясно говоритъ о дочери Солнца, какъ о сиротѣ, сравниваетъ ее съ земною сиротою и подтверждаетъ, такимъ образомъ, выше упомянутое мнѣніе Мангардта, что онѣ, должно быть, тождественны. Эта пѣсня гласитъ:

1) Поэтич. возвр. I 80.

2) Lettische Sonnenm. стр. 305.

Neraudi, man' māsīṣa,
Ne tu viena bārenīte;
Saulītei viena meita,
I ta pati bārenīte ¹⁾).

Не плачь, моя сестрица,
Ты не одна сиротинка;
У Солнышка одна дочь,
И та даже сиротинка.

При всемъ томъ и человѣкъ находится въ очень близкихъ отношеніяхъ къ звѣздамъ. Такъ, напр., съ паденіемъ звѣзды приводится въ связь рожденіе дитяти, и послѣ смерти человѣкъ, въ качествѣ звѣзды, нисходитъ въ жилище душъ:

Ne ta zvaigzne visu nakt',
Kur' ūslēca vakarā;
Us pusnakti ieligoja
Dvēselīšu namiņa ²⁾).

Не всю ночь (свѣтитъ) звѣзда,
Которая восходитъ вечеромъ;
Къ полуночи она нисходитъ
Въ жилище душъ.

И Daugava (большая небесная вода) полна дорогихъ душъ, повидимому, въ родѣ еще не сверкающихъ звѣздъ:

Daugaviņa, melnacīte,
Melna tek vakarā;
Kā ta melna ne teceja,
Pilna dārgu dvēselīšu! ³⁾

Двинушка, черноглазая,
Черная она течетъ вечеромъ;
Какъ не течь ей черною, —
Она полна дорогихъ душъ
(жизней Спр.).

Въ этихъ и другихъ лат. пѣсняхъ часто встрѣчается очень древнее вѣрованіе, по которому души умершихъ незримы на небесномъ пространствѣ или пребываютъ во мракѣ ночного неба. Поэтому дитя съ заходящимъ Солнцемъ посылаетъ вечерній привѣтъ усопшей матери ⁴⁾.

Уже выше, въ № 4, гдѣ Мѣсяцъ женится на Солнцѣ, рѣчь была о томъ, что отъ ихъ брака рождались дѣти-звѣзды. Лит. текстъ со всѣми своими вариантами еще подтверждаетъ это. — Частыя тройныя повторенія въ лит. дайнахъ, повидимому, свидѣтельствуютъ, что здѣсь передъ нами древніе священные гимны, которые, можетъ быть, когда-то пѣлись при богослуженіи. Число три издревле священно. Такимъ образомъ и литовецъ и латышъ встрѣчались въ своей земной

1) Аг. М. 164.

2) Спр. стр. 315. — Мангартъ (стр. 324) видитъ въ этой звѣздѣ вечернюю-утреннюю звѣзду.

3) Спр. стр. 12.

4) Ib. стр. 310, 8.

скорби, въ безпомощномъ состояніи сиротъ, на общей почвѣ, по случаю призыванія общихъ божествъ, замѣняющихъ имъ часто отца и мать, брата и сестру.

III. Военныя пѣсни.

Литовскія и латышскія военныя пѣсни весьма своеобразны. Очень рѣдко онѣ приводятъ насъ на театръ войны или въ самую борьбу. По большей части въ нихъ говорится о приготовленіяхъ къ войнѣ. Вороны, лебеди, синица несутъ сестрѣ извѣстіе о томъ, что братъ ея долженъ отправиться на войну. Сестры помогаютъ брату одѣваться и украшаютъ его надлежащимъ образомъ передъ важной поѣздкой. Съ пѣніемъ онѣ его наряжаютъ и со слезами провожаютъ его. Конечно, отецъ и мать, а также и возлюбленная принимаютъ во всемъ живое участіе. Уѣзжая верхомъ, братъ оставляетъ условный знакъ, по которому можно узнать, возвратится ли онъ или нѣтъ. Онъ сажаетъ, напр., дубъ. Если дубъ зазеленѣетъ, то братъ возвратится, если дубъ засохнетъ, то братъ не возвратится и т. п. Потомъ слѣдуетъ трогательное прощаніе, вопросъ: когда онъ возвратится, и отвѣтъ: спустя девять лѣтъ (отъ „лѣто“, *ra devīri vasarī*); если онъ самъ не возвратится, то прибѣжитъ его конь домой; спросите его, гдѣ остался всадникъ etc., etc. Многіе тому подобные образы представляютъ какъ лит., такъ и лат. военныя пѣсни въ параллельныхъ текстахъ и вариантахъ. Такъ же въ нихъ поется и рассказывается, какъ прибѣгаетъ домой обрызганный кровью конь и отвѣчаетъ сестрамъ на ихъ вопросы, что всадникъ-братъ остался тамъ, гдѣ рѣки кровью текутъ, гдѣ строятъ мосты изъ костей и т. д. Многія пѣсни этого отдѣла содержатъ миѣическіе элементы, доказывая тѣмъ глубокую древность. Такъ, напр., когда сестры, заливаясь слезами, спрашиваютъ, кто имъ будетъ помогать горевать по убитомъ братѣ, самое благодѣтельное божество готово имъ помогать.

Солнышко говорило, заходя:

Я буду вамъ помогать горевать по братѣ;

Девять дней по утрамъ я буду закутываться въ туманъ,

А на десятое утро не взойду.

Слѣдовательно, само солнце готово закрыться траурнымъ покрываломъ и одинъ день даже не восходить, скорбя о павшемъ героѣ. Оно готово пріостановить свое теченіе, какъ во времена Іисуса Навина, когда боролись дѣти Израиля. Въ этихъ военныхъ пѣсняхъ, какъ уже сказано, заключаются иногда миѳическіе элементы. Въ нихъ поется и рассказывается, напр., что сыны божьи обходятъ театръ войны, собирая души покойныхъ. Найдя одну изъ павшихъ душъ, они завертываютъ ее въ бѣлую пелену, приносятъ въ священную сѣнь, укладываютъ въ божью колыбель (Dieva šūpuli); приставляютъ качать Марю (или Лайму), которая качаетъ, припѣвая:

„Убитаго воина душенька,
Безсмертна ты во вѣки вѣковъ.“

Здѣсь, стало-быть, открывается намъ видъ на извѣстнаго рода Валгаллу латышей.

Далѣе, эти пѣсни приводятъ намъ и другіе образы: Два голубя пьютъ изъ лужи, и оба воркуютъ; два брата отправляются на войну, оба ѣдутъ въ раздумьи: итти или нейти, или остаться имъ на родинѣ? На родинѣ жизнь хороша и т. д. Или отправляясь на войну, братъ оставляетъ сестру въ колыбели; возвратившись назадъ, онъ находитъ ее взрослою. Или, наконецъ, не избавляетъ юноши отъ войны ни отецъ, ни мать, ни сестра, ни братъ, а возлюбленная.

Итакъ, мы видимъ, что эти своеобразныя лит. и лат. даины имѣютъ темою преимущественно прощаніе, возвращеніе или невозвращеніе воина изъ войны, изъ чего мы заключаемъ объ ужасахъ войны. „Гдѣ въ нихъ встрѣчается отголосокъ историческихъ событій, тамъ является всемірно-историческій фактъ большею частью лишь подкладкой, которая подлечь чисто субъективно-лирическому воззрѣнію.“¹⁾ Если уже въ соотвѣтствіяхъ лит. и лат. пѣсенъ находится свидѣтельство ихъ глубокой древности, то, напротивъ, другія пѣсни, въ которыхъ встрѣчаются такіе имена, какъ-то: Вильна, Рига, Прусская земля или Прусс. граница, куда отправляются лит. и лат. воины на своихъ быстрыхъ коняхъ, ясно свидѣлствуютъ, что эти пѣсни относятся ко времени

1) Ness: XII.

ордена или, по крайней мѣрѣ, къ тому времени, когда при-
мѣнялись упомянутыя имена.

1. Два голубя, два брата.

Здѣсь мы имѣемъ, собственно говоря, только нѣсколько стиховъ, составляющихъ паралл. текстъ. Но они для насъ очень поучительны. — Два голубя пьютъ изъ лужи. Они пьютъ въ раздумьи: пить, или не пить, или махать крылышками? Напившись, они взмахиваютъ крыльями и улетаютъ въ лѣсъ и садятся тамъ на ель. Два брата ѣдутъ верхомъ по дорогѣ [лит. т.] ¹⁾, или идутъ пѣшкомъ, ѣдутъ верхомъ на войну (лат. т.). Оба они отправляются въ раздумьи: итти или нейти, или разсѣдлать коней (лит. т.)? или остаться на родинѣ? — Это лишь немного различающееся соотвѣтствіе параллельнаго текста, имѣющаго со всѣми своими вариантами одинъ и тотъ же троханическій размѣръ.

Конецъ обѣихъ пѣсенъ, совпадающихъ въ началѣ, имѣетъ во всемъ и одинаковое содержаніе, именно, описаніе домашней жизни. По соотвѣтствію текста, здѣсь передъ нами только часть военной пѣсни, потому что обѣ обоихъ лит. братьяхъ говорится лишь, что они ѣдутъ верхомъ по дорогѣ или по полю (2. var.). Оба же лат. брата, о которыхъ въ текстѣ и во всѣхъ вариантахъ ясно сказано, что они отправляются на войну, все-таки размышляютъ о преимуществахъ домашней жизни, сравнительно съ военною жизнью, и, слѣдовательно, насчетъ этихъ братьевъ тоже неизвѣстно, принимаютъ ли они дѣйствительно участіе въ войнѣ.

Что касается вариантовъ, то 2-й лит. вар., представляя цѣлую пѣсню, соотвѣтствуетъ, большею частью, какъ 2-му лат. вар., такъ и самому тексту. Здѣсь выражаются чувствованія любовной жизни и, какъ лат. вариантъ, такъ и лат. текстъ упоминаютъ какъ бы въ противоположность мирной жизни, о суровой походной жизни.

Какъ уже сказано, и этотъ паралл. текстъ для насъ очень поучителенъ. Ибо онъ показываетъ, что въ пѣсняхъ,

---

1) Jušk. L. d. 1169, 15 размышляютъ оба брата о томъ, кому изъ нихъ ѣхать верхомъ на войну (katrām karan joti).

почти совсѣмъ различнаго содержанія, часто повторяются тѣ же самые излюбленные стихи и обороты. Такъ, напр. здѣсь встрѣчается сопоставленіе двухъ голубей съ двумя братьями и далѣе сопоставленіе этихъ послѣднихъ съ двумя сестрами, шьющими (въ клѣти) въ раздумьи: шить имъ или не шить, или нешитое подарить (лит. т.)? Народъ придерживается многихъ подобныхъ тому излюбленныхъ оборотовъ, прибавляя ихъ къ новымъ пѣснямъ. По моему мнѣнію, это случилось здѣсь въ 2-мъ и 3-мъ лат. вар.¹⁾ Здѣсь это древнее, типичное сопоставленіе служить, повидимому, началомъ солдатской пѣснѣ болѣе новаго времени. Это могло случиться тѣмъ болѣе, что типичные обороты здѣсь, какъ и въ другихъ пѣсняхъ, такого общаго содержанія, что они легко подходятъ подъ всякую связь мыслей, въ особенности, когда эта связь шатка, какъ это обыкновенно бываетъ въ народныхъ пѣсняхъ. Влѣдствіе этого и понятно, что эта пѣсня, имѣющая въ лит. языкѣ болѣе характеръ идилліи, а въ лат. характеръ военной пѣсни, можетъ имѣть одно и то же типичное начало. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, насколько въ этомъ текстѣ заключаются соотвѣтствія, настолько онъ является общимъ достояніемъ литовцевъ и латышей. Которой изъ пѣсенъ, литовской или латышской, принадлежит старшинство, это трудно сказать. Въ 3-мъ лат. вар. встрѣчается слово Kurzeme (Курляндія), чѣмъ означено литовское сосѣдство, и въ 4-мъ вар., содержащемъ серьезную военную пѣсню съ трагическимъ исходомъ, упоминается о литовской границѣ (Leišu robežas), гдѣ палъ на полѣ брани всадникъ-знаменосецъ. Эти слова — Kurzeme и Leišu robežas — намекаютъ на сношеніе обоихъ народовъ. Если въ этой пѣснѣ упоминается о сраженіи, случившемся на лит. границѣ, то мы имѣемъ въ томъ достаточный залогъ глубокой древности этой пѣсни. Это значить, что эта пѣсня относится ко временамъ ордена, и даже указываетъ на времена борьбы латышей (земигаловъ) съ литовцами. Въ виду этихъ фактовъ, мы должны констатировать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ древнею военною пѣснею, при чемъ не исключается и то, что ея начало, *parallelismus membrorum*, можетъ быть,

1) Подобный вариантъ встрѣчается и въ Latwija. II. No Lihgo-schu Eernsta* стр. 35.

займствовано изъ литовскихъ пѣсенъ, потому что въ лит. текстѣ имѣется одной параллелью больше, чѣмъ въ лат. Съ другой же стороны, начало того, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, въ лат. текстѣ и его вариантахъ, представляетъ большую разновидность, чѣмъ въ лит. Итакъ, право насчетъ старшинства на обѣихъ сторонахъ почти одинаково. Далѣе, несомнѣнно лишь то, что мы встрѣчаемъ здѣсь древнѣйшій типъ стиховъ, который, какъ латыши, такъ и литовцы примѣняли къ болѣе новымъ произведеніямъ. Конецъ лит. текста:

Ī tris kertes šilkus siuvo,	Въ трехъ углахъ (? платка) она
	вышиваетъ шелкомъ,
Ī ketvirtā sava varda.	Въ четвертомъ свое имя.

соотвѣтствуетъ латышскимъ стихамъ:

Vidū savu sirdi šuvu,	Въ серединѣ я вышила свое
	сердце,
Apkārt šuvu mīlas domas.	Вокругъ я вышила милыя мысли.

2. Сестра воина.

Здѣсь мы также находимъ соотвѣтствіе между цѣлыми пѣснями. Притомъ мы встрѣчаемъ и здѣсь одинаковый размѣръ, четырехстопные трохеи. — Братъ, отправляясь на войну, оставляетъ маленькую сестрицу въ колыбели. Возвратившись назадъ, онъ находитъ ее взрослою и болѣе не узнаетъ ея. Онъ спрашиваетъ матушку, кто эта красавица-дѣвица? и получаетъ въ отвѣтъ, что это его сестра, которую онъ оставилъ въ колыбели¹⁾. — Лит. пѣсня отличается въ концѣ отъ латышской. По лит. дайнѣ братъ находитъ, что его взрослая сестра качаетъ въ колыбели своего малютку. Это его такъ раздражаетъ, что онъ хочетъ самымъ острымъ мечемъ отрубить сестрѣ голову. Мать, успокоивая его, проситъ его, не дѣлать этого въ субботу, а въ воскресенье, чтобы много людей видѣли это и чтобы другія дѣвушки такъ не поступали. По лат. пѣснѣ братъ говоритъ насчетъ прекрасной, взрослой сестры, что еслибъ онъ зналъ раньше, что его сестрица такъ выросла, онъ купилъ бы ей

---

1) Срав. и вариантъ въ Latwija. II, стр. 1.

вѣнчечкѣ съ серебряными привѣсками, чтобы она вспоминала о немъ, сидя на концѣ за столомъ подлѣ суженаго. Лит. текстъ имѣеть, какъ это видно, при сравненіи съ лат. пѣснями и съ лит. вариантомъ, новое лишнее начало, заимствованное, повидимому, изъ застольныхъ пѣсенъ.

Въ главныхъ чертахъ и варианты соотвѣтствуютъ между собою. По лит. варианту воинъ оставляетъ дѣвушку (*megele*) въ колыбели, по лат. сестру. Возвратившись домой, онъ находитъ дѣвушку за ткацкимъ станкомъ, или сестру усердною швейкою. Онъ спрашиваетъ дѣвушку, кто ей сдѣлалъ новый станокъ etc. (лит. вар.), или онъ проситъ швейку, вышить ему военное знамя — зеленое или красное —, такъ какъ она его больше не увидитъ. Слѣдовательно, онъ отправляется опять на войну. Онъ говоритъ: Если бы была моя воля, я взялъ бы съ собою тебя на прусскую границу. Тогда бъ ты увидѣла, сестрица моя, какую жизнь ведетъ твой братецъ: сабли летаютъ вокругъ, огонь опаляетъ глаза (Брив. 1012).

3. Вѣсть о войнѣ.

Этотъ паралл. т. отличается многочисленными вариантами, какъ на лит., такъ и на лат. сторонѣ. Я не могъ здѣсь привести ихъ всѣхъ, такъ какъ, напр., у Юшкевича еще многія пѣсни содержатъ отголосокъ приведенныхъ здѣсь образцовъ. Въ этихъ дайнахъ разсматриваемый предметъ какъ у литовца, такъ и у латыша очень легко измѣняемъ, о чемъ свидѣлствуютъ уже многочисленные варианты. При томъ въ этихъ пѣсняхъ господствуетъ древнее, оригинальное воззрѣніе. Содержаніе этого паралл. текста вкратцѣ слѣдующее.

Прилетаютъ голуби (лит. т.) или синица (лат. т.) съ извѣстіемъ, что братъ долженъ отправиться на войну. Потомъ сестры одѣваютъ и украшаютъ брата. Со слезами онъ провожаютъ его и спрашиваютъ его при прощаніи, когда онъ возвратится. Лит. братъ говоритъ, что онъ возвратится тогда, когда разцвѣтетъ красная роза отца; латышъ говоритъ: Плачь, сестрица, или не плачь, но больше ты меня не увидишь!... Если ты не дождешься меня, то ожидай моего коня чрезъ девять лѣтъ, въ ту пору, когда цвѣтетъ черемуха. Спросите моего коня, гдѣ остался

всадникъ¹⁾. Въ одно воскресное утро роза разцвѣла, но братъ не возвратился. Лит. сестры ходятъ на гору къ ясенному забору ожидать брата. Онѣ переходятъ черезъ гору и долину, снимаютъ ясенный заборъ, — братъ не возвращается. Наконецъ бѣжитъ конь безъ брата домой, и на вопросы сестеръ онъ отвѣчаетъ, что брата убили въ битвѣ и пустили его на волю. Девять рѣкъ переплылъ онъ и чрезъ десятую рѣку пронырнулъ. Тогда сестры начинаютъ рыдать, приговаривая, кто имъ будетъ помогать горевать о братѣ. Солнце говоритъ, что оно имъ поможетъ горевать. Девять дней по утрамъ оно готово закутываться въ туманъ, а на десятое утро не взойдетъ. По лат. тексту прибѣжавшій домой конь рассказываетъ: Тамъ остался всадникъ, гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы; гдѣ изъ сабель складываютъ костры, изъ шапокъ мечутъ стоги. . . . Не прошло и часа времени, двѣ рѣки потекли кровью, а третья — горькими слезами!²⁾

Лит. пѣсня, представленная въ видѣ варианта, за исключеніемъ начала, почти совсѣмъ соотвѣтствуетъ концу только что приведеннаго лат. текста. Начало этой даины гласитъ: Прилетѣлъ черный воронъ. Онъ принесъ бѣлую руку и золотое кольцо. На вопросъ, гдѣ онъ ихъ получилъ, онъ отвѣчаетъ, что онъ участвовалъ въ большой битвѣ. По вар. (Jušk. L. d. 1169) воронъ говоритъ, что подъ г. Ригю было большое сраженіе (Ringūzes miestuzēly dīdis karas būvu —), оттуда приносить онъ бѣлую руку брата etc. Тамъ сплетали изъ мечей заборы, копали ружьями канавы, кровь текла рѣкою etc. Лат. пѣсня (Брив. 1006) имѣетъ въ своемъ началѣ извѣстный уже намъ *parallelismus membrorum*. Потомъ въ ней слѣдуетъ, подобно какъ въ паралл. т., убранство брата³⁾ и проводы его со слезами, при чемъ возлюбленная

1) Такой отвѣтъ даетъ и лит. братъ по Jušk. L. d. 1135, 9. И равно, какъ по лит., такъ и по лат. пѣснямъ плачутъ по отправляющемуся воинѣ отецъ, мать, сестра и возлюбленная. Ср. Jušk. L. d. 1140 и Брив. 1009; 1010.

2) По вар. (Брив. 1009): Черные вороны клюютъ тѣла, Солнце бѣлитъ кости.

3) Почти по всѣмъ относящимся сюда лат. пѣснямъ сестра отправляется въ садъ и украшаетъ шапку брата. Нѣчто подобное мы находимъ въ лит. дайнахъ. См. Jušk. L. d. 1133; 1171 и другія.

его просить, чтобы онъ въ кругу воиновъ вспоминалъ о ней. Послѣ того слѣдуетъ извѣстное намъ уже мѣсто о возвратившемся конѣ, отъ котораго такъ же, какъ и въ 4-мъ вар. (см. № 1 этого отдѣла) узнаютъ, что всадникъ-знаменосецъ палъ на лит. границѣ (*Us tēm Leišu robežiem*) или по вар. (Bezz. D., стр. 36, № 7) на прусской границѣ (*Us tēm Prūkšu gūbežim*), гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы etc., какъ уже выше, въ текстѣ. Новою чертою является здѣсь то, что милая ѣдетъ по полю сраженія, трепеща какъ осиновый листочекъ. Конецъ этой пѣсни совпадаетъ съ приведеннымъ уже 4-мъ вариантомъ предыдущаго № 1. На литовской границѣ, гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы, расхаживаютъ *Dieva dēli* (сыны божьи), подбирая души павшихъ; нашедши душу, они завертываютъ ее въ бѣлую пелену, вносятъ въ священную сѣнь (*Ienes svētā, pa-ēnī*), укладываютъ въ колыбель бога (*Guldin' Dievā šūpuli*), приставляютъ качать ангела, который качаетъ, припѣвая:

„Убитаго воина душенька,
Безсмертна ты во вѣки вѣковъ“.

Итакъ, многочисленные варианты и различный размѣръ, съ одной стороны, и бросающееся въ глаза соотвѣтствіе этихъ пѣсенъ, съ другой стороны, — все это приводитъ насъ къ заключенію, что и здѣсь, какъ литовецъ, такъ и латышъ, при общемъ религіозномъ воззрѣніи, пользовались общимъ предметомъ и почти одинаковыми представленіями при проявленіи своей фантазіи.

Какъ латышъ, такъ и литовецъ находится во времена творчества своихъ дайнъ еще въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ природѣ и жизни природы. Разцвѣтаніе розы, подрастаніе или засыханіе дуба etc. служить для него предзнаменованіемъ. Онъ разговариваетъ еще съ животными. Птицы, какъ: голуби, вороны, синица приносятъ ему извѣстіе; конь извѣщаетъ его о кровавой кончинѣ героя-всадника. Издревле уже приписывается этимъ животнымъ способность предсказанія. Какъ передъ Троей сами боги участвуютъ въ борьбѣ, такъ и они здѣсь на литовской, прусской границѣ или подъ Ригею не безучастны. Солнце закрываетъ свое свѣтлое лицо, чтобы вмѣстѣ съ сестрами погоревать о павшемъ героѣ-братѣ, и *Dieva dēli* подбираютъ на полѣ сраженія

души убитыхъ воиновъ ¹⁾. Въ участіи Солнца въ общей горести мы видимъ древнее народное вѣрованіе, по которому вся природа принимаетъ участіе въ судьбѣ человѣка. Можно здѣсь сравнить плачь Ярославны, тоже обращающейся къ Солнцу ²⁾. О сынахъ божьихъ (*Dieva dēli*) уже говорилось выше (№ 7), что они призываютъ верхомъ къ могилѣ юноши, умершаго съ горя. И здѣсь они имѣютъ отношеніе къ мертвымъ — павшимъ на войнѣ. По греч. и инд. источникамъ (см. выше) Діоскуры, Асвины, которыхъ Мангардтъ сравниваетъ съ *Dieva dēli*, *Dievo sunēlei*, между прочимъ, тоже являлись борцами; и здѣсь мы встрѣчаемъ *Dieva dēli* (сыновъ божьихъ) тоже на полѣ сраженія. Что касается Мѣсяца, то о немъ прямо сказано, что онъ спѣшитъ, бѣжитъ на войну, на помощь молодцамъ ³⁾. При сватаніи къ дочери Солнца выступаетъ одинъ изъ сыновъ божьихъ (*Auseklis*) его соперникомъ. Итакъ, эти божественныя существа встрѣчаются какъ на войнѣ, такъ и въ мирной жизни. Ангелъ въ вариантахъ, изображающихъ латышскую Валгаллу, такая же христіанская замѣна, какъ Маря, вмѣсто Лаймы, о чемъ говорено было уже выше.

Между тѣмъ, какъ лат. военныя пѣсни, по которымъ война происходитъ на литовской границѣ ⁴⁾, предполагаютъ время, которое, можетъ быть, намекаетъ на эпоху до появленія ордена, когда латыши боролись еще съ литовцами, литовскія же даины, въ которыхъ упоминается о полѣ сраженія подъ г. Ригой ⁵⁾, опредѣляютъ время господства ордена. Такъ же лит. и лат. пѣсни, по которымъ война ведется въ прусской землѣ [лит. *Prūsų žemė*] ⁶⁾, или на прусской границѣ [лат. *Prūsų robežī*] ⁷⁾, очевидно, относятся къ временамъ господства ордена. По крайней мѣрѣ, о лат. пѣснѣ (Брив. 1009), по причинѣ ея древняго, миѣческаго элемента, можно это сказать почти безъ всякаго сомнѣнія. Хотя лит. дайна

1) По другимъ нар. пѣснямъ и Перкунъ и Мѣсяцъ участвуютъ въ борьбѣ.

2) См. Слово о пълку Игоревѣ.

3) Спр., стр. 314, 3.

4) Брив. 1006. *Zim. VI, 11.*

5) *Jušk. L. d. 1169, 7.*

6) *Ib. 1141, 5 и 6.*

7) Брив. 1009.

(Jušk. L. d. 1141) имѣтъ новыя черты, все-таки она сходится съ латышской въ томъ, что въ ней, какъ и въ латышской, упоминается о милой, которая готова за своимъ возлюбленнымъ слѣдовать на войну.

Метаморфоза и, стало-быть, мифологическая черта встрѣчается въ томъ, что (Jušk. L. d. 1136, 17 и 18) конь, возвратившійся домой, рассказываетъ сестрамъ, что тамъ, гдѣ упала голова брата, выросъ сѣрый камень (išdýgu pilks akmenēlis) и что, гдѣ пролилась его провь, тамъ образовалась глубокая рѣка (še tekēju gilūs upēlis).

По дайнѣ (Jušk. L. d. 1085) прилетаютъ къ брату, павшему подобно дубу, три кукушки (Trys raibos gegēles), изъ которыхъ одна садится рядомъ съ нимъ, другая у изголовья, а третья у ногъ его. Кукушка, сидящая рядомъ съ нимъ, — это его мать, кукушка у его головы — это его сестра, а кукушка у его ногъ — это его милая. Тѣ же самыя превращенія мы встрѣтимъ еще ниже (VII).

Лебедь, встрѣчаемый въ лит. дайнѣ въ качествѣ предвѣстника войны, у латышей (Biel. 984) предвѣстникъ любви, и синица (лит. žylė, žylite, žylėle, лат. zile, zilite), которая по военнымъ пѣснямъ, относящимся сюда, является у латышей предвѣстницею войны (впрочемъ и предвѣстницею мороза etc.), служить, напротивъ, у литовцевъ предвѣстницею любви, какъ это видно, напр., изъ нѣсни Jušk. L. d. 66. Итакъ, лебедь и синица перемѣнили здѣсь свои роли.

4. Освобожденіе воина.

На этотъ паралл. т. напалъ уже Бещенбергеръ (см. Lit. Forsch.). Я прибавляю къ нему два латышскіе варианта. — Юноша находится на войнѣ и посылаетъ своего слугу (tarnel') къ отцу, чтобы отецъ выкупилъ его. Несмотря на то, что отецъ имѣетъ сто подъяремныхъ воловъ, или лошадей, или землю, онъ не можетъ выкупить сына. Несчастный юноша отправляетъ слугу по очереди къ матери, брату, сестрѣ и невѣстѣ. Но ни мать (несмотря на свое богатство платьемъ, холстомъ, лит. т., коровами, лат. т.), ни братъ (хотя онъ имѣетъ сто гнѣдыхъ коней), ни сестра (несмотря на то, что у нея есть золотое кольцо, лит. т., овцы или приданое, лат. т.) не могутъ его выкупить. Только дѣвушка-невѣста одна

освобождаетъ его при помощи своего миртоваго вѣнка (лит. т.), или своимъ вѣнцомъ, или своимъ имуществомъ.

Хотя и здѣсь встрѣчается различный размѣръ, все-таки соотвѣтствіе сравнительно полное. По лат. тексту брать плачетъ на самой войнѣ, по лит. — онъ говоритъ, что онъ молодымъ попалъ въ бѣду (*aš jauns ģīpolau ģi vargel'*). *Vargēlis* dim. отъ *vargas* (бѣда, бѣдствіе), *vargtī* (жить бѣдно, ж. въ нуждѣ; хилѣть, быть больнымъ, бѣдствовать), лат. *vārgt* (того же значенія), *vargs* (болѣзненный, хворый); сюда относится и слав. врагъ, пол. *wrog* (врагъ, зло), готск. *wargs*, древне-верхне-нѣм. *warg*, средне-верхне-нѣм. *warc* (*homicida, diabolus* ¹⁾). Можетъ быть, что въ этомъ мѣстѣ лит. *vargēlis* имѣетъ значеніе „врагъ“, такъ какъ бѣда, несчастіе, въ которое попалъ юноша, лат. текстъ называетъ прямо словомъ война. Тотъ же самый повѣствовательный тонъ, встрѣчаемый здѣсь въ паралл. текстѣ, я нахожу еще въ нѣкоторыхъ лит. и лат. пѣсняхъ. И тутъ выступаютъ по очереди члены семейства. Такъ, напр., по дайнѣ (*Jušk. L. d. 151*) ни отецъ, ни мать, ни сестра не могутъ выкупить дѣвушки изъ власти знатныхъ господъ (*didī bojōrai*) или поляковъ (*Lénkai*), какъ только ея милый ²⁾. И по лат. пѣснѣ, которую я самъ слышалъ изъ устъ народа, ни отцу, ни матери, ни брату, ни сестрѣ не удастся упросить лежащаго подъ зеленымъ орѣшникомъ сына и брата войти на дворъ (*sētīnā*); лишь когда милая приходитъ къ нему, только тогда онъ готовъ послѣдовать за ней на дворъ.

Подобный нашему паралл. тексту мотивъ встрѣчается въ нѣмецкой пѣснѣ [*Liebrecht, Zur Volkskunde, 236*] ³⁾, по которой дѣвица выкупаетъ милаго изъ тюрьмы своимъ вѣнкомъ. Или по славянской пѣснѣ (*Karelac Jaške 61—2*) „милая выкупаетъ изъ войска, изъ рекручины. Отецъ (мать, брат, сестра) жалѣютъ 300 дукатовъ, милая рада дать вдвое“ ⁴⁾.

1) Ср. Ness. *Thesaurus linguae Prussicae*.

2) Ср. А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. II: Колядки и щедровки. Варшава. 1887. Стр. 526: „Подобный мотив — в основаніи сицилійской п. о похищенной тунисскимъ корсаромъ, *Liebrecht, Zur Volkskunde, 222* слѣд.“

3) Ib. стр. 528.

4) Ib. стр. 528 и 529.

IV. ПѢСНИ О ПОХИЩЕНІИ НЕВѢСТЫ.

Похищенная сестра.

Похищеніе невѣсты явствуетъ изъ многихъ свадебныхъ обрядовъ, какъ-то: вооруженіе извѣстныхъ лицъ¹⁾, скрываніе невѣсты при приближеніи поѣзжанъ жениха, бѣгство невѣсты, плачь молодой жены при прощаніи съ матерью, враждебное отношеніе провожатыхъ жениха и невѣсты, выражающееся въ насмѣшливыхъ пѣсняхъ и т. п. Слова, какъ-то: лит. *vedejai*, лат. *vedej* (ведущіе, отъ лит. *vesti*, лат. *vest*; похитители) означаютъ провожатыхъ жениха; лат. *ra-nàksnieki* (преслѣдователи, догонщики, отъ лат. *ra-nàkt*, догнать, лит. *ra-nokti*, перегонять, обогнать), служатъ для обозначенія провожатыхъ невѣсты; лит. *vedys* (женихъ), лат. *vedamà* (невѣста, собственно говоря, похищаемая), — всѣ эти слова намекаютъ на древній обычай похищенія невѣсты. Воспоминаніе объ этомъ древнемъ обычаѣ сохранилось и во многихъ лит. и лат. нар. пѣсняхъ, по которымъ, при приближеніи сватовъ, дѣвушка должна бѣжать и прятаться²⁾. Но полное освѣщеніе этого вопроса получается изъ нашего паралл. текста и всѣхъ его вариантовъ.

Похищеніе невѣсты совершалось такимъ образомъ, что ѣдущій верхомъ сватъ со своими друзьями поджидалъ избранную дѣвушку и похищалъ ее на приведенной съ собою лошади, или съ пастбища, или съ дороги, въ то время, когда она отправлялась на полевые работы, или похитители пробирались на дворъ (въ усадьбу) и похищали избранную изъ комнаты или изъ кѣлѣи, гдѣ она на разсвѣтѣ молола муку ручной мельницей. Родственники, а именно, братья невѣсты, преслѣдуютъ похитителей. „Хотя мы“ — поется въ одной пѣснѣ — „не отнимемъ ягненка у волковъ, все-таки мы поберемъ ихъ хорошенько“³⁾.

Болѣе мирный конецъ мы находимъ здѣсь въ паралл. т. и его вариантахъ, изображающихъ событіе драматически. Уже до пѣнія пѣтуховъ встаетъ мать и, замѣтивши похище-

1) Ср. выше свадьбу дочери Солнца.

2) Ср. A. Winter: „Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern“ стр. 162.

3) Ibidem.

ніе дочери, поспѣшно будить сыновей (лит. т.). По лат. тексту, девять братьевъ, принуждающихъ свою единственную сестру каждое утро молоть пуру ржи, посылають мать, чтобы она навѣстила сестру. Мать возвращается со слезами и говоритъ, что нѣтъ молольницы у жернововъ. Мать побуждаетъ (какъ по лит., такъ и по лат. тексту) сыновей сѣдлать скорѣй коней и помчаться за сестрой въ догоню. Она указываетъ имъ даже на дорогу, по которой слѣдуетъ догонять сестрицу. Догоньщики прѣзжаютъ на большую дорогу, усыпанную рутами. Во время дальнѣйшей поѣздки верхомъ они вѣзжаютъ на зеленые пастбища и приближаются къ зеленымъ липамъ. На верхушкѣ липы сидитъ пестрая кукушка. На вопросы всадниковъ, кукушка указываетъ имъ дальнѣйшій путь (лит. т.). Братья проѣхали верхомъ сто миль ночью, двѣсти днемъ. Въ концѣ каждой сотни миль стоятъ девять музыкантовъ, играющихъ для той сестры, которую наканунѣ провезли мимо и у которой есть девять братьевъ. Игроки такъ же, какъ и кукушка, указываютъ братьямъ дальнѣйшій путь (лат. т.). Братья верхомъ доѣзжаютъ до высокой горы, до пестрой усадьбы. Тамъ они находятъ сестру въ слезахъ. Они утѣшаютъ ее; они готовы отдать своихъ лошадей, чтобы выкупить сестру. Но сестра говоритъ: Охъ, братцы, гдѣ вы были вчера, когда я еще была дѣвушкою въ рутовомъ вѣнкѣ? Сегодня я уже замужемъ (лит. т.). Или въ концѣ третьей сотни миль братья находятъ ворота отворенными. Выходитъ старуха, умиряя свирѣпыхъ собакъ, пускаетъ братьевъ на дворъ, вводитъ ихъ въ избу, приглашаетъ ихъ сѣсть у бѣлаго липоваго стола на стулья, переплетенныхъ тростникомъ, угощаетъ гостей бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ и проситъ не взыскать за угощеніе. Но братья не ѣдятъ, и не пьютъ ничего, потому что они озабочены освобожденіемъ сестры. Вдругъ они увидѣли, что ихъ любимая сестра сидитъ на концѣ стола; братья залились слезами и вступили съ нею въ разговоръ: Сестрица, золотая крошечка, пойди съ нами домой. Братецъ, восковой кружочекъ, я не пойду съ тобой. Я нашла хорошую землю и милаго пахаря хорошей земли. Поклонись моей маменькѣ и скажи ей, зачѣмъ она посылала меня въ темную комнату молоть чистую рожь (лат. т.)?

Варианты мало чѣмъ отличаются отъ только что разсмотрѣннаго текста. Соотвѣтствіе 1-го лит. и 1-го лат. ва-

ріантовъ состоитъ въ томъ, что по нимъ мать находитъ двери комнаты дочери открытыми. Погоня братьевъ не содержитъ здѣсь ничего мифическаго: здѣсь не являются путеводителями ни кукушка, ни игроки въ концѣ каждой сотни миль, какъ это встрѣчается въ текстѣ. Братья сѣлаютъ шесть коней и достигаютъ сперва зеленаго пастбища, гдѣ они находятъ, что тамъ только что паслись лошади. Потомъ они подѣзжаютъ къ быстрой рѣкѣ и находятъ, что тамъ поили лошадей; далѣе они подѣзжаютъ къ зеленой липѣ, находятъ тамъ огонь и узнаютъ, что здѣсь плясали съ ихъ сестрою. Въ зеленые листья проткнули ея булавки, на верхушкѣ липы повѣшенъ ея вѣнокъ etc. (1-й лит. вар.). По 1-му лат. варианту братья наконецъ достигаютъ такъ же, какъ и по лит. тексту, высокой горы. На верху высокой горы стоитъ большое село. Тутъ они встрѣчаютъ похищенную сестру. Ихъ встрѣча тамъ сельскими красавицами напоминаетъ о сельскихъ красавицахъ, на которыхъ было указано выше въ № 7 (ср. тамъ 1-й, 2-й, 3-й и 7-й вар.). По 2-му лит. варианту братья настигаютъ свою похищенную сестру на морѣ; она сидитъ въ лодкѣ и разговариваетъ съ лодочникомъ. По 2-му лат. вар. идетъ братъ навѣстить свою сестру. Со слезами онъ возвращается: нѣтъ ея въ комнатѣ у жернововъ. Онъ надѣваетъ черный сюртукъ и сѣдаетъ своего коня. Потомъ онъ ѣдетъ верхомъ на лошади сто миль и пріѣзжаетъ къ высокой горѣ. Тамъ играютъ тридцать музыкантовъ для той дѣвушки, которую сегодня провезли мимо. Братъ ѣдетъ верхомъ еще сто миль и подѣзжаетъ ко второй высокой горѣ. Тамъ играютъ тридцать гуляровъ (kokletaji). Въ концѣ третьей сотни миль находится дубовая мыза; она обнесена липовымъ заборомъ, и ворота закрыты на замокъ. Выходятъ три сына отца. Двое изъ нихъ вводятъ его самого, а третій его коня. Ему предлагаютъ кушанья и напитки и даютъ время осмотрѣться. Онъ не ѣстъ и не пьетъ ничего, а осматривается только и видитъ свою сестру; она сидитъ на концѣ стола, въ бѣломъ чепцѣ на головѣ, съ кувшиномъ пива въ рукѣ. Она ему говоритъ: Кушай, пей, братецъ, я болѣе не твоя; полюбилась мнѣ эта земля и полюбился мнѣ пахарь-женихъ. По 3-му лат. вар. играютъ въ концѣ первой сотни миль музыканты (здѣсь не сказано, сколько ихъ). Они совѣтуютъ братьямъ проѣхать еще сотню миль. Тутъ братья-догонь-

щики встрѣчаютъ опять игроковъ и свою сестру. 3-й лит. вар. описываетъ дорогу братьямъ-догонщикамъ такъ же, какъ лит. т. и 1-й лит. вар. Напротивъ, 3-й лат. вар. болѣе похожъ на лат. т. Какъ новая черта въ этомъ вариантѣ, записанномъ на верхнелатышскомъ говорѣ, упоминается о сапогахъ, между тѣмъ какъ въ текстѣ приведено слѣдующее одѣяніе братьевъ: рысьи шубы, куньи шапки и блестящія шпоры. По этому варианту, въ концѣ первой сотни миль, играютъ пять воляночниковъ; а въ концѣ второй сотни миль играютъ пять музыкантовъ и въ концѣ третьей сотни миль пляшутъ сто красавицъ. Здѣсь братья находятъ свою сестру, которая довольна своимъ новымъ положеніемъ, и говоритъ братьямъ: Скажите маменькѣ, чтобы она по мнѣ не плакала. Я ушла весной, когда воды сбѣжали, когда деревца покрылись листьями.

Стало-быть, всѣ пѣсни повѣствуютъ о похищеніи. И при прибытіи братьевъ-догонщиковъ похищенная сестра сидитъ за столомъ чужака уже женою.

Миѳическіе элементы тоже встрѣчаются въ этихъ пѣсняхъ о похищеніи и придаютъ имъ отпечатокъ глубокой древности. Такъ оказывается миѳическою чертою въ лит. текстѣ то, что пестрая кукушка показываетъ братьямъ-догонщикамъ дальнѣйшій путь. Въ латышскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ кукушка тоже служитъ птицею-вѣщуньей. Въ кукушку превращаются иногда сестра, мать и возлюбленная (см. выше III, 3), какъ мы это еще ниже (см. VII) увидимъ ¹⁾. И числа три, девять, встрѣчаемая въ лат. текстѣ, священныя и миѳическія. Съ числами три и девять мы встрѣчались уже выше въ № 1, гдѣ рѣчь была о свадьбѣ дочери Солнца. Эти примѣты, именно, миѳическія числа, заставляютъ меня предполагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древнимъ миѳическимъ матеріаломъ. Можетъ быть, что здѣсь находятся слѣды первоначальной свадьбы дочери Солнца или даже самого Солнца въ первую весну; можетъ быть, что девять братьевъ, гонящихся за своей единственной, похищенной сестрою, были первоначально сыны бога (Dievs) или сыны

---

1) Въ древне-индійскихъ преданіяхъ встрѣчается kôka-yâtu, призракъ (kôka, кукушка, yâtu, чародѣйство) въ образѣ кукушки. Ср. Rîgv. 620, 22.

Перкуна; ибо въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ поется, что Перкунъ имѣетъ девять сыновъ ¹⁾, — которые являются верхомъ на свадьбѣ дочери бога, Солнца, или дочери Солнца. Этотъ древній обычай свадьбы, устраиваемой при помощи похищенія, былъ перенесенъ въ глубокой древности изъ чело-вѣческой жизни на жизнь боговъ и обратно, и потомъ былъ принятъ какъ священный, символическій обрядъ. Свадьба Солнца празднуется по лит. источникамъ весною, по лат. — лѣтомъ; но весна и лѣто граничатъ одна съ другимъ. И на лит. и лат. языкахъ совпадаютъ эти времена года почти въ одно цѣлое; ибо *ra-vasaris* (весна) значитъ наступающее лѣто, *vasara* и санскр. *vasanta* (того же самаго корня) обозначаетъ весну; *pravasaris* и *vasara* стоятъ въ томъ же морфологическомъ отношеніи, какъ напр., лат. *ra-délis* и *déls*, лит. *rósunis* и *sunùs* (пасынокъ и сынъ). И похищеніе сестры происходитъ тоже весною. 4-й лат. вариантъ прямо упоминаетъ о веснѣ, и по кукушкѣ въ лит. текстѣ можно заключить о веснѣ. Если по лат. тексту братья надѣваютъ шубы, то это намекаетъ на то, что весна только что началась и было еще холодно. Весна или лѣто, это все равно; оба случая прямо наводятъ на мысль, что въ девяти или пяти игрокахъ приходится искать извѣстныхъ девять или пять сыновъ Перкуна ²⁾, стало-быть, громовые раскаты можно принять за свадебную музыку на свадьбѣ Солнца ³⁾. Девять братьевъ — это, быть можетъ, девять мѣсяцевъ своеобразно раздѣленнаго года, слѣдующихъ за Солнцемъ, похищеннымъ изъ темной комнаты (зимній поворотъ солнца), и три остановки догонщиковъ-братьевъ — это три времени года, потому что, какъ уже сказано, весна и лѣто въ глазахъ литовца и латыша первоначально совпадаютъ почти въ одно время года. У славянъ и у германцевъ тоже встрѣчаются первоначально три времени года. Потебня пишетъ: „Т. о. солнце представляетъ здѣсь среднюю пору года, весну, и

1) Спр., стр. 316 (2). И пять игроковъ въ 4-мъ лат. вар. относятся, очевидно, къ пяти сынамъ Перкуна, ср. Спр., стр. 315, 1. — Ср. у русскихъ „девять сыновъ разбойниковъ“; „9 братьевъ и сестра“ см. Потебня: Объясненія малорусск. II, стр. 720—722.

2) По лат. нар. пѣснямъ у него или девять или пять или даже шесть сыновей. Спр. Спр., стр. 315, 1 и 316, 2. — Аг. М. 1899 и 1900.

3) Ср. Аван.: Поэтич. возвр. I, стр. 78.

год дѣлится на три части, согласно с воззрѣніем, которое Тацит приписываетъ Германцамъ: сказавъ, что Германцы ненасаждаютъ (плодовых) садовъ, неотдѣляютъ (ихъ отъ) луговъ и неорошаютъ, а требуютъ отъ земли только жатвы, почему и самый годъ дѣлятъ не на столько же частей (какъ Римляне); онъ говоритъ: „hiems et ver et aestas intellectum ac vocabula habent, autumnū perinde nomen ac bona ignorantur“ Тас. Germ. 26. Это можетъ быть примирено с существованіемъ у Герм. и у Славянъ издревле названія для осени, какъ поры жатвы, части лѣта (Grim. Myth. 717—8)¹⁾. Здѣсь совпадаютъ лѣто и осень, какъ у литовцевъ и латышей весна и лѣто.

Къ соотвѣтствію этихъ лѣсенъ по содержанію присоединяется еще почти одинаковый размѣръ. Лат. даины имѣютъ и здѣсь извѣстные четырехстопные трохеи, которые мы встрѣчаемъ и въ 2-мъ лит. вар., между тѣмъ какъ въ лит. текстѣ, рядомъ съ этимъ въ 1-мъ и 3-мъ вар., находятся въ второмъ стихѣ трехстопные, а въ первомъ тоже четырехстопные трохеи.

Куны шапки (лат. *caūci cepurītes*, лит. *kiāuniū kepurēles*, *kepurūžes*; литовско-лат. *kiāune-caūne* соотвѣтствуетъ и по формѣ русск. кунница) и шпоры (лат. *rieši*, лит. *rentinei*, *dim. rentinėlei*), встрѣчаемая здѣсь въ лат. текстѣ, представляютъ, впрочемъ, принадлежность и одежды тоже литовца, какъ это явствуетъ, напр., изъ дайнъ (Jušk. L. sv. d.) 19; 22; 403; 435 и т. д.

V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.

(Дѣвица теряетъ вѣнокъ.)

Къ лѣснямъ о похищеніи невѣсты примыкаютъ даины объ упавшемъ вѣнкѣ, объ упавшемъ кольцѣ — объ утонувшей дѣвицѣ, и всѣ онѣ относятся къ судьбѣ дѣвицы, къ вступленію или невступленію въ бракъ, къ дѣвичьей чести etc.

Содержаніе относящагося сюда паралл. текста слѣдующее. Дѣвица вѣетъ вѣнокъ, надѣваетъ его на голову и отправляется за водою (лит. т.) или ходитъ вдоль моря (лат. т.). Вдругъ поднимается сѣверный вѣтеръ (лит. т.), или восточ-

1) См. Объясненія малорусск. II, стр. 184.

ный вѣтеръ (лат. т.) и уносить вѣнокъ въ быструю рѣку (лит. т.) или въ море (лат. т.). Приѣзжаютъ верхомъ три юноши. Младшій изъ нихъ плыветъ за вѣнкомъ и утопаетъ. Отцу же говорятъ, что это случилось на водопоѣ (лит. т.). За моремъ (за заливомъ?) дѣвица видитъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ хочетъ отправиться за вѣнкомъ въ море и проситъ дѣвицу поддержать его лошадь и ничего не говорить матери о вѣнкѣ, но о гнѣдомъ конѣ съ золотымъ сѣдломъ (лат. т.).

Изъ вариантовъ обнаруживаютъ большее сходство съ паралл. текстомъ литовскіе. По нимъ такъ же, какъ и по лат. тексту, это море (заливъ), въ которое вѣтеръ уноситъ вѣнокъ дѣвицы. Какъ отъ паралл. текста, такъ и отъ лит. вариантовъ, большею частью, отличаются лат. варианты. По лат. вариантамъ, дѣвица отдыхаетъ послѣ обѣда на морѣ и вѣщаетъ свой вѣнокъ на камышъ. Приплываетъ зеленая щука и похищаетъ вѣнокъ. Дѣвица проситъ брата взять ясеневую лодку и погнаться за вѣнкомъ; но ясеневая лодка слишкомъ тяжела, — братъ не можетъ догнать вѣнка. Дѣвица теперь проситъ брата взять липовую лодку. На этой легкой лодкѣ братъ, проѣхавъ сто миль, приѣзжаетъ на то мѣсто, куда занесло вѣнокъ. Братъ предлагаетъ въ видѣ выкупа сто марокъ, но не получаетъ даже отвѣта; онъ сулитъ двѣсти, — тогда ему отвѣчаютъ, — пусть придетъ сама собственница вѣнка постлатъ постель¹⁾.

Такъ какъ лит. т. здѣсь имѣетъ много вариантовъ, но лат. почти никакихъ; такъ какъ лит. т., какъ по содержанію, такъ и по формѣ, вполне соответствуетъ латышскому, а въ лат. текстѣ встрѣчается въ лат. нар. поэзіи мало употребительный размѣръ, — то я склоняюсь къ тому мнѣнію, что лат. пѣсня здѣсь заимствована изъ лит. нар. творчества. Лат. варианты, напротивъ того, съ обычными лат. трохеями, которымъ въ томъ соответствуетъ лишь 1-й лит. вар., безъ сомнѣнія, лат. подлинники.

Сходный съ этимъ нашимъ паралл. текстомъ мотивъ (вѣтеръ уноситъ вѣнокъ) встрѣчается и въ малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, какъ это видно у Потебни²⁾.

1) Срав. и вариантъ въ Latwija. II, стр. 23.

2) См. Объясненія малорусск. II, стр. 555—564.

VI. Объ упавшемъ кольцѣ.

(Объ утонувшей дѣвицѣ.)

Уже выше упомянуто, что всѣ эти пѣсни (объ упавшемъ кольцѣ — объ утонувшей дѣвицѣ, объ упавшемъ вѣнкѣ и о похищенной дѣвицѣ) касаются судьбы дѣвицы — ея вступленія и невступленія въ бракъ, сохраненія дѣвичьей чести и т. п. Даже миѳическія черты содержатъ дайны этого рода объ упавшемъ кольцѣ — утонувшей дѣвицѣ. Тутъ встрѣчаются и нѣкоторыя собственные имена рѣкъ.

Паралл. т. вкратцѣ имѣетъ слѣдующее содержаніе. Три дѣвушки идутъ вдоль рѣки. Младшая изъ нихъ уронила при срываніи черемуховыхъ цвѣтковъ кольцо. Хватая кольцо, она сама упадаетъ въ рѣчку. Рѣчка уноситъ ее въ Нѣманъ (лит. т.) или въ Гауйиню (Gauja, dim. Gaujīņa, лифляндская рѣка Аа, лат. т.); Нѣманъ несетъ ее въ рѣку Русъ (лит. т.), Гауя въ море (лат. т.); рѣка Русъ несетъ ее въ гафъ (лит. таге, заливъ), гафъ несетъ ее въ море (лит. т.). Море выбрасываетъ ее на берегъ. На томъ мѣстѣ вырастаетъ густолиственная липа съ девятью вершинами. Къ этой липѣ приходитъ братъ, чтобы изъ ея сука сдѣлать пастушій рогъ, духовой инструментъ или пастушью свирѣль (лит. т.), или гусли (kōkles, лат. т.). Трогательные звуки издаютъ эти гусли. Со слезами говоритъ мать: это не звуки липы, это душа твоей сестры — носится надъ водою (лит. т.). Или: такъ поетъ моя младшая дочь; или: эти гусли звучатъ трогательно, жалобно, какъ жалоба покинутой милой (лат. т.).

Въ лит. текстѣ не упоминается о кольцѣ, какъ это дѣлается во всѣхъ его вариантахъ. Но въ нихъ нѣтъ ничего объ утопаніи дѣвицы. Дѣвица теряетъ свое кольцо, или при обмываніи сѣтей въ морѣ, или въ то время, когда она вырываетъ ленъ на полѣ, или срываетъ лилію въ саду. Кто найдетъ кольцо, тотъ долженъ его отдать, такъ какъ это не ея кольцо, а милый юноша далъ ей его въ знакъ любви. Или упавшее въ море кольцо выбрасывается на сѣнокосъ, и косящій юноша находитъ его на девятомъ покосѣ. Или приѣзжаетъ верхомъ юноша; онъ хочетъ плыть за кольцомъ въ море etc. Итакъ, этотъ вар. примыкаетъ къ пѣснямъ объ упавшемъ вѣнкѣ. Лат. варианты не отличаются такъ рѣзко отъ паралл. текста, какъ литовскіе. 3-й лат. вар. расходится

только въ томъ съ лат. текстомъ, что упавшая въ рѣку дѣвица попадаетъ въ озеро, потомъ въ Двину и оттуда въ море. Слѣдовательно, лат. преданіе приводитъ насъ на берега Двины, лифляндской Аа, стало-быть, въ Лифляндію, въ литовскомъ же преданіи говорится о Нѣманѣ, рѣкѣ Русѣ, Куришъ-гафѣ, т. е. выступаетъ на сцену прусская Литва. Въ лат. текстѣ упоминается и о Ригѣ.

Итакъ, уже касательно мѣста оба текста отличаются другъ отъ друга. Хотя они имѣютъ одинаковый размѣръ, четырехстопные троеи, все-таки по ихъ мѣстному отгнѣнку они отличаются другъ отъ друга и исключаютъ предположеніе заимствования, либо съ той, либо съ другой стороны. Это подтверждаютъ и взаимные многочисленные варианты. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ можно опять предполагать только общій литовско-латышскій прототипъ, послужившій первоначальнымъ основаніемъ этого паралл. текста.

Подобный параллелизмъ: три липы, три дѣвицы, встрѣчается какъ въ началѣ лит. текста, такъ нерѣдко и въ лат. пѣсняхъ, а именно здѣсь говорится о трехъ соснахъ, трехъ дѣвицахъ. Какъ числа три, девять (см. выше) указываютъ на миѣическій элементъ, точно такъ же и въ метаморфозѣ, по которой утонувшая дѣвица превращается въ липу съ девятью верхушками, виденъ миѣическій характеръ. Нѣчто подобное мы видѣли уже выше (№ 7), гдѣ душа юноши, умершаго съ горя, превратилась въ розу или въ липу съ девятью верхушками. 1-й лат. вар. въ своемъ началѣ, именно относительно считанія дочерей, нѣсколько похожъ на № 5 выше. Что въ потерѣ кольца народъ видитъ оскорбленіе чести, это явствуетъ изъ лат. пословицы: *Voī po tam tev gredzens nokritis?* (упадетъ ли у тебя отъ этого кольцо? т. е. повредитъ ли это твоей чести?)

Уже сказано, что число три миѣическое. Какъ уже выше (въ № 6) показано, у латышей встрѣчаются три богини судьбы (*trīa fata*). Онѣ всѣ три часто появляются у воды¹⁾. Въ нѣкоторыхъ лат. пѣсняхъ прямо сказано, что судьба (*Laima*) тонетъ²⁾. Можетъ быть, что три дѣвицы

1) Спр., стр. 307, 20; Аг. М. 215; 217.

2) Спр., стр. 305, 9 и 307, 20.

здѣсь, въ нашемъ паралл. текстѣ, первоначально были три богини счастья или судьбы¹⁾).

VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.

(Три кукушки.)

Пѣсни этого отдѣла содержатъ, собственно говоря, восторженную похвалу материнской любви.

Здѣсь юноша рассказываетъ самъ о себѣ, что онъ проѣзжалъ верхомъ черезъ мостъ и упалъ съ пугливой лошади. Онъ лежалъ тамъ долго — двѣ недѣли (лат. т.) — и никто не приходилъ къ нему. Наконецъ, на третьей недѣлѣ, въ глухую полночь прилетаютъ къ нему три лебедя (лит. т.), три кукушки (лат. т. и лит. вар.). Лебеди садятся на его могилѣ, одинъ у ногъ, другой у изголовья, третій сбоку — ближе къ сердцу. Кукушки кукуютъ, одна у ногъ, другая у изголовья, а третья ближе къ сердцу. Это не лебеди, и не кукушки, а — невѣста садится у ногъ, сестра у изголовья, мать сбоку — ближе къ сердцу. Невѣста печалится о немъ три недѣли (лит. т.), полумѣсяцъ (лат. т.), сестра три года (лит. т.), или два съ половиною года (лат. т.), мать же въ продолженіе всей жизни. Лат. т. упоминаетъ еще подъ конецъ, что невѣста провожаетъ его лишь съ мѣста, сестра до церкви, а матушка, нянчившая его, сопровождаетъ его до родины. По лит. варианту, приведенному цѣликомъ, невѣста провожаетъ его до воротъ, сестра — до половины дороги, а мать — до могилы. Эта дайна варьируетъ сюжетъ, содержащійся въ паралл. текстѣ, въ большей подробности.

Въ разсмотрѣнномъ вариантѣ отличительную черту отъ паралл. текста составляетъ только то, что въ немъ юноша общается умереть и опечалить матушку. Оплакивать его будутъ, говоритъ онъ, колокола, органы и старая матушка; но ни колокола, ни органы, ни старая матушка не воскресятъ его плачемъ. Плачемъ воскресить его только черная земля, бѣлая гробовая доска. Онъ отправится теперь въ ту страну, гдѣ онъ не будетъ испытывать ни нужды, ни бѣд-

---

1) Ср. Потеб.: Объясненія малорусс. II, стр. 564.

ствія, т. е. въ страну бѣлой доски. По одной лат. пѣснѣ умирающій говорить:

Nu es iešu tai ciemā,   Теперь я пойду гостить туда,
Kur mūžam ne atnāce! *)   Откуда во вѣки не возвращаются!

Несмотря на примѣсъ новой черты въ вариантѣ, гдѣ идетъ рѣчь о колоколахъ и органахъ, мы находимъ и въ этой пѣснѣ древнее, оригинальное воззрѣніе. Что касается метаморфозъ (мать, сестра, невѣста превращаются здѣсь въ лебедей или въ кукушекъ), то о нихъ уже выше (II, 7; III, 3; IV и VI) была рѣчь. Было уже раньше сказано, что вездѣ тамъ, гдѣ встрѣчаются метаморфозы, мы имѣемъ дѣло съ миѳическимъ матеріаломъ. Также и о томъ выше упоминалось, что извѣстныя числа тоже миѳическія. Можетъ быть, что встрѣчаемое здѣсь число три тоже слѣдуетъ считать миѳическимъ и отнѣсти къ тремъ богинямъ судьбы.

Такъ какъ лат. т. не имѣетъ никакихъ вариантовъ, и въ немъ встрѣчается необычный латышской нар. поэзіи размѣръ и онъ по содержанію и по формѣ соотвѣтствуетъ литовскому, то можно его считать заимствованнымъ изъ лит. нар. творчества. Кромѣ того, здѣсь встрѣчается верхнелатышскій говоръ, приближающійся больше къ верхнелитовскому, чѣмъ нижнелатышскій или письменный языкъ.

Сходный съ нашимъ паралл. текстомъ мотивъ содержитъ и одна болгарская народная пѣсня. По ней тоже три кукушки, въ дѣйствительности мать, сестра и милая, печалются на отцовскомъ дворѣ о плѣненномъ на чужбинѣ героѣ.

VIII. О потерянномъ конѣ.

(Предложеніе вступить въ бракъ.)

Поводомъ къ предложенію вступить въ бракъ — даже со стороны женскаго пола — по этимъ пѣснямъ служить конь, который убѣждалъ отъ юноши и котораго поймала красавица.

Содержаніе паралл. текста слѣдующее. Молодецъ потерялъ своего коня. Онъ долго ищетъ его. Наконецъ —

1) Спр., стр. 220, 36.

на четвертый день (лат. т.) — онъ находитъ коня, пойманнаго красавицею и поставленнаго въ конюшню ея отца (лит. т.), или на ея скотномъ дворѣ (лат. т.). Она не хочетъ возвратитъ коня, ибо онъ причинилъ ей большой убытокъ: сломалъ новый заборъ, истопталъ зеленыя руты (лит. т.), истопталъ ея розовый садъ и братнину рожь (лат. т.). Молодецъ спрашиваетъ, сколько стоитъ заборъ и руты, и получаетъ въ отвѣтъ: пять, шесть талеровъ и сверхъ того ее — красавицу. Юноша отвѣчаетъ: Я прибавлю еще пять талеровъ и женюсь на тебѣ, молодкѣ (лит. т.). По лат. тексту дѣвица говоритъ, что хотя братъ и готовъ понести убытокъ, причиненный его ржи, все-таки она не понесетъ убытка, нанесеннаго ея розовому саду; молодецъ долженъ общать ей, что онъ женится на ней, тогда она забудетъ поврежденіе, нанесенное розамъ. Юноша отвѣчаетъ: какъ мнѣ жениться на тебѣ, когда ты мнѣ не по сердцу! Не одинъ день, но всю жизнь придется намъ жить вмѣстѣ; это не покрывало, которое можно снять или накинуть на себя при туманной погодѣ ¹⁾.

Подобно лит. пѣснямъ и по нѣкоторымъ лат. вариантамъ юноша женится на красавицѣ.

Такъ какъ мы здѣсь у литовцевъ и у латышей имѣемъ достаточное количество вариантовъ, и паралл. текстъ, при всѣхъ своихъ соотвѣтствіяхъ, все-таки имѣетъ отличительныя черты, то о заимствованіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Мы должны и здѣсь предположить только общую, изъ одинаковыхъ нравовъ и жизненныхъ условій вытекающую идею, которая въ теченіе времени варіировалась у литовцевъ и у латышей. Такимъ образомъ и размѣръ согласуется лишь отчасти.

IX. О сватаніи, о ночевкѣ.

Помѣщенные подъ этимъ заглавіемъ паралл. тексты съ вариантами — своего рода эротическія пѣсни, показывающія общія воззрѣнія и нравы литовцевъ и латышей.

---

1) По лит. тексту юноша ищетъ коня въ туманное утро.

1. Преимущество дѣвицы передъ вдовою.

Юношу, отправляющагося свататься (по лит. тексту это братъ, котораго пѣсня называетъ зябликомъ или соколомъ) спрашиваютъ, гдѣ онъ проведетъ слѣдующую ночь. Онъ отвѣчаетъ или уклончиво, что онъ будетъ ночевать въ зеленомъ лѣсу (лит. т.), или не даетъ никакого отвѣта (лат. т.), или онъ отвѣчаетъ намеками, что онъ поѣдетъ верхомъ черезъ черешневый садъ, ко вдовѣ, или черезъ рутовый садъ къ дѣвицѣ (1-й лит. вар.), или что онъ будетъ ночевать на высокой горѣ, въ новой клѣти, у молодой красавицы (лат. вар.). Далѣе, ему предлагается вопросъ, женится ли онъ на вдовѣ и обезпечить ли онъ ея дѣтей? Нѣтъ, говоритъ онъ, постель вдовы растрепана и запасъ ея любовныхъ рѣчей истощился. Наконецъ, его спрашиваютъ, хочетъ ли онъ жениться на дѣвицѣ, любить ее и снять съ ея головы вѣнокъ и сохранять его? На это онъ отвѣчаетъ: да; ибо постель дѣвицы не растрепана и въ любовныхъ рѣчахъ у нея нѣтъ недостатка (лат. т. и лат. вар.).

Въ 1-мъ лит. вариантѣ предшествуетъ вопросу (куда братъ поѣдетъ) параллелизмъ: Солнце бѣжитъ надъ лѣсомъ, братъ сидитъ на конѣ. Во 2-мъ вариантѣ, какъ параллель вопроса, предложеннаго брату, *brangvardužis* (имѣющему славное, дорогое имя), предшествуетъ обращеніе къ піону, кто его посадилъ, кто его полоть? etc. По лат. варианту вопросамъ (женится ли юноша на вдовѣ или на дѣвицѣ) предпосылаются, какъ параллели, распросы, поѣдетъ ли юноша овесъ на нови, или ленъ на пашнѣ? Подобныя размышленія, съ одной стороны, о жизни природы, съ другой стороны, о человѣческой жизни, встрѣчаются въ этой народной поэзіи очень часто. И эта поэтическая форма, которую мы находимъ здѣсь въ разсматриваемыхъ и въ другихъ пѣсняхъ, выраженная въ вопросѣ и отвѣтѣ, которые задаютъ другъ другу, сестра брату, юноша дѣвицѣ, обычна какъ у литовцевъ, такъ и у латышей.

Сравнительно съ пѣснями о похищеніи невѣсты, пѣсни о сватаніи и ночевкѣ болѣе поздняго происхожденія. Упомянутіе въ лат. вариантѣ о корчмѣ (*krudziņš*, dim.) указываетъ на болѣе новую народную жизнь. Но соотвѣтствіе взаимныхъ текстовъ здѣсь весьма значительно и указываетъ намъ на тѣ времена, когда обмѣнъ духовныхъ произведеній

между латышами и литовцами еще не прекращался. Такъ, мы находимъ здѣсь присущій обоимъ народамъ обычай, сохранившійся у латышей еще до новѣйшаго времени и, вѣроятно, встрѣчаемый еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно, что женихъ отправляется верхомъ къ своей милой и ночуетъ у нея. И по этимъ дайнамъ, имѣющимъ такъ называемый латышскій дактиль, какъ для литовцевъ, такъ и для латышей женитьба на вдовѣ не желательна.

2. Молодая жена.

Молодой человѣкъ, не имѣющій ни кола, ни двора, не знаетъ, куда помѣстить дѣвушку, свою невѣсту (лит. т.), свою жену (лат. т.). Она должна оставаться далеко отъ него, на чужбинѣ. Онъ хочетъ построить себѣ лодку, чтобы въ ней каждый вечеръ посѣщать свою жену (лит. т.), или онъ желаетъ отправить ее въ лодкѣ на чужбину (лат. т.). Кукуетъ кукушка, поетъ снѣгирь ¹⁾ (поползень или иволга лит. т.), поетъ соловей (лат. т.) и дѣвушка-жена плачетъ на чужбинѣ. Не плачь, утѣшься, говоритъ молодой мужъ, я буду посѣщать тебя каждый вечеръ (лит. т.); въ этомъ или въ слѣдующемъ году я посѣщу тебя (лат. т.). Это параллельный текстъ.

Лит. текстъ имѣетъ отличное отъ латышскаго начало, и лат. текстъ содержитъ въ концѣ, повидимому, новое прибавленіе, котораго нѣтъ въ лит.

Объ этихъ немногихъ пѣсняхъ едва ли можно что-нибудь больше сказать. Въ нихъ встрѣчается дактилическій размѣръ, и онѣ не имѣютъ почти никакихъ вариантовъ. Лит. т. тринадцатью годами раньше записанъ, чѣмъ лат.; но это лишь случайно, и изъ этого ничего нельзя заключить насчетъ первенства той или другой пѣсни. Приходится еще упомянуть о приведенномъ уже раньше соотвѣтствіи отдѣльных частей (*parallelismus membrorum*), которое въ лит. и лат. нар. поэзіи очень ходяче и замѣчается здѣсь между пѣніемъ птицъ, съ одной стороны, и плачемъ женщинъ, съ другой стороны. Стало-быть, мы опять встрѣчаемъ на одной сторонѣ жизнь природы, на другой — жизнь людей.

---

1) Лит. *volunge*, es, f. = лат. *vàlodze*, es, f. (иволга крикливая).

3. Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка и у вдовца.

Параллель этихъ текстовъ замѣтилъ А. Бенценбергеръ уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ ¹⁾. Какъ выше въ № 1 этого отдѣла сказано о нежеланіи юноши жениться на вдовѣ, такъ и здѣсь говорится о большомъ отвращеніи дѣвицы ко вдовцу или старому мужу. Дѣвица постилаетъ постель юношѣ, молодому жениху, и подстилаетъ ему три слоя перинъ, кладетъ въ изголовьѣ нѣсколько подушекъ, по лат. тексту она еще покрываетъ жениха бѣлыми шерстяными одѣялами и ложится сама къ нему, какъ цвѣтушая розочка. Она проситъ пѣтуха, чтобы онъ утромъ рано не пѣлъ, и упрасиваетъ день, чтобы онъ рано не разсвѣталъ; такъ какъ время мечтать о любви, вести любовныя рѣчи слишкомъ коротко. Напротивъ, если дѣвицѣ приходится постилать постель вдовцу, старику, то она подстилаетъ ему три слоя терну и чертополоху, кладетъ подъ голову нѣсколько маленькихъ камней, по лат. тексту покрываетъ его притомъ старою бороною, ложится сама ко вдовцу-старiku, трепеща, какъ листочекъ. Теперь она проситъ пѣтуха, чтобы онъ пораньше пропѣлъ, умоляетъ ночь, чтобы она не была долга, и день, чтобы онъ скорѣе разсвѣталъ, такъ какъ мечтать не о чемъ, не о чемъ вести рѣчи.

Передавая лат. текстъ А. Бенценбергеръ замѣчаетъ слѣдующее: *Ich teile hier das entsprechende lettische gedicht mit (s. d. einleitung), über das Bielenstein mit recht urteilt, dass es eine perle von volkspoesie sei, die kaum ihres gleichen finden dürfte in der reinheit, mit der hier eine brautnacht geschildert wird* ²⁾. То же самое можно сказать и насчетъ лит. даины. Мы находимъ здѣсь тоже одинаковый размѣръ, именно, четырехстопные трохеи. Дальнѣйшее изображеніе того обстоятельства, какъ дѣвица покрываетъ холостяка или вдовца и какъ она къ тому и другому ложится сама, является чертою, недостающей въ лит. текстѣ, но встречающейся, напротивъ, въ лит. вариантѣ. По этому варианту дѣвица даетъ холостяку два, три одѣяла на ночь и ложится сама къ нему, какъ лилія къ маерану; напротивъ, вдовцу она предлагаетъ вмѣсто одѣяла пять, шесть сосно-

1) *Cp. ero Lit. Forsch.*, стр. 28. Зам. 4.

2) *Ibid.*

выхъ вѣтвей, и спить съ нимъ, какъ лилія подлѣ терна. Слѣдовательно, и эти пѣсни показываютъ, что литовецъ и латышъ или лучше литвинка и латышка излагаютъ одинаковую идею съ различными оттѣнками.

4. Любовныя размышленія на nocturno.

Эти пѣсни трактуютъ исключительно о nocturno и содержать уже нѣкоторыя новыя, чтобы не сказать, модныя черты. Мы имѣемъ здѣсь, въ этихъ пѣсняхъ, нѣкоторый только отголосокъ и малое соотвѣтствіе или совпаденіе. Параллельный текстъ ограничивается здѣсь лишь одинаковою идеею о nocturno. Болѣе близкія обстоятельства на той и на другой сторонѣ указываютъ на нѣкоторый только отголосокъ, и не представляютъ дѣйствительнаго соотвѣтствія или совпаденія. Лит. текстъ имѣетъ очень распространенное въ лит. и лат. пѣсняхъ начало, которое болѣе подходитъ подъ застольныя пѣсни, о чемъ впереди будетъ рѣчь.

Молодецъ пьетъ и раздумываетъ, гдѣ бы ему найти nocturno для себя и для своей гнѣдой лошади. Онъ рѣшается отправиться въ березовую рощу. Березовые листочки замѣняютъ его коню чистый овесъ. Для себя онъ наломаетъ березовыхъ вѣтвей, которыя замѣнятъ ему постель и подушку. Ружье сбоку замѣнитъ ему дѣвушку-невѣсту. Онъ повѣситъ шапку, которая замѣнитъ ему часы или пестраго пѣтуха.

По лат. тексту дѣвушка, при видѣ ночующаго, краснѣетъ, какъ брусника, и спрашиваетъ его, гдѣ онъ провелъ ночь, у матушки или у другой дѣвушки. Отвѣтъ юноши, отчасти соотвѣтствующій литовской пѣснѣ, гласитъ: Я спалъ подъ елью и подстилалъ, вмѣсто простыни, еловые вѣтви. Отвѣтъ дѣвушки напоминаетъ немного предыдущій № 3 этого же отдѣла. Дѣвушка готова прислать ночующему пару льняныхъ простынь, бѣлыя шерстяныя одѣяла, пару платочковъ и тонкія льняныя шапочки.

По лит. вар. у Юшкевича сестра спрашиваетъ брата, гдѣ онъ провелъ ночь, какъ это явствуется изъ обращенія *broluželi manu, dobiłeli manu* (братецъ мой, клеверъ мой). Или *broluželi, dobiłeli* значить здѣсь то же самое, что иногда *bàlelių* въ лат. нар. пѣсняхъ, (см. выше V) просто, юноша, парень. Если допустить такое толкованіе, то это опять-таки мы имѣли бы въ лицѣ дѣвушки милую, которая спра-

шиваешь, гдѣ парень провелъ ночь. И его отвѣтъ *mutatis mutandis* одинаковъ съ тѣмъ отвѣтомъ, который мы уже выше встрѣчали въ лит. и лат. текстахъ. Только здѣсь описаніе болѣе драматическое. По 1-му лат. вар. молодцу кажется ночь на ночномъ слишкомъ долгою. Его ожидаетъ милая, къ которой онъ въ эту ночь не отправляется, но проводить ночь на горѣ, въ бѣломъ клеверѣ, у своего гнѣдого коня, подложивъ сѣдло подъ голову и накрывшись уздой. 2-й лат. вар. напоминаетъ въ своемъ началѣ № 7, во II отдѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о занятіяхъ трехъ дѣвушекъ. Впрочемъ, эта пѣсня представляетъ вариантъ, похожій на лат. текстъ, въ которомъ милый рассказываетъ любимой дѣвушкѣ про свой ночлегъ. Ни подъ сосною, ни подъ елью, ни у другой дѣвушки онъ не ночевалъ, а лежалъ на зеленомъ полѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ; у него были липовые листья подъ головою и зеленыя еловые вѣтви служили ему простынею. Дѣвушка отвѣчаетъ ему такъ же, какъ это представлено выше, въ лат. текстѣ.

Лит. и лат. пѣсни имѣютъ здѣсь характеръ вариантовъ, при томъ съ различнымъ размѣромъ. Лат. пѣсни въ своихъ обычныхъ четырехстопныхъ трохеяхъ указываютъ на болѣе глубокую старость, чѣмъ литовскія. Онѣ, по крайней мѣрѣ, не упоминаютъ о такихъ новыхъ предметахъ, каковы: ружье (*puškele*), часы (*žėgorelis*) и т. п.

5. Ночлегъ.

Здѣсь мы имѣемъ почти слово въ слово соответствующее начало множества лит. и лат. пѣсенъ, рѣзко отличающихся одна отъ другой во всемъ остальномъ. Въ непосредственно предыдущемъ № 4 мы встрѣтили въ обѣихъ первыхъ строфахъ литовскаго текста уже сходное начало. — Нѣкто пѣетъ и раздумываетъ, гдѣ ему ночевать. Наконецъ, онъ рѣшается поѣхать верхомъ къ дѣвушкѣ, чтобы провести у ней ночь.

Это начало, встрѣчаемое во многихъ пѣсняхъ, въ остальномъ по содержанію различныхъ, и находившее всеобщую любовь и распространеніе, служило, повидимому, народному поэту, такъ сказать, схемою, метрическимъ образцомъ къ дальнѣйшему поэтическому творчеству. Объ этомъ свидѣ-

тельствуютъ совпаденія, состоящія иногда лишь изъ одного стиха и встрѣчаемыя въ лит. и лат. дайнахъ, какъ-то:

Joiau diena, joiau nakti — ¹⁾ Jáju dienu, jáju nakti — ²⁾
(Бду верхомъ день, бду верхомъ ночь).

Этотъ стихъ служить началомъ литовскихъ и латышскихъ пѣсенъ, принадлежащихъ лишь къ одному отдѣлу любовныхъ пѣсенъ, различныхъ по содержанію. Такіе часто повторяющіеся, рефреновидные стихи ³⁾ имѣли, вѣроятно, первоначально и одинаковый напѣвъ.

Насколько въ этомъ паралл. текстѣ поется о бражникахъ, мы обратимъ на него вниманіе еще ниже, когда будемъ говорить о застольныхъ пѣсняхъ.

Х. О посѣщеніи братомъ сестры, вышедшей замужъ.

(Защита обиженной сестры.)

Относящіяся сюда пѣсни переносятъ насъ во времена господства грубыхъ нравовъ и, вслѣдствіе этого, обнаруживаетъ глубокую древность.

Вооруженный мечемъ братъ отправляется къ вышедшей замужъ сестрѣ. Ибо онъ узналъ, что ея мужъ жестоко обращается съ нею. Братъ строго и рѣшительно выступаетъ противъ зятя. Съ мечемъ въ рукѣ онъ восклицаетъ: Выходи, негодяй-зять! Какъ ты поступаешь съ сестрою (лит. т.)? Чѣмъ провинилась сестра? Приходится ли тебѣ ѣсть немолотый хлѣбъ? Или тебѣ приходится ходить въ немытомъ бѣльѣ? Мой булатный мечъ, твоя голова съ плечъ! Сейчасъ я тебя убью (лат. т.)! Твоя голова слетитъ, какъ кочанъ, твоя кровь польется, какъ будто опадутъ листья піона (лит. т.). Твоя голова, какъ горшекъ, съ грохотомъ полетитъ къ воротамъ (лат. т.)! — Но братъ ограничивается лишь однѣми угрозами.

1) Справ. Jušk. L. d. 1559.

2) Справ. Zim. IV, 18.

3) Они встрѣчаются и у Юшкевича L. sv. d. 483 и 487. Ср. и Zim. ib.

По нѣкоторымъ вариантамъ брать говорить: кто будетъ давать сестрѣ хлѣбъ, если я отрублю у зятя голову? По лит. варианту (Jušk. L. sv. d. 912) не прошло и полугода, брать опять слышитъ, что сестра страдаетъ. Онъ приглашаетъ другихъ братьевъ осѣдлатъ коней, чтобы провѣдать сестру: довольна ли она своимъ новымъ положеніемъ? зеленѣютъ ли и цвѣтутъ ли ея руты? — Сестра не довольна, не весела, ея руты завяли во время цвѣтенія. По лат. варианту (Bütt. 1436) сестра спрашиваетъ своего брата, куда онъ поѣдетъ верхомъ, зачѣмъ онъ обуваетъ вечеромъ ноги. Брать отвѣчаетъ: „Не говори ничего, сестрица, подай мнѣ мой мечъ; я слышу, что жестоко обходятся съ нашею замужнею сестрою.“ Когда онъ приѣзжаетъ къ сестрѣ, она спѣшитъ открыть ему ворота. Одною рукою она отворяетъ ворота, а другою утираетъ слезы. Брать вынимаетъ платокъ, утираетъ ей слезы и, утѣшая ее, говоритъ: „Твой мужъ достоинъ порицанія, зато что онъ бранитъ тебя; своимъ мечемъ я покажу ему Бога.“

Эти пѣсни переносятъ насъ, если не ошибаюсь, въ раннюю эпоху народной жизни, вѣроятно, во времена лит. и лат. самостоятельности и свободы, когда литовцы и латыши съ мечемъ въ рукахъ сражались за право и порядокъ и вступались за своихъ родственниковъ. Такъ какъ за обиженную сестру вступается не отецъ, а брать, то изъ этого явствуется, что въ этомъ случаѣ въ мудромъ наставленіи не было такой необходимости, какъ въ сильной, молодой рукѣ. Эти пѣсни переносятъ насъ въ тѣ времена, когда еще защищали невѣсту; ибо въ этихъ пѣсняхъ представляется, какъ братья заботятся о сестрѣ, живущей на чужой сторонѣ, гонятся за ней, защищаютъ ее и т. д. Въ этихъ пѣсняхъ главное занятіе женщины составляетъ молотье на ручной мельницѣ.

Какъ это уже отмѣчено при текстахъ, они представляютъ не цѣлыя пѣсни, а лишь отрывки пѣсенъ, имѣющихъ соотвѣтствія. Это обстоятельство и различный размѣръ, очевидно, свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ представляютъ собой взаимныя, самостоятельныя произведенія, вытекавшія изъ одинаковыхъ нравовъ и воззрѣній.

ХІ. Сиротскія пѣсни.

О сиротскихъ пѣсняхъ, заключающихъ въ себѣ миѳическіе элементы, по которымъ, напр., сирота, отыскивая родителей, взлѣзаетъ по вѣтвямъ розы или боба до неба, мы уже говорили выше (см. II). Здѣсь мы разберемъ лишь тѣ произведенія, которыя не содержатъ почти ничего миѳическаго, но важны своимъ совпаденіемъ.

1. Могила матери.

Латышскій текстъ, соотвѣтствующій литовскому, сохранился лишь въ видѣ отрывковъ, которые разбросаны въ народѣ, гдѣ собиратели записывали ту или другую строфу одной первоначально цѣлой пѣсни. Я сопоставилъ эти отдѣльные отрывки или строфы съ лит. текстомъ такъ, что они теперь представляютъ опять одно цѣлое и показываютъ полный латышскій текстъ, цѣликомъ соотвѣтствующій литовскому. Что эти отдѣльные отрывки первоначально составляли одну цѣлую пѣсню, объ этомъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, сопоставленная лит. дайна, представляющаяся цѣлою, во-вторыхъ, лат. варіантъ, записанный Биленштейномъ и изданный Бенценбергеромъ ¹⁾, въ-третьихъ, варіанты у Бривземніака (881 etc.), которые являются еще въ видѣ цѣлыхъ, длинныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, мы уже выше, въ миѳическихъ пѣсняхъ, видѣли, что въ нихъ иногда съ цѣлыми, длинными лит. дайнами сопоставлены краткія, афористическія лат. пѣсенки, какъ имѣющія вмѣстѣ съ литовскими пѣснями одинаковое содержаніе. Что съ цѣлыми лит. дайнами сопоставляются иногда лишь лат. отрывки — это мы увидимъ еще ниже. Здѣсь именно замѣчается склонность латышскаго генія, въ отличіе отъ литовскаго, переходитъ къ почти гномическому творчеству, четверо- и шестеростишіямъ, господствовавшимъ въ позднѣйшее время въ лат. нар. поэзіи. И въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ такого рода краткія пѣсенки.

Содержаніе этого паралл. текста слѣдующее. Охъ, знала бы я горку (могилку), гдѣ лежитъ моя матушка, я

1) См. его Lit. Forsch., стр. XI.

насадила бы на ней зеленые липы, яблони (лит. т.), я обнесла бы ее пестрыми (дубовыми 2. var.) досками (лат. т.), или: я украсила бы могилу красными розочками (1. var.). Вставай, матушка, я приподыму дернъ, я тебѣ расскажу, что со мною дѣлается мачеха. Она рвала меня, била меня, драла меня за волосы и подавала мнѣ черезъ огонь хлѣбъ. Мать покинула меня, какъ курица цыплятъ. Цыплята бѣгаютъ вмѣстѣ, а я, сиротинушка, одинока.

Этотъ сюжетъ передается, какъ въ литовскихъ, такъ и въ латышскихъ пѣсняхъ извѣстными четырехстопными трохеями.

2. Отвѣтъ матери изъ могилы.

Подъ этимъ заглавіемъ мы находимъ опять, какъ у латышей, такъ и у литовцевъ цѣлая пѣснь. Чтобы имѣть по возможности полное соотвѣтствіе, я прибавилъ къ литовской пѣснѣ нѣсколько стиховъ (они поставлены въ скобкахъ) по замѣчаніямъ и дополненіямъ Болена, въ изданіи Резы.

Содержаніе этихъ пѣсней слѣдующее. Сирота въ лѣсу приходитъ къ могилѣ матери и горько плачетъ по ней. Тогда спрашиваетъ мать: Кто плачетъ здѣсь по мнѣ? Кто топчетъ могилу? Сирота отвѣчаетъ: Я, матушка, я одинокая сиротинушка. Кто будетъ причесывать мою головушку? Кто будетъ мыть мой ротикъ? Кто будетъ говорить мнѣ слова любви (лит. т.)? По лат. тексту, записанному на верхнелатышскомъ говорѣ, сирота будить свою мать, чтобы послѣдняя причесала ей голову, надѣла бы ей чистую рубаху, обула бы ей ноги. По обоимъ текстамъ мать одинаково отвѣчаетъ сиротѣ, что у ней есть другая мать, которая все это сдѣлаетъ. По лит. дайнѣ еще говорится, что юноша будетъ говорить ей слова любви. Потомъ сирота жалуется, что другая мать, мачеха, надѣвая ей рубаху, обходится съ нею очень жестоко. По лат. пѣснѣ въ заключеніе поется, что мачеха проклинаетъ падчерицу, чтобы она умерла прежде, чѣмъ износить свою рубаху и потребуетъ другую. Обувая ей ноги, мачеха обжигетъ ихъ крапивою.

Между тѣмъ, какъ лат. пѣсня (именно буженіемъ матери) сначала напоминаетъ болѣе о предыдущемъ № 1, лит. дайна начинается тѣмъ, что сироту посылаютъ въ лѣсъ со-

бирать ягоды. Лат. же пѣсня имѣетъ начало, по которому слышится годость сироты въ лѣсу, которая будить свою мать изъ могилы.

Замѣчательно здѣсь по лит. и лат. текстамъ то воззрѣніе, которое опять примыкаетъ къ миѣическому, а именно, что по наивному, народному вѣрованію мать собственно не мертва, а только спитъ, отдыхаетъ подъ дерномъ, такъ что ее можно разбудить и она тогда будетъ отвѣчать. По бѣлорусской пѣснѣ (Виленской губерніи) сирота тоже будить свою матушку, чтобы она встала изъ могилы и послужила ей на дѣвичникѣ (*Dziewić wiecier*). Мать отвѣчаетъ ей, что она не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ сѣрая земля лежитъ у нея на сердцѣ, такъ что она не можетъ вздохнуть ¹⁾. Э. Вольтеръ невѣрно относитъ пѣсни, принадлежащія сюда, а равно и нѣкоторыя уже выше (II, 2) приведенныя пѣсни къ погребальнымъ ²⁾.

3. Строгіе бары.

Мы встрѣчаемъ здѣсь только одно лат. четверостишіе, соответствующее по содержанію и размѣру послѣдней строфѣ лит. дайны, состоящей изъ трехъ строфъ. По духу обѣ первыя строфы литовской пѣсни таковы, что латышъ, безъ сомнѣнія, и ихъ можетъ принять за свои собственныя или родственныя произведенія. Эти пѣсни намекаютъ на то, что поющій ихъ народъ ужъ болѣе не свободенъ и не самостоятеленъ. Пѣвецъ желаетъ, чтобы мать его вовсе не воспитала. Стоитъ ли ему жить для бѣдствія, для горькихъ слезъ? Лучше было бы бросить его въ рѣку, въ глубокое озеро; тамъ онъ жилъ бы съ рыбами, полосатыми щуками. Злые бары и чиновники (лит. т., тѣмъ начинается параллельный текстъ), или строгіе бары, сторожа (лат. т.) не даютъ своевременно вечера (лат. т.), покоя (лит. т.). Заходи, Солнышко, спѣши, Мѣсяцъ (лит. т.), или: Спѣши, Сол-

1) См. *Pieśni Białoruskie z powiatu dziśnieńskiego gubernii wileńskiej* zapisał Adolf Černý. Dodatek do *Pieśni Białorusko-Polskich z powiatu sokólskiego gubernii grodzieńskiej*, zapisanych przez Prof. Dr. J. Baudouin de Courtenay. W. Krakowie. 1894. Стр. 3, № 4.

2) См. его *Матеріалы*, стр. 369—375.

нышко, скорѣе къ Богу, ниспошли намъ святой вечеръ! — такъ молится въ своей нуждѣ пѣвецъ, обращаясь къ своимъ древнимъ богамъ.

Все настроеніе этихъ пѣсенъ, а именно, встрѣчаемое въ лат. пѣсенкѣ выраженіе *vagarites* (dim., презрительные сторожа) переносятъ насъ во времена крѣпостного состоянія и барщины. Несомнѣнно, что латышское четверостишіе лишь остатокъ болѣе длинной пѣсни.

XII. Странное обѣщаніе.

И здѣсь мы имѣемъ лишь краткій параллельный текстъ, состоящій только изъ нѣсколькихъ строфъ болѣе длинныхъ дайнь. Лит. текстъ представляетъ конецъ длинной пѣсни, въ которой встрѣчаются миѣическіе элементы и поется о походѣ. Такъ, напр., воинамъ должны прислуживать дѣвы бога (*Dievo dukružēlēs*) своими бѣлыми ручками и утѣшать словами любви и т. п. Лат. текстъ представляетъ тоже лишь конецъ длинной пѣсни (зинге). Стендеръ, записавшій эти строфы, предпосылаетъ имъ слѣдующее примѣчаніе: „Въ одной зингѣ, въ которой несчастный бѣглець на вопросъ матери, когда онъ возвратится, отвѣчаетъ: —“ (теперь слѣдуютъ лат. строки). По лит. дайнь уходящіе отвѣчаютъ тоже на вопросъ, когда они возвратятся изъ Венгерской земли. И оба отвѣта, лит. и лат., представлены въ параллельномъ текстѣ: Когда зазеленѣютъ колья, когда вырастутъ камни (лит. т.), или когда они сгніютъ (лат. т.), когда начнутъ цвѣсти на морѣ деревья (лит. т.), когда будетъ по поверхности воды плавать бульжникъ и потонетъ въ водѣ перо (лат. т. и лит. вар. *Jušk. L. sv. d. 822*, строфа 8; *974*, строфа 9) — (до этого мѣста мы имѣемъ соотвѣтствіе) —, тогда они возвратятся изъ Венгерской земли, тогда придетъ бѣглець навѣстить отца и мать.

Мы здѣсь встрѣчаемся, стало-быть, съ своего рода народною ироніею, подобною той, которая встрѣчается въ народныхъ сказкахъ о трехъ сыновьяхъ. Двое изъ нихъ считаются умными, а третій дурачкомъ. На дѣлѣ же всегда оказывается противоположное. Такъ и здѣсь обѣщанное возвращеніе есть только иронія, потому что оно связано съ невозможными условіями.

Лат. текстъ вмѣстѣ съ примѣчаніемъ Стендера, по которому онъ оказывается первоначально длинною пѣсней (zingē), записанъ уже болѣе ста двѣнадцати лѣтъ тому назадъ и снова свидѣтельствуемъ о томъ, что многія теперешнія короткія лат. пѣсенки, четверостишія, шестеростишія и т. д., не представляютъ первичную, но болѣе новую, афористическую форму первоначально длинныхъ пѣсень, соотвѣтствующихъ литовскимъ дайнамъ. Бергманъ, издавшій въ своемъ сборникѣ то же самое шестеростишіе тридцатью годами позже Стендера, уже точно такъ же, какъ Бютнеръ, опубликовавшій въ своемъ объемистомъ изданіи эту пѣсню, не знаетъ ничего о томъ, что эта пѣсенка представляетъ лишь конецъ первоначально длинной дайны (zingē).

По лит. вариантамъ, которымъ соотвѣтствуетъ лат. половица (Брив. 200), слѣдуетъ странное, лишь мало отличающееся отъ упомянутаго отвѣта обѣщаніе на вопросъ (который такъ же, какъ и выше, приходится предположить): Когда спрошенный юноша женится на любимой имъ дѣвушкѣ? или: Когда будетъ ихъ свадьба? или: Когда они обмѣняются словами любви? и т. п. Въ лит. вариантѣ (Jušk. L. sv. d. 974, строфа 8) выполнение обѣщанія, между прочимъ, зависитъ отъ того, когда лисица будетъ плясать подъ игру пѣтуха на скрипкѣ. Этому соотвѣтствуютъ слѣдующія лат. изреченія:

Kad pūcei aste ziedēs;   Когда у лисицы будетъ цвѣсти хвостъ;

Kad zaķis pār ceļu nepārskries¹⁾.   Когда заяцъ не будетъ перебѣгать черезъ дорогу.

Къ этому нашему паралл. тексту встрѣчаются и русск., нѣм., шотланд., швед. и финскія параллели, въ родѣ слѣдующихъ: „Когда почернѣетъ лебедь и побѣлѣетъ воронъ“, „когда всплыветъ камень и потонетъ перо“, „оли камень начнетъ плавать, а хмель почнетъ грязнуги (тонуги)“²⁾.

ХІІІ. Дорогая семья.

Заглавіе этого отдѣла я заимствовалъ изъ „Lettische Volkslieder“ К. Ульмана, который назвалъ въ своемъ нѣмец-

1) L.

2) Потенія: Объясненія малорусс. II, стр. 560. — См. Uhland, Schriften zur Gesch. der Dichtung III, 217 и 218.

комъ переводѣ лат. вариантъ подѣ слѣдующимъ № 1 „Die kostbare Familie“¹⁾). Это названіе вполне соотвѣтствуетъ содержанію разсматриваемыхъ здѣсь пѣсенъ. Ибо для самого пѣвца эта семья, о которой поется въ этихъ пѣсняхъ, дорога, потому что онъ по очереди узнаетъ дорогихъ сердцу людей и послѣ долгаго напраснаго исканія наконецъ находитъ свою душеньку, свою милую невѣсту. При этомъ случаѣ мы знакомимся съ разнообразными занятіями, съ большимъ богатствомъ и разными помѣщеніями и недвижимымъ имуществомъ этой семьи, свидѣтельствующимъ о зажиточности ея.

1. Примѣты.

Этотъ паралл. текстъ можно было бы назвать пѣснейю распознаванія. Пѣвецъ хвастается въ немъ, что онъ узнаетъ своего отца между сотнею бражниковъ по его бѣлымъ рукамъ, красивымъ щекамъ, по серебряному (лит. т.), алмазному (лат. т.) стеклу, по серебряной кружкѣ (лат. т.). Такъ онъ узнаетъ по очереди всѣхъ членовъ семьи: мать между сотнею ткачихъ, прядильщицъ (лат. т.), по новому ткацкому станку, по ея тонкому холсту, по ея камышевому берду, по серебряному челноку, по серебряной прялкѣ, по тонкому утку (лат. т.); сестру онъ узнаетъ между сотнею швей по ея бѣлымъ ручкамъ, по ея тонкому шву, по зеленому, шелковому швейному прибору, по серебряной иглѣ, по золотой иголкѣ, по тонкому швейному прибору (лат. т.); брата онъ узнаетъ между сотнею пахарей по его новому плугу, по сѣрому быку (онъ пахалъ стальными сошниками гуфу земли, лит. т.), по алмазному плугу, по гнѣдому коню (лат. т.); наконецъ, онъ узнаетъ невѣсту между сотнею ткачихъ по алмазному ткацкому станку, по золотому челноку (въ лит. т. недостаетъ этой строфы); пѣвица узнаетъ милаго между сотнею косарей по его стальной косѣ, по изящному косовищу, по серебряному бруску, по широкому покосу (лит. т.), между сотнею стрѣлковъ по серебряному луку и по булатному мечу (лат. т.).

1) Cp. Lettische Volkslieder, стр. 165.

Оба текста, какъ литовскій ¹⁾, такъ и латышскій, начинаются почти одинаковою анафорою:

О аš раіпаіа — Es pazinu —
(Охъ, я узналъ).

Латышскія строфы содержатъ еще эпифору:

Это мой родной отецъ,
Это мой милый бражникъ;
Это моя родная мать,
Это моя милая прядильщица etc.

между тѣмъ, какъ въ литовскихъ строфахъ этого нѣтъ. Тутъ, напротивъ, еще подробнѣе описываются отдѣльныя лица и ихъ орудія. Эпитетъ *ists*, -а (родной, настоящий), которымъ лат. пѣсня надѣляетъ всѣхъ воспѣваемыхъ членовъ семьи, не находится въ лит. дайнѣ. Очередь милыхъ, воспѣваемыхъ лицъ тоже нѣсколько отличается на обѣихъ сторонахъ. Несмотря на то, нельзя не признать большое соотвѣтствіе пѣсенъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Надо особенно отмѣтить здѣсь почти одинаковую идеализацію вещей и лицъ. Новою чертою въ лит. текстѣ является предложеніе: *Gėrė rincką vynelį* (онъ пилъ рейнское вино); но *rinckas vynelis, rinčvynis* || *rinšvynis, rinšvynas* означало первобытно, конечно, рейнское вино, а потомъ вино вообще. Несомнѣнно, древнею чертою надо считать лукъ и мечъ въ числѣ охотничьихъ принадлежностей милаго въ лат. пѣснѣ.

Что касается вариантовъ, то мы находимъ, что лит. вар. воспѣваетъ лишь юношу, милаго и милую, стало-быть, молчитъ о членахъ семьи, между тѣмъ, какъ лат. вариантъ упоминаетъ объ отцѣ, матери, братѣ и сестрѣ, но не упоминаетъ о миломъ и о милой. Эта лат. пѣсня предпосылаетъ каждой уже извѣстной строфѣ, какъ новое украшеніе, двѣ строфы, въ которыхъ спрашивается: Охъ, красавицы, гдѣ вы нарвали розъ и гдѣ сплели изъ нихъ вѣнокъ? И красавицы отвѣчаютъ: Въ Москвѣ мы нарвали розъ и сплели изъ нихъ вѣнокъ, въ Данцигѣ мы износили ихъ ²⁾. Впро-

1) Юшкевичъ предпосылаетъ этой дайнѣ двѣ по содержанію различныя пѣсенки, имѣющія лишь одинаковый размѣръ.

2) Это напоминаетъ объ отвѣтѣ двѣницъ, приведенномъ выше (II, № 7, 5-й, 6-й и 8-й вар.): Мы вѣнки покупали въ г. Ригѣ и приготавливали ихъ въ нѣмецкой землѣ.

чемъ, этотъ лат. вар. повтореніемъ одной строки въ каждой строфѣ, по своему построению, ближе подходитъ къ литовскому тексту, имѣющему это повтореніе, чѣмъ лат. текстъ. Касательно одинаковыхъ членовъ семьи, этому лат. варианту съ 9-ой строфы почти вполне соответствуетъ лит. дайна (Jušk. L. sv. d. 134).

2. Поиски возлюбленной.

Одинаковый мотивъ въ этихъ пѣсняхъ представляютъ исканіе и нахожденіе милой-душеньки.

По лит. тексту юноша ищетъ душеньки (širdele) по очереди въ комнатѣ, въ которой стоятъ жернова, въ прядильнѣ, по всему дому и на берегу рѣки. Онъ находитъ тамъ: трехъ молольщицъ, стальную ручную мельницу, мѣдную колѣнчатую рукоятку; трехъ прядильщицъ, бѣлый ленъ, молодыхъ пряхъ; трехъ ткачихъ, шелковое полотно, мѣдный ткацкій станокъ, но не нашелъ милой-душеньки. Онъ спѣшитъ на берегъ рѣки. Тамъ онъ находитъ трехъ прачекъ: моютъ онѣ тонкіе холсты; въ рукахъ у нихъ мѣдный валецъ, и тамъ онъ находитъ свою душеньку.

По лит. дайнѣ милый вмѣстѣ съ другими ищетъ свою милую, на что намекаетъ слово *eisim* (пойдемъ), по лат. же пѣснѣ милый отправляется одинъ на поиски. На это указываетъ форма *iešu* (пойду). Онъ отправляется на сѣнокосъ, на засѣянное льномъ поле, на бѣлильню, въ катальню, въ избу и въ ту комнату, гдѣ стоятъ жернова. Онъ встрѣчаетъ тамъ по очереди трехъ дѣвушекъ, сгребавшихъ сѣно, трехъ дѣвушекъ, вырывающихъ ленъ, трехъ прачекъ, трехъ катальщицъ, трехъ прядильщицъ, но не встрѣчаетъ своей милой (*ligaviņa*). Наконецъ, онъ отправляется въ ту комнату, въ которой стоятъ жернова. Тамъ мелютъ три молольщицы, тамъ онъ находитъ свою милую.

Итакъ, лит. пѣвецъ начинаетъ пѣсню съ той комнаты, въ которой стоятъ жернова, а латышскій заканчиваетъ ею. Милый, въ лит. дайнѣ, находитъ время въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ подробнѣе осматривать и описывать предметы; въ латышской, напротивъ, этого нѣтъ. Лат. милый какъ бы болѣе волнуется и долженъ зато дольше искать, ему приходится пройти двумя мѣстами болѣе, чѣмъ его лит. товарищу.

Замѣчательно и здѣсь повторяющееся число три. Не намекаетъ ли и это на три судьбы (*tria fata*)?

По лит. варианту, подобно этому, и дѣвица ищетъ своего милаго. Она отправляется на ровныя поля, къ пахарямъ, на ровные луга къ косарямъ, но нигдѣ не находитъ его. Наконецъ, она приходитъ въ корчму, къ бражникамъ, и тамъ она видитъ его пьяннаго, съ безсмысленною улыбкою смотрящаго на всѣхъ. — Слѣдовательно, здѣсь или это прибавленіе, или вся пѣсня болѣе новаго времени, какъ это показываетъ мѣсто о корчемной жизни; все-таки эта пѣсня, повидимому, создана по древнему образцу. Размѣръ во всѣхъ этихъ пѣсняхъ одинаковый, именно, собственный литовско-латышскій двухстопный дактиль.

ХІV. Пьяница.

(Сидящій на лошади.)

Эти немногіе стихи о пьяницѣ приводятъ насъ такъ же, какъ непосредственно предыдущій лит. вар., къ корчмѣ, но не въ корчму. Корчму или какой-нибудь кабакъ приходится здѣсь еще предполагать. Ибо пьяница хвастается лишь тѣмъ (и это паралл. текстъ здѣсь), что онъ выпилъ на сто зексеровъ ¹⁾ (лит. т.), на сто марокъ ²⁾ (лат. т.), сидя на лошади. Онъ выпилъ бы еще на другую сотню (зексеровъ или марокъ), но не стоялъ болѣе его бойкій конь.

Итакъ, пьяница находится передъ какимъ-нибудь кабакомъ и, сидя на своемъ конѣ, онъ пьетъ до тѣхъ поръ, пока его бѣгунъ не станетъ выражать нетерпѣнія. Вѣрный конь долженъ опредѣлить для этого пьяницы мѣру питья. Кажется, что это древній обычай пить такимъ образомъ. Ибо какъ у литовца, такъ и у латыша существовало это обыкновеніе. Характерно здѣсь также то, что какъ литовецъ, такъ и латышъ всегда представляются вмѣстѣ со своимъ конемъ, будь это дома, на дворѣ, или на полѣ, на войнѣ, или во время поѣздки верхомъ къ милой, или —

1) Два серебряные гроша = шесть прусск. грошей.

2) Бывшая въ употребленіи въ прежнія времена въ Курляндіи и Лифляндіи мелкая монета = 3 копейки.

какъ здѣсь — передъ кабакомъ, или, наконецъ, на ночномъ и т. п. Всѣ эти случаи мы своевременно встрѣчали уже выше. Только тогда, когда всадникъ погибъ, напр., палъ на войнѣ, мы видимъ коня одного; но онъ бѣжитъ домой, чтобы разказать о своемъ всадникѣ. Литовецъ и латышъ со своимъ добрымъ конемъ неразлучны.

Здѣсь не должно казаться страннымъ, что лит. и лат. пѣсни этого рода совпадаютъ лишь въ немногихъ отдѣльныхъ строфахъ, особенно, если принять во вниманіе, что круговыхъ пѣсенъ въ этой нар. поэзіи сравнительно мало и что пѣсни, относящіяся къ корчмѣ, къ кабаку, — произведенія лишь болѣе новаго происхожденія, т. е. совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда латыши съ литовцами едва ли имѣли еще какія-нибудь сношенія. Немногіе соотвѣтствующіе здѣсь стихи, вѣроятно, случайны, при чемъ только обычай пить, сидя на конѣ, представляетъ нѣчто древнее, первобытно свойственное обоимъ народамъ. И въ лат. пѣсняхъ говорится про такихъ людей, которые слывутъ пьяницами и любителями скачекъ.

XV. Свадьба птицъ, волка.

(Разныя роли гостей.)

Здѣсь мы имѣемъ по формѣ и содержанію совершенно полный паралл. текстъ, представляющій намъ отрывокъ древняго литовско-латышскаго животнаго эпоса. Въ этихъ пѣсняхъ изображается свадьба птицъ или волка. На свадьбѣ какъ птицы, такъ и лѣсныя животныя играютъ различныя роли. Каждая птица, каждый звѣрь получаетъ, соотвѣтственно своимъ качествамъ, въ эпической формѣ эпитетъ, обозначающій роль, которую каждое изъ животныхъ играетъ на празднествѣ.

Если по параллельному тексту остается неизвѣстнымъ, кто собственно женится, то въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ лит. вар. прямо говорится, что женится волкъ, и что медвѣдь прѣхалъ на его свадьбу съ бочкою пива (alus). Подобно параллельному тексту, и здѣсь роли распределены между отдѣльными птицами и звѣрями. Эти даины оканчиваются тѣмъ, что волкъ, будучи въ веселомъ настроеніи, приглашаетъ козу на танецъ. Волкъ дѣлаетъ это, характерно разсуждая: если съ

добрымъ намѣреніемъ, то я буду плясать съ теткою, если же со злымъ, то я разорву ее. Отвѣтъ козы тоже многозначителенъ: и изъ твоей шкуры приготовить шубу милому пастуху, который пасетъ меня на клеверѣ и на овсѣ. По 4-му лит. вар. женится одинъ грибъ, *bagavykas* (боровикъ, *boletus edulis*), на другомъ. Всѣ деревья съ радостью отправляются верхомъ на свадьбу; и долгоногій лось хочетъ принять участіе въ поѣздкѣ, и за нимъ отправляются, подобно тому, какъ въ паралл. текстѣ, заяцъ, медвѣдь и лисица. И здѣсь *mutatis mutandis* торжество оканчивается пляскою.

Что касается лат. вариантовъ, то по 2-му вар. женится жаворонокъ, свадьба котораго празднуется, подобно тому, какъ это изображено въ паралл. текстѣ. По 3-му вар. это свадьба сверчка¹⁾, на которой звѣри и птицы играютъ свои естественныя роли, и блоха оказывается очень легкою плясуньей. По 4-му лат. вар., въ нѣмецкомъ переводѣ, это свадьба сына лѣса („des Waldessohnes“), на которую богъ лѣса (*Waldgott*), уходя глубоко въ камышъ, приглашаетъ животныхъ: Приходите, всѣ свободныя животныя лѣса, на свадьбу сына лѣса! По этому приглашенію появляются многочисленныя птицы и звѣри. Подъ сыномъ лѣса, можетъ быть, подразумѣвается волкъ, потому что по народному вѣрованію его въ извѣстное время года не называютъ по имени. Какъ богъ лѣса (*Meža-tēvs*, собственно, отецъ лѣса) приглашаетъ всѣхъ животныхъ лѣса на свадьбу, такъ по одной пѣснѣ, у Бютнера, богиня лѣса (*Meža-māte*) даетъ птицамъ человѣческія имена.

Итакъ, птицы, животныя, насѣкомыя и растенія (грибы и деревья) являются въ этихъ пѣсняхъ дѣйствующими лицами, и свадьба, которую они празднуютъ, обозначаетъ и символизируетъ естественное побужденіе всей разнообразной природы къ размноженію. Поэтому чрезвычайно важно, что богъ лѣса (вѣроятно, подобное лицо, какъ *Pánu*, сатиры и фавны) приглашаетъ животныхъ лѣса на свадьбу. В. Ман-

---

1) Выраженіе *ciņsefi pauda* (деньги сверчковъ), приношеніе обрученныхъ, состоящее изъ пары мелкихъ монетъ, и встрѣчаемое въ лат. свадебныхъ обрядахъ, можетъ быть, имѣло связь съ этою свадьбою сверчка.

гардтъ пишеть: „Wenn nach einem platonischen Epigramm Pan mit seiner Syrinx die Baumnympfen (Hamadryaden) und Quellnympfen (Hydriaden) zum Tanzen bringt, wenn er die Pitys, die personificirte Fichte, geliebt haben soll ¹⁾, so ist deutlich zu erkennen, wie man im Sausen des Windes, der die Bäume tanzen macht, seine Gegenwart spürte ²⁾. Dann buhlt er, gleich Faunus, um die Dryaden, woher er auch, gleich sonstigen Waldgeistern, als lüstern, geil, befruchtend, κήλων (Kratinos), πολύσπορος, πάνσπορος, geschildert wurde; Heraklit braucht πανεύειν γυναῖκας im Sinne von beschlafen“ ³⁾.

Такъ какъ въ этихъ пѣсняхъ упоминается и о такихъ животныхъ, какъ, напр., о медвѣдѣ, которыя уже давно не водятся въ латышской землѣ, то мы имѣемъ въ нихъ внѣшніе признаки древности этихъ поэтическихъ произведений. Какъ здѣсь птицы, вмѣстѣ съ четвероногими животными, празднуютъ свадьбу, такъ и по другимъ свидѣтельствамъ (срав. В. et W. 141. 142. Kol. 52 и лат. сказки) они воюютъ другъ съ другомъ, при чемъ также обнаруживаются ихъ естественныя качества.

Во 2-мъ лат. вар. „а“ встрѣчается слово uķelite, эпитетъ ласточки (bezdelliga). Латышу теперь это слово совершенно непонятно; но сравнивая его съ литовскимъ, мы тотчасъ находимъ его смыслъ; uķ-el-ite, очевидно, образовано съ уменьшительнымъ суффиксомъ -el-ite изъ слова, употребляющагося теперь еще въ лит. языкѣ, ukis, -io, m. (дворъ, жилище) и

1) Longus II, 39 *ἡράσθη μὲν Πίτυος, ἡράσθη δὲ Σύριγγος, παύεται δὲ οὐδέποτε Δρυάδων ἐνοχλῶν καὶ Ἐπιμηλίσας νόμφαις παρέχων πράγματα*. Aristides I, 249. Jebb sagt: bei den Dichtern hallen die Pane und Satyrn auf den Bergen und um die Bäume sich ergötzend in der Sommerzeit als die musikalischsten der Götter.

2) Vgl. M. Müller Essays II, 142: „Gab es irgendwo in Hellas eine mit Fichten bedeckte Seeküste, wie die Küste von Dorset, so mochte wol ein griechischer Dichter, der ein Ohr hatte für das weiche klagende Gespräch des Windes und der zitternden Fichten und ein Auge für die Verwüstung, die ein wilder Nordwind anrichtete, seinen Kindern von den Wundern des Waldes erzählen und von der armen Pitys, der Fichte, um die Pan, der sanfte Windhauch, wirbt und die vom eifersüchtigen Boreas, dem Nordwinde, niedergestreckt wird“. Vgl. auch Welcker G. L. II, 666—67.

3) Срав. Antike Wald- und Feldkulte aus nordeuropäischer Ueberlieferung erläutert von Wilhelm Mannhardt. Berlin 1877. Стр. 131.

соотвѣтствуетъ лит. ukininke, -es, f. (хозяйка); uķelite означаетъ, такимъ образомъ, любезную хозяйку, и стихи:

Bezdeliga, uķelite,
Ar viesiem runataja

получаютъ тогда подходящий смыслъ:

Ласточка, любезная хозяйка,
Разговариваетъ съ гостями.

XVI. О козлѣ.

(Приключенія козла на мельницѣ.)

Своего рода народный юморъ встрѣчается въ этихъ пѣсняхъ, по которымъ козелъ отправляется на мельницу молоть муку. Все содержаніе этихъ дайнъ выражается въ вопросахъ и въ отвѣтахъ. Спрашиваютъ козла, гдѣ онъ былъ? что онъ дѣлалъ? etc. И онъ отвѣчаетъ, что онъ былъ на мельницѣ, мололъ тамъ рожь и пшеницу, мѣрилъ рогами, металъ бороδοю; ѣлъ отруби, или пилъ молоко и медъ, пилъ сыворотку, помон, или пиво и вино; спалъ у дѣвушекъ, его поролли розгами, онъ кричалъ и т. п.

Съ очень незначительными, несущественными отличіями мы встрѣчаемъ то же самое содержаніе и въ вариантахъ. Только вар. у Юшкевича (L. d. 149) имѣетъ большее различіе. Въ этомъ вариантѣ не козелъ, а заяцъ (zuikis), былъ на мельницѣ. Онъ лежалъ тамъ въ пыли, сидѣлъ въ ситникѣ. Бѣлая борзая собаки предслѣдовали его; онъ бѣжалъ, и въ него стрѣляли.

Хотя всѣ эти пѣсни и имѣютъ отпечатокъ литовско-латышской нар. поэзіи (онѣ встрѣчаются въ дактилическомъ, свойственномъ этой поэзіи размѣрѣ, скорый темпъ котораго какъ нельзя болѣе подходитъ къ юмористическимъ и насмѣшливымъ пѣснямъ), но все-таки кажется, что въ этихъ пѣсняхъ мы имѣемъ произведенія болѣе новаго времени, идея которыхъ, можетъ быть, занесена изъ чужихъ краевъ. Что это пѣсни болѣе новаго происхожденія, о томъ свидѣтельствуется прежде всего то обстоятельство, что козелъ (заяцъ) приводится на мельницу (лит. malūnas, лат. sudmalas), а не въ комнату, въ которой стоятъ жернова (лит. и лат.

maltuve), къ ручной мельницѣ (лит. girnos, лат. dzirnas). Ибо malūnas, sud-malas означаетъ болѣе новыя, модныя мельницы, напр., водяную, вѣтрѣную мельницу и т. д. Здѣсь, а именно въ лит. дайнахъ, встрѣчаются еще и другіе признаки ихъ позднѣйшаго происхожденія, напр., слова: šinkóre, šinkarka (шинкарочка), karčema (корчма), потомъ собственные имена: Urše и Barbele.

Мы имѣемъ одиннадцать редакцій этой пѣсни о козлѣ, болѣе или менѣе отличающихся одна отъ другой, а именно, въ пяти литовскихъ (4 у Юшкевича, 1 у Лескина), и въ шести латышскихъ (2 у Цимзе, 2 у Бергмана, 1 у B. et W. и 1 мною записана) пѣсняхъ. Ни одинъ изъ этихъ названныхъ собирателей не сомнѣвался въ томъ, что это народная пѣсня. Ибо никто изъ нихъ не сдѣлалъ относительно этого никакого примѣчанія. Исключая Юшкевича и Цимзе, критику которыхъ нельзя назвать совершенно строгой, и Лескинъ не выражаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія по поводу этой дайны, какъ народной пѣсни, хотя онъ указываетъ на три варианта у Юшкевича. Она казалась имъ, безъ сомнѣнія, народной пѣсней. И она на самомъ дѣлѣ такова. Вопросъ здѣсь только въ томъ, какого рода эта народная пѣсня? Имѣемъ ли мы въ ней литовско-латышскій подлинникъ, со временемъ измѣненный и передѣланный на новый ладъ? Или она создана подъ чужимъ вліяніемъ? или представляетъ она заимствованіе? Я слабо помню, что, будучи мальчикомъ, я слыхалъ въ училищѣ эту пѣсню и по-нѣмецки:

Wo bist du denn gewesen,
Mein ziegender Bock? —

Но продолженія этой пѣсни не знаю. Я искалъ ея между нѣмецкими народными пѣснями, но не нашелъ ея, хотя нѣкоторые нѣмцы и говорили мнѣ, что и они нѣкогда пѣли въ училищѣ подобную пѣсню. Прочитывая случайно афишу эстонскаго пѣвческаго праздника 1894 г., я замѣтилъ, что и эсты считаютъ подобную пѣсню произведеніемъ своего народного творчества. Что это такое? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло со странническою пѣснею? Можетъ быть, она заимствована литовцами и латышами изъ Германіи? Этому противорѣчитъ народная форма, народный ритмъ и большое отличіе ея отъ заимствованныхъ лже-народныхъ пѣсень, каковы, напр.:

Es stāv us augsta kalna
Un skatos jūrīnā. — —

По первому взгляду видно, что такая пѣсня заимствована изъ нѣмецкаго языка:

Ich stand auf hohen Bergen
Und schaut' ins tiefe Thal'). — —

О томъ свидѣтельствуешь уже и чужой размѣръ, невѣрный языкъ etc. Но что касается нашей дайны о козлѣ, то это совершенно другое дѣло. Она обнаруживаетъ качества, свойственныя литовско-латышской народной поэзіи, и отнюдь не можетъ быть простымъ переводомъ съ чужаго языка. Поэтому собиратели, записавшіе ее, вовсе не сомнѣвались въ томъ, что она принадлежитъ къ литовско-латышскому народному творчеству. О подобной нѣмецкой народной пѣснѣ, кажется, они ничего не знали. Итакъ, можно допустить, что здѣсь произошелъ обмѣнъ чужихъ мотивовъ и идей. И этотъ обмѣнъ приходится отнести къ болѣе отдаленнымъ временамъ назадъ. Съ другой стороны, можно, повидному, въ этомъ козлѣ, который мелеть на мельницѣ рожь, видѣть миѣическое существо (Kornbock, Haferbock, Korngeiss, Roggenbock, Ziegenbock), что В. Мангардтъ²⁾ и доказалъ въ германскихъ и латышскихъ, а Потебня³⁾ въ русскихъ народныхъ преданіяхъ. Если бъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ козелъ совпадалъ съ этимъ миѣическимъ существомъ, то онъ представлялся бы намъ индо-европейскимъ миѣическимъ слѣдомъ упомянутаго хлѣбнаго демона (Korndämon). Или мы имѣемъ здѣсь лишь плодъ игры народной фантазіи безъ основательной миѣической подкладки?

XVII. Колыбельныя пѣсенки.

(Мышка приноситъ сонъ.)

Мы имѣемъ въ этомъ отдѣлѣ только нѣсколько очень краткихъ пѣсенокъ, соотвѣтствія которыхъ нельзя не от-

1) Ср. Des Knaben Wunderhorn von Arnim und Brentano 1876, стр. 271.

2) См. его Antike Wald- und Feldkulte стр. 155—200.

3) См. его Объясненія малорусс. II, стр. 173—180.

мѣтитъ. Какъ литовская, такъ и латышская мать или нянька призываетъ при убаюкиваніи дитяти мышку, и проситъ ее принести малюткѣ въ колыбель сладкій сонъ, по скамеечкамъ, по постелькамъ, чрезъ клѣтъ, кухню, избышку и печное отверстіе, и проситъ мышку принести сонъ такъ, чтобы кошка этого не замѣтила, ибо она помѣшаетъ ребенку заснуть.

Итакъ, въ поэтическихъ выраженіяхъ желаютъ для сна дитяти наибольшей тишины въ помѣщеніяхъ дома, куда смѣетъ являться только тихо ходящая мышка, которая должна служить спящему любимцу.

ХVIII. Многократный обмѣнъ.

(Даръ удаю и отца.)

Несмотря на отличія въ частностяхъ, все-таки и здѣсь мы находимъ во всемъ сходство между лит. и лат. текстами, содержащими одинаковую идею и одинаковые мотивы. Ихъ размѣръ тоже почти одинаковъ, троихенскій.

Содержаніе ихъ слѣдующее. Кто-то замѣчаетъ удаю, который, сидя на высокой горѣ, вьетъ шелковое гнѣздо и кладесть яйца. Онъ привѣтствуетъ удаю и получаетъ зато яйцо. Онъ отдаетъ это яйцо матери, мать даетъ ему „кусочъ золота“¹⁾, который онъ отдаетъ свинѣ; свинья даетъ ему поросенка, котораго онъ отдаетъ волку. Волкъ даетъ ему шубу; онъ отдаетъ эту шубу барину и получаетъ корову. За корову онъ получаетъ отъ барича лошадь, на которой онъ весело ѣдетъ верхомъ (лит. т.). — Индюкъ голыми ногами подбираетъ шейки. Выбѣгаетъ Малу-Ритентинышъ (Mālu-Ritentiņš, собств. глиняное колесо): Здравствуй, пестрая корова! Куда ты дѣнешь молоко? — Я его отдамъ жабѣ и получу сало; сало я отдамъ сапожнику на башмаки. Башмаки я дамъ невѣстѣ за поцѣлуй; поцѣлуй я передамъ литовцу, литовецъ дастъ мнѣ кобылу, кобылу я отдамъ волку, который за это прекрасно попляшетъ (лат. т.).

Варианты отличаются отъ этого текста лишь въ началѣ. Кто-то видитъ отца, сидящаго на горѣ у колодца, съ мѣшкомъ, наполненнымъ бобами, на спинѣ. Онъ проситъ у отца одну бобинку, а получаетъ цѣлый мѣшокъ. Онъ от-

1) Ср. русск. народную сказку: „Мѣна“.

даетъ мѣшокъ съ бобами свинѣ, получаетъ за то сало и т. д., слово въ слово, какъ выше, въ лат. текстѣ.

По своему содержанію этотъ паралл. текстъ не вполне понятенъ. Кажется, что здѣсь своего рода поэтическая игра, въ которой какъ бы проявляется *nexus causalis* извѣстныхъ вещей. Женщина, которая мнѣ передавала эти стихи, замѣтила при этомъ, что ея отецъ, который слылъ знатокомъ заговоровъ противъ укушенія змѣй, каждый разъ, когда кто-нибудь просилъ его сообщить ему заговоры, произносилъ эти стихи. — Жаба (*ķauķis*), которая получаетъ молоко (см. лат. т.), встрѣчается и у Стендера¹⁾ между *Pienu mātes* (молочныя матери, молочныя богини — это были змѣи и жабы).

XIX. Служба.

(Различное вознагражденіе.)

Эти произведенія можно назвать лавинными пѣснями, потому что ихъ стихи размножаются въ родѣ лавинъ: второй стихъ одною строкою больше перваго, третій двумя строками больше, четвертый тремя и т. д. до тѣхъ поръ, пока такимъ образомъ, не исчерпается извѣстный кругъ мыслей или сумма воспѣваемыхъ предметовъ, а именно такъ, что весь первый стихъ повторяется во второмъ, второй въ третьемъ и т. д. Слѣдовательно, послѣдняя строфа состоитъ изъ новой строки и всѣхъ предшествующихъ стиховъ, и цѣлая пѣсня вполне показываетъ видъ лавины. Такимъ образомъ получается нѣчто чудовищное и комическое. Такова одна нѣмецкая студенческая пѣсня:

Laurentia, liebe Laurentia mein,
Wann werden wir wieder beisammen sein? — —

По своему содержанію, эти лит. и лат. нар. пѣсни относятся къ домашнему хозяйству и касаются, по очереди, всего количества домашнихъ животныхъ. Служащій у ба-рина, по очереди, получаетъ въ первый годъ курицу, во второй — утку, въ третій — гуся, въ четвертый — козла и т. д. Такимъ образомъ онъ приобретаетъ послѣдовательно, черезъ

1) Ср. *ero Lettische Mythologie* стр. 261 и 267.

годъ, еще овцу, свинью, корову, коня и т. д. Такъ какъ онъ, наконецъ, получаетъ и дѣвушку-нѣвесту (лит. т.), то его домашній бытъ теперь устроенъ. Соотвѣтствіе обоихъ паралл. текстовъ полное. Въ лат. текстѣ пропущены только два года службы.

XX. Прощаніе.

(Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей.)

Эти пѣсни знакомятъ насъ съ одинаковыми свадебными обрядами литовцевъ и латышей¹⁾. Эти даины нѣсколько отличаются размѣромъ: литовскія даины встрѣчаются въ двухъ-стопныхъ или трехъ-стопныхъ, а латышскія въ четырехъ-стопныхъ трохеяхъ; но по содержанію онѣ во всемъ совпадаютъ. Тутъ выражено прощаніе молодой жены послѣ свадьбы съ ея любимой родиною, съ родительскимъ домомъ, со всѣми милыми мѣстами и предметами etc. Она прощается со слезами на глазахъ со столомъ, поломъ, дверьми, дворомъ, садомъ, колодцемъ, рѣкой; съ полями и лѣсами, съ горами и долинами, съ рощами и птицами, съ ихъ пѣніемъ и т. д., печально разсуждая, что она болѣе не будетъ мыть этого стола, не будетъ подметать этого пола, не будетъ открывать этихъ дверей и т. п.

Заключеніе.

Резюмируя результаты этого труда, мы получаемъ, прежде всего, значительную группу болѣе или менѣе точно соотвѣствующихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсней (числомъ 74), названныхъ въ своемъ мѣстѣ параллельными текстами и вариантами. Ихъ совпаденіе и соотвѣтствіе было, какъ уже сказано, болѣе или менѣе полное. Онѣ относились одна къ другой или какъ одинаковыя пѣсни двухъ различныхъ говоровъ, или какъ варианты, имѣющіе

1) См. Jušk. Sv. R. — R. kr. VI. — Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern von A. Winter.

все-таки одинаковую идею и тѣ же мотивы, несмотря на нѣсколько несущественныхъ отличій по содержанію и по формѣ. Паралл. тексты сопровождаются своими вариантами, изъ которыхъ болѣе важные, содержащіе больше соотвѣтствій или что-нибудь характеристичное, напечатаны *in extenso*, а менѣе важные, обнаруживающіе лишь очень близкое родство воззрѣній, или представляющіе только отголосокъ, помѣщены лишь для ссылокъ. Всѣхъ этихъ вариантовъ, число которыхъ въ введеніи точно указано, около пятисотъ. При рѣшеніи вопроса, представляетъ ли текстъ подлинникъ или заимствованіе изъ другого говора или даже изъ чужого языка, принималось иногда, между прочимъ, во вниманіи и количество вариантовъ. Ибо, чѣмъ болѣе текучъ и чѣмъ болѣе измѣняется характеръ пѣсни или, вообще, народнаго произведенія, тѣмъ болѣе это свидѣтельствуеетъ о ихъ глубокой древности.

Помѣщенные въ двадцати отдѣлахъ народныя пѣсни распадаются, по числу вариантовъ, на три группы:

- 1) на такія, которыя имѣютъ какъ на лит., такъ и на лат. сторонѣ а) множество или б) только нѣсколько вариантовъ,
- 2) на такія, гдѣ встрѣчаются варианты лишь на одной — литовской, или латышской сторонѣ и
- 3) на такія, гдѣ на обѣихъ сторонахъ, вообще, нѣтъ никакихъ вариантовъ.

Въ первомъ случаѣ, а именно а) гдѣ на обѣихъ сторонахъ встрѣчаются многочисленные варианты, легко и почти безъ всякаго сомнѣнія можно сказать, что тутъ имѣешь дѣло съ древнею литовско-латышскою народною поэзіею. Въ обѣихъ послѣднихъ случаяхъ, какъ и въ первомъ, подь б), гдѣ на обѣихъ сторонахъ мы имѣемъ лишь нѣсколько вариантовъ, было трудно и иногда невозможно рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ подлинникомъ или съ заимствованіемъ извѣстныхъ дайнъ. Хотя я, въ общемъ, былъ склоненъ, касательно старшинства отдавать предпочтеніе той сторонѣ, на которой имѣлись варианты, передъ тою, на которой таковыхъ не имѣлось, все-таки я дѣлалъ это съ большою осторожностью, потому что и здѣсь, можетъ быть, не исключается случайность. Такъ какъ сборники пѣсенъ большею частью не полны, то можетъ быть, что на той или на другой сто-

ронѣ еще многія пѣсни не записаны. Вообще, въ этой области о математической точности и рѣчи быть не можетъ.

Нессельманъ въ предисловіи своего сборника (стр. XII) говоритъ, что литовское народное творчество исключительно лирическое, и что эпическій элементъ лежитъ совершенно внѣ его круга, что повѣствовательная форма (въ стихахъ) литовцу вообще неизвѣстна. Что это мнѣніе невѣрно, въ томъ мы уже выше убѣдились. Ибо, почти всѣ тексты, приведенные въ этомъ сочиненіи, — какъ разъ баллады и романсы, т. е. повѣствовательныя произведенія. Вообще, ошибочно дѣлать естественное или народное творчество на эпосъ, лирическую поэзію etc., какъ это обыкновенно дѣлается въ искусственной поэзіи. По моему мнѣнію, литовско-латышская нар. поэзія соединяетъ, какъ бы потенциально, въ себѣ еще всѣ виды вмѣстѣ.

Что касается внутренняго характера этихъ пѣсень, то видно, что изъ нихъ миѳическія далеко превосходятъ всѣ другія не только численностью, но и тѣмъ, что миѳическая черта проходитъ, какъ красная нить, чрезъ значительное большинство остальныхъ пѣсень. Къ этимъ миѳологическимъ памятникамъ и намекамъ (*Reminiscenzen und Anspielungen*), которые разбросаны почти по всѣмъ разобраннымъ пѣснямъ, примыкаетъ упоминаніе о нѣкоторыхъ обрядахъ, основывающихся на древней языческой религіи. Вороны являются вѣстниками несчастья; цвѣтеніе извѣстнаго цвѣтка, ростъ или увяданіе посаженнаго дерева etc. означаетъ хорошее или дурное предзнаменованіе; сѣченіе мечемъ на несчастье, бѣдствіе и т. п. Рядомъ съ миѳическимъ моментомъ очень важно для опредѣленія древности этихъ пѣсень, что въ нихъ поется о древнихъ обычаяхъ и обрядахъ, какъ-то о похищеніи невѣсты, заступничествѣ брата, съ мечемъ въ рукѣ, за обиженную сестру и т. д.

Признаки, по которымъ наши пѣсни по ихъ содержанію и происхожденію относятся насъ къ извѣстнымъ временамъ, группируются слѣдующимъ образомъ. Самыми древними оказываются миѳическія пѣсни, какъ и всѣ тѣ, которыя содержатъ отношенія къ древнимъ народнымъ обрядамъ. Эти произведенія распадаются на двѣ части: 1) на такія, которыя относятся насъ къ временамъ первобытной общности индо-германскихъ народовъ (напр., сказанія о Солницѣ) и 2) на

такія, которыя намекають лишь на первобытную общность литовско-латышскаго народа (напр., произведенія о Лаймѣ). Объ этой послѣдней общности свидѣлствуютъ всѣ параллельные тексты. — Какъ упомянутые признаки указываютъ на неопредѣленную, туманную даль, такъ и во многихъ, выше разсмотрѣнныхъ пѣсняхъ встрѣчаются такіе признаки, которые относятъ насъ уже къ болѣе близкимъ, уже къ болѣе осязаемымъ, даже, наконецъ, къ историческимъ временамъ. Къ менѣе опредѣленнымъ признакамъ принадлежатъ, прежде всего, упоминанія о медвѣдѣ, о волкѣ, о рысѣ, о шубѣ и т. д. Конечно, исчезновеніе волка изъ мѣстностей, населенныхъ латышами, указываетъ лишь на болѣе новое время; волки даже теперь еще изрѣдка встрѣчаются въ нашемъ краѣ; но время, когда медвѣдь обиталъ въ латышской землѣ и народъ наблюдалъ его качества и воспѣвалъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ, очень далеко отъ насъ. Также обыкновеніе получать у рыси шубу очень древне. Кромѣ того, о рысѣ, о шубѣ упоминается вмѣстѣ съ древнимъ обычаемъ похищенія невѣсты. Въ нѣкоторыхъ лат. пѣсняхъ встрѣчается упоминаніе о кабанѣ и о зубрѣ, бѣлый рогъ котораго служитъ сосудомъ для питья и духовымъ инструментомъ, — все это животныя, которыхъ давно въ латышской землѣ нѣтъ. Признаки, относящіе насъ къ болѣе осязаемымъ, даже уже къ историческимъ временамъ, это въ нашихъ пѣсняхъ сраженія подъ Ригею, Вильною, на литовской границѣ, въ прусской землѣ и на прусской границѣ. Стало-быть, эти пѣсни относятъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда литовцы и латыши или боролись другъ съ другомъ, или мѣрили свои силы съ нѣмецкими завоевателями. Наконецъ, упоминаніе о Маріи во многихъ пѣсняхъ, записанныхъ въ Курляндіи и въ „евангелической“ Лифляндіи, не имѣющихъ, впрочемъ, никакихъ отношеній къ болѣе новымъ обстоятельствамъ, относитъ насъ за четыреста лѣтъ назадъ ко временамъ католичества. Это имя оказывается не первичнымъ, но оно является или замѣною, или смѣшиваніемъ съ другимъ мифическимъ существомъ, напр., съ Лаймою, съ Солнцемъ, съ дочерью Солнца и съ другими.

Къ этимъ признакамъ послѣдняго рода, относящимся къ отдѣльнымъ пѣснямъ, присоединяется еще, какъ очень важное обстоятельство, точное соотвѣтствіе всѣхъ приведенныхъ литовскихъ пѣсенъ латышскимъ. Итакъ, если, судя

по большей части выше упомянутыхъ внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ, содержаніе этихъ пѣсенъ, въ главныхъ чертахъ, существовало уже до начала тринадцатаго столѣтія, то эти поэтическія произведенія приводятъ насъ, въ видѣ параллельныхъ текстовъ, къ подобному же результату. Такъ какъ они оказывались во всемъ общимъ достояніемъ, первобытнымъ сокровищемъ литовцевъ и латышей, такъ какъ они непременно относятъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда латыши и литовцы составляли еще одинъ, нераздѣленный народъ, который говорилъ всѣмъ его членамъ еще понятнымъ языкомъ и еще вмѣстѣ создавалъ и передавалъ свои духовныя произведенія, то мы имѣемъ во множествѣ этихъ параллельныхъ текстовъ памятники, относящіе насъ къ болѣе раннимъ временамъ, чѣмъ тринадцатое столѣтіе. Если Биленштейнъ утверждаетъ о латышскихъ загадкахъ ¹⁾, которыя мы сравнимъ съ литовскими во II части нашего сочиненія, что онѣ соотвѣтствуютъ догомерической ступени греческаго народа, то я могу насчетъ этихъ параллельныхъ текстовъ, а именно насчетъ миѣическихъ пѣсенъ (сказанія о Солницѣ), выразить гипотезу, что они соотвѣтствуютъ приблизительно гомерической ступени греческаго народа.

Какъ бы то ни было, все-таки въ этомъ трудѣ, основываясь на объемистыхъ, многочисленныхъ, сборникахъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и сравнивая литовскія народныя пѣсни съ латышскими, я привелъ въ извѣстность группу литовскихъ и латышскихъ дайнъ, числомъ около пятисотъ, изъ которыхъ значительное большинство представляетъ древнее общее достояніе обоихъ связанныхъ братьскими узами народовъ. Несмотря на нѣкоторыя латышскія пѣсни, заимствованныя изъ литовскихъ, и наоборотъ, эти соотвѣтствія открываютъ намъ обширную историческую перспективу. Что между подлежащими сравненію пѣснями миѣическія представляютъ большинство, это очень важно. Это именно и доказываетъ, что при помощи сравненія можно опредѣлить древность этихъ пѣсенъ.

Что въ народныхъ пѣсняхъ находятся древнія формы языка, это уже давно было замѣчено многими учеными. На

---

1) Ср. его 1000 Lettische Räthsel, стр. 14.

это уже было указано въ введеніи, и примѣчанія этого рода встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ текста и выводовъ. Такъ, напр., мы замѣтили древній суффиксъ мѣстнаго падежа мн. ч. -su (X, лат. вар.) и нашли ошибочнымъ выраженное Резою мнѣніе, что въ латышскомъ языкѣ недостаетъ, между прочимъ, слово *marī*, невѣста (стр. 328). Въ лат. текстѣ (VII) встрѣчается это слово (*marša*), и *mārša* (слово того же корня, лишь въ нѣсколько измѣненномъ значеніи) мы часто находимъ въ лат. нар. пѣсняхъ.

Важно и то обстоятельство, что въ большей части пѣсенъ упоминается о морѣ, которое въ литовско-латышской мифологіи играетъ извѣстную роль. Изъ этого можно заключить, что творцы этихъ произведеній издревле жили у моря. Это доказываютъ и ихъ морскія божества, какъ-то: *Bangputis* (вздувающий волны), *Jurata*, *Juras-māte* (богиня моря) etc. По именамъ рѣкъ и мѣстъ, встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ параллельныхъ текстахъ, можно приблизительно отмѣтить границы древней литовско-латышской земли. Въ этомъ отношеніи важны имена, какъ-то: *Gauja* (Лифл. Аа), *Daugava* (Зап. Двина), *Nemuna* (Нѣманъ), *Rusne* (рѣка Руса), *mares*, *jures* (Куришъ-гафъ) и *Danska* (Данцигъ). Приблизительно, это земля, обитаемая еще теперь латышами и литовцами.

Основная черта этихъ пѣсенъ заключается въ томъ, что онѣ чисто народныя, т. е., что въ нихъ нѣтъ ничего непосредственно не принадлежащаго простымъ воззрѣніямъ самого народа. Здѣсь нѣтъ ничего чужого, ничего принятаго извнѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь древнюю языческую мифологію, не представляющую никакихъ мертвыхъ, отвлеченныхъ понятій, но дѣйствительныя мифологическія лица. Мы находимъ въ этихъ пѣсняхъ народную мораль, такъ чисто человѣчески естественную, столь чисто литовско-латышскую, что мы не замѣчаемъ тутъ никакого вліянія христіанства¹⁾. Здѣсь встрѣчаются ихъ море, гафъ и морское побережье, имена ихъ рѣкъ; здѣсь мы встрѣчаемъ ихъ лѣса, ихъ луга, ихъ нивы, пашни и мѣста погребенія, даже устройство ихъ дворовъ-усадебъ отражается въ ситуаціяхъ ихъ пѣсенъ. Эти произведенія проводятъ насъ чрезъ всѣ возрастныя ступени

---

1) Ср. статью Бютнера „Das lettische Volkslied“ въ журналѣ „Baltische Monatsschrift“ 1874 г.

и отношенія жизни, начиная съ колыбели чрезъ труды, страданія и радости до могилы. Мы видимъ тамъ брата, который спѣшитъ на войну; сестру, которая проводитъ его. Или мы видимъ, что братья гонятся за своею похищенною сестрою; далѣе, мы видимъ, что юноша теряетъ коня, а дѣвушка вѣнокъ; видимъ, какъ различно дѣвица принимаетъ вдовца и холостяка. Мы видимъ, какъ въ жизни животныхъ отражается человѣческая жизнь; мы встрѣчаемъ тамъ шутки и серьезность положенія, слезы и прощаніе.

Стало-быть, мы имѣемъ въ этихъ народныхъ произведеніяхъ, представляющихъ своего рода литовско-латышскую или балтійскую Ригъ-Веду, довольно полную картину культуры обонхъ связанныхъ братскими узами народовъ, рисуящую ихъ жизнь и весь окружающій ихъ міръ. Этотъ міръ еще не вполнѣ культурный въ нашемъ смыслѣ, но и не варварскій.